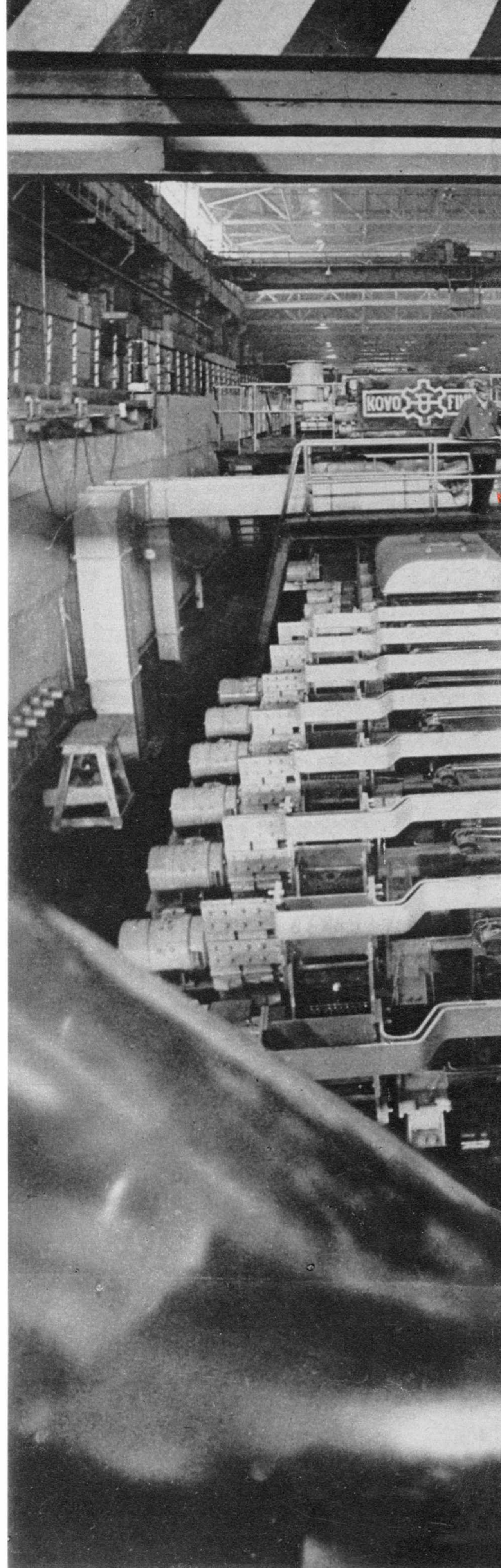

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 49 ДЕКАБРЬ 1982

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (2890)

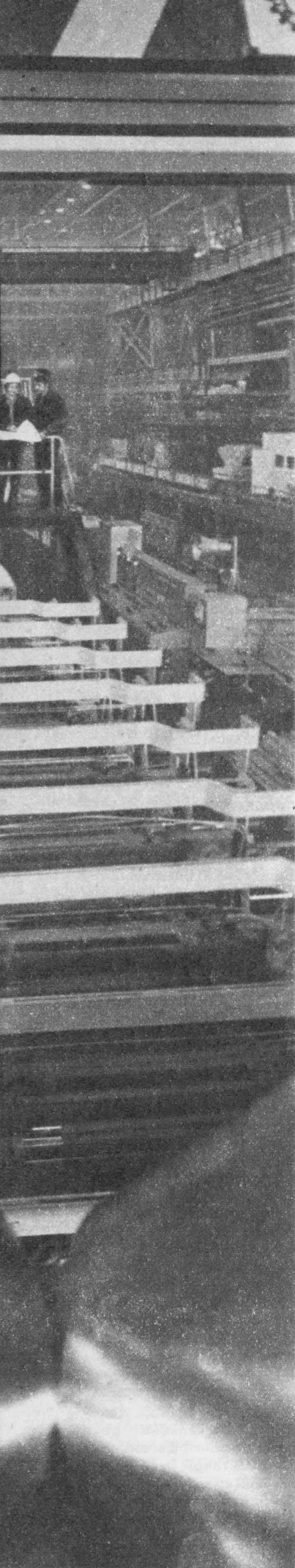
4 ДЕКАБРЯ 1982

© Издательство «Правда», «Огонек», 1982

Владимир Чепиков и Юрий Чепурсков.

Агрегат электролитического лужения жести.

ПОСЛЕДН

Ю. ЛУШИН

Фото автора

Оператор выходного участка Николай Усок плавно повернул одну из черных рукояток на пульте управления. «Поехали»,— негромко сказал он.

По меньшей мере три десятка глаз следили сейчас за движением руки оператора. Здесь были инженеры из Чехословакии (чье оборудование проходило сейчас экзамен) и профессора наладки (учившие это оборудование жить и дышать) из разных городов Советского Союза, члены Государственной комиссии по приемке цеха белой жести и рабочие-металлурги, асы электронного дела и знатоки металла...

Я попробовал пройти путь, на котором руда превращалась в лист жести. Он оказался таким длинным, что за один день одолеть его мне не удалось. Я видел, как в домнах варился чугун, который затем конвертеры превращали в сталь. Потом многотонные стальные слитки — слябы, раскаленные докрасна, проходили через систему прокатных станов, становясь все тоньше и в конце концов превращаясь в листовую сталь. Вот эти-то рулоны уже годились для производства жести... Впрочем, стоп. Это недавно стало ясно, что годны. Ведь до карагандинцев у нас в стране никогда не катали жесть из конвертерной стали — всегда только из мартеновской. Здесь же предстояло отрабатывать новую, неведомую технологию, что часто таит в себе всякие неожиданности. На помощь пришли уральцы. В Темиртау еще только заливали фундаменты под технологическое оборудование цеха белой жести,

ИЙ ЭКЗАМЕН

Москва, Кремль. В зале заседаний седьмой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва.
Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

В течение двух дней — 23 и 24 ноября — в Москве, в Кремле, работала седьмая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва.

Задачи, связанные с претворением в жизнь экономической стратегии партии, заинтересованно, по-деловому, с государственной мудростью обсуждали депутаты Верховного Совета СССР на седьмой сессии высшего органа государственной власти страны.

24 ноября сессия продолжила работу в Кремле на раздельных заседаниях палат. А вечером в Большом Кремлевском дворце состоялось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Бурными, продолжительными аплодисментами депутаты встретили товарищей Ю. В. Андропова, Г. А. Алиева, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Д. А. Кунаева, А. Я. Пельше, Г. В. Романова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, Т. Я. Киселева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

Собравшиеся почтили память скоропостижно скончавшегося секретаря Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

С заключительным словом о Государственном плане экономического и социального развития на 1983 год и о ходе выполнения плана в 1982 году выступил заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР депутат Н. К. Байбаков.

Раздельным голосованием по палатам Верховный Совет СССР единогласно принял Закон о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1983 год.

Принято Постановление Верховного Совета о ходе выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1982 год.

С заключительным словом по вопросу о Госбюджете СССР на 1983 год и об исполнении бюджета за 1981 год выступил министр финансов СССР депутат В. Ф. Гарбузов.

Раздельным голосованием по палатам депутаты единогласно приняли Закон о Государственном бюджете СССР на 1983 год.

Сессия Верховного Совета СССР приняла постановление об утверждении отчета об исполнении Государственного бюджета СССР за 1981 год.

Верховный Совет СССР единогласно принял постановление о назначении депутата Г. А. Алиева первым заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Затем депутаты приступили к рассмотрению очередного вопроса повестки дня — о проекте Закона СССР о Государственной границе СССР. С докладом выступил председатель Комитета государственной безопасности СССР депутат В. В. Федорчук.

С содокладом комиссий обеих палат по этому вопросу выступил председатель Комиссии законодательных предположений Совета Национальностей И. М. Ярковой.

Депутаты раздельным голосованием по палатам единогласно приняли Закон о Государственной границе СССР.

С докладом об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР выступил первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов. Депутаты приняли по докладу соответствующие законы и постановления.

Верховный Совет СССР единогласно принял постановление об избрании депутата Т. Н. Ментешашвили секретарем Президиума Верховного Совета СССР.

а металлурги Магнитогорска уже вели опыты с карагандинским прокатом — искали варианты получения жести из конвертерной стали. Их поиск увенчался успехом и сэкономил массу времени казахстанским металлургам. В то же самое время инженеры из Казахстана проходили практику в Чехословакии, постигая тайны превращения черной жести в белую. Ведь именно там, в Кошице, впервые в истории металлургии стран социалистического содружества были смонтированы агрегаты электролитического лужения. Такие же агрегаты, спроектированные и изготовленные в ЧССР, установлены и в Темиртау.

Вообще история Казахстанской Магнитки знает немало примеров, когда ее цеха оснащались оборудованием, впервые созданным для черной металлургии страны. Один из таких примеров — шестиклетевой прокатный стан, созданный специально для цеха белой жести славным «Уралмашем». Стан по производительности не имеет себе равных в нашей металлургической промышленности. Стальная лента проносится по его валкам с курьерской скоростью, глазом не успеваешь моргнуть. Считанные минуты требуются для того, чтобы рулон километровой длины стал вдесятеро длиннее после прокатки и превратился в жесть толщиной в десятые и даже сотые доли миллиметра. При этом, опять-таки впервые в стране, на карагандинском стане прокатывается беспрерывная лента. Агрегат не останавливается после размотки рулона, просто к нему на ходу пристыковывается новый... Все параметры — скорость движения ленты, ее толщина и качество — контролируются автоматизированными системами.

Я ходил по цеху (так и хочется сказать — по заводу, что не будет особым преувеличением) белой жести и в который раз поражался тому, каких все-таки огромных трудов стоит сделать обычную консервную банку. Я наблюдал за этой работой, а перед глазами вставали горы жестянок, которые мы просто выбрасываем на свалку. Для нас, потребителей, эти банки не имеют никакой ценности. Но что же можно с этим поделать? (Я знаю, что в некоторых странах собирают даже использованные бритвенные лезвия.) Нужда в белой жести огромная. Завод поможет ее утолить. Только пуск первой очереди даст стране 445 тысяч тонн дефицитной продукции (более половины того, что сейчас выпускается всей нашей промышленностью), основная часть которой пойдет на предприятия пищевой промышленности. Стало быть, на наших столах будет больше солений и варений, соков, компотов и овощей. Таков вклад металлургов в Продовольственную программу страны.

...Все дороги в цехе жести в конце концов приводят в лудильное отделение. Именно здесь черная жесть приобретает зеркальный блеск и чистоту, покрываясь тончайшим слоем олова. Люди похаживали рядом, время от времени поворачивали какие-то ручки на пультах управления, и, послушные их движениям, машины то ускоряли бег жестяной ленты, то замедляли его. Агрегат электролитического лужения опробовался в разных режимах... Ко мне подошел сияющий молодой инженер, бригадир лудильного отделения Виктор Павленко, протянул на память белый квадратик, сверкнувший зеркальным отражением.

— Красиво получается, правда? Добились, что на квадратный метр жести расходуется около восьми граммов олова. Уже хорошо — где-то между вторым и первым классом качества. Но мы покажем и высший класс. Должны показать...

— Класс мы, конечно, покажем,— добавил начальник цеха белой жести Борис Евгеньевич Попов,— и для такой уверенности, поверьте, есть основания. У нас сложился прекрасный коллектив, в котором каждый инженер, техник, каждый рабочий знает свою задачу и выполняет ее с полной душевной энергией. Потому что каждый понимает: в нашем деле мелочей, второстепенных задач нет — все главные. Мы приложим все силы, чтобы цех в самые сжатые сроки вышел на проектную мощность. Хотелось бы только, чтобы наша продукция — белая жесть использовалась на предприятиях консервной промышленности предельно бережно и экономно, чтобы ее как можно меньше уходило в отходы.

30 ноября в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась шестая сессия Верховного Совета РСФСР десятого созыва.
На снимке: в зале заседания Верховного Совета РСФСР. **Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева**

КУРС РАЗРЯДКИ И ПОЛИТИКА КОНФРОНТАЦИИ

Сергей ЛОСЕВ

В отношениях между государствами преемственность и стабильность внешней политики являются необходимыми компонентами. Это особенно важно, когда дело касается СССР и США, в руках которых сосредоточена подавляющая часть ракетно-ядерных арсеналов мира.

Вряд ли кто-нибудь сочтет приемлемым такое положение, когда очередная смена администрации в Соединенных Штатах используется правящими кругами Америки как предлог для резкой перемены внешнеполитического курса и для отказа от взятых на себя обязательств. Между тем администрация Р. Рейгана зашла по этому опасному пути дальше, чем позволяли себе предыдущие администрации. Сейчас Белый дом прибегает даже к домогательствам, пытаясь вырвать у СССР уступки в качестве предварительного условия нормализации двусторонних отношений и осуществления достигнутых ранее договоренностей, выполнение которых, согласно сложившимся нормам международного права, казалось, должно было бы быть само собой разумеющимся делом.

Позиция Советского Союза в связи с этими негодными и бесперспективными попытками предельно ясна. Как подчеркнул на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, «в сохранении мира и разрядки одинаково заинтересованы все. Поэтому по меньшей мере несерьезно звучат заявления, в которых готовность к нормализации отношений связывается с требованием, чтобы Советский Союз платил за это какими-то предварительными уступками в самых разных областях. На такое мы не пойдем. Да нам собственно и отменять нечего: санкций ни против кого мы не вводили, от подписанных договоров и соглашений не отказывались, начатых переговоров не прерывали».

Внешняя политика СССР была и остается такой, какой она определена XXIV, XXV и XXVI съездами нашей партии. Об этом со всей ответственностью было заявлено на Пленуме ЦК КПСС. В борьбе за обеспечение прочного мира, защиту прав народов на независимость и социальный прогресс — как и при жизни Леонида Ильича Брежнева — руководство партии и государства действует принципиально, последовательно и взвешенно.

Тем политическим деятелям на Западе, которые требуют теперь от нашего государства неких «доказательств» миролюбия, нелишне напомнить, что только после 1945 года СССР выдвинул более 110 конструктивных внешнеполитических инициатив, направленных на укрепление международной безопасности, предотвращение термоядерной катастрофы и обеспечение разоружения.

Стремясь создать благоприятные условия для продолжения Женевских переговоров о взаимном сокращении стратегических вооружений, Советский Союз согласился на то, чтобы в качестве первого шага на пути к будущему соглашению СССР и США «заморозили» свои ядерные арсеналы. По убеждению бывшего директора американского агентства по контролю над вооружениями и разоружению П. Уорнке, безотлагательная договоренность о таком «замораживании» способствовала бы претворению в жизнь предложений о последующем существенном сокращении ядерных арсеналов обеих сторон.

Администрация Рейгана, однако, в погоне за ускользающим призраком военного превосходства ответила на мощную поддержку предложения о «замораживании» в самих США авантюристическим решением о развертывании новых американских межконтинентальных баллистических ракет МХ. Одобряя план развертывания ракет МХ методом «компактного базирования», Белый дом не мог не знать, что это противоречит соглашению ОСВ-1 и советско-американскому договору ОСВ-2, положения которого президент США обязался соблюдать на взаимной основе, несмотря на отказ добиваться его ратификации в сенате. Действительно, пункт 1 статьи 4 договора ОСВ-2 гласит, что «каждая из сторон обязуется не начинать строительства дополнительных стационарных пусковых установок МБР». Предназначенные для обмана конгресса хитроумные «объяснения» Пентагона, будто ракеты МХ несут свою «собственную пусковую установку в контейнере», не могут скрыть того непреложного факта, что пусковой установкой межконтинентальных баллистических ракет (МБР) по договору ОСВ-2 считается шахта. А план «компактного базирования» ракет МХ предусматривает их размещение в ста новых сверхпрочных шахтах.

Советский Союз, разумеется, не может безучастно относиться и к тому обстоятельству, что Пентагон развертывает ракеты МХ как оружие первого удара. Тем более что администрация Рейгана отказывается последовать примеру СССР и взять на себя обязательство ни при каких условиях не прибегать к применению ядерного оружия первым.

Американские стратеги не скрывают своих расчетов экономически измотать Союз Советских Социалистических Республик дорогостоящей гонкой ракетно-ядерных и обычных вооружений. В Вашингтоне, видимо, явно запамятовали, что американскому империализму не удалось обескровить нас в первые послевоенные годы, когда страна, производя нефти и стали во много раз меньше, чем сейчас, не только восстановила разрушенное гитлеровской агрессией хозяйство, но и создала непреодолимый ракетно-ядерный щит Родины.

Многие американские экономисты уже сейчас предостерегают, как бы Соединенные Штаты не надорвались сами в приступе милитаристской истерии. Перед уходом с поста председателя экономического совета при президенте США М. Уайнденбаум подчеркнул, что огромные военные расходы в США «убивают американскую экономику», ведут к подлинному загниванию гражданских отраслей промышленности. «Нам нужно учиться на нашей собственной истории,— отметил Уайнденбаум.— Чрезвычайные программы обычно терпят крах. Мы можем обнаружить много случаев, когда ударные военные программы попросту не срабатывали и их приходилось отменять. Они ни на йоту не укрепили нашу национальную безопасность»...

Народы хотят не конфронтации, а соглашений на основе взаимности и равноправия. К этому мы готовы.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

НАМЕЧЕННОЕ ПАРТИЕЙ ВЫПОЛНИМ

С большим интересом, с карандашом в руках читал я материалы очередного, ноябрьского Пленума Центрального Комитета КПСС, речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова. Задачи, поставленные перед нами, работниками сельского хозяйства, многочисленны и разнообразны. Но смысл их можно передать коротко — осуществление Продовольственной программы. Мне особенно запомнились слова из доклада: «Все понимают, конечно, что осуществление Продовольственной программы — дело не одного года. Это так. Но мы должны прямо сказать и другое: выполнение Продовольственной программы нельзя затягивать».

Верные, правильные слова. Это прямой долг земледельцев, животноводов, руководителей сельского хозяйства. Мы должны работать так, чтобы все перебои в снабжении продовольственными товарами были устранены как можно быстрее.

Близится к завершению год. Уже можно подвести некоторые итоги. В нашем колхозе особенно хорошо поработали животноводы. Годовой план по молоку выполнен на 107 процентов, а до конца года остается еще месяц. За этот срок мы намерены дать сверх плана еще пять тысяч центнеров молока. Радует и другая цифра — производство молока в сравнении с прошлым годом возросло на три тысячи центнеров.

Успехи в животноводстве, конечно, не пришли сами по себе. Мы в своем хозяйстве серьезно и основательно вот уже в течение нескольких лет занимаемся созданием прочной кормовой базы. Построили небольшой завод по приготовлению витаминной муки, который хорошо помогает нам выходить из трудных положений даже в самые неурожайные годы.

Сейчас дело ведем к тому, чтобы кормопроизводство в колхозе было выделено в отдельную отрасль, то есть специально назначенные люди будут сами сеять травы, налаживать зеленый конвейер, сами станут доставлять корма к фермам. Вопрос этот созрел еще и вот по какой причине: общественное стадо в хозяйстве постоянно растет, а земельные площади не увеличиваются. Значит, надо повышать урожайность сеяных трав. Но беда в том, что у нас мало засухоустойчивых урожайных сортов сеяных трав. И мы, пожалуй, вправе предъявить серьезный упрек нашим ученым. Чем скорее такие сорта придут на поля, тем быстрее решится проблема кормов. Наши животноводы в долгу не останутся. Говорю об этом с полной уверенностью. Рядом со старшими у нас трудится молодежь. На фермах сейчас создано несколько комсомольско-молодежных звеньев. Работают здорово! Можно надеяться, что смена станет достойной старшего поколения.

Я не случайно сказал о людях. Ведь в конечном итоге все зависит от них. Встречаясь с нашими тружениками в эти дни, обсуждая с ними материалы Пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР, советуясь, понимаешь, что все они прекрасно сознают свой долг и сделают все возможное, чтобы выполнить поставленные задачи. Но при этом они высказывают и критические замечания.

Большая просьба у нас к машиностроителям: прибавьте века почвообрабатывающим орудиям! Ведь это просто беда. Сеялки, лущильники, бороны зачастую не выдерживают и половину положенного им срока — ломаются. Приходится покупать новые, а старые отправлять на металлолом. Не слишком ли накладно? Этот вопрос можно задать и новосибирскому производственному объединению «Сибсельмаш» и другим родственным предприятиям.

Очень заботит нас еще одно обстоятельство. В райцентре находится несколько организаций, призванных обслуживать колхозы. Назову лишь самые крупные из них: «Сельхозтехника», «Транссельхозтехника», «Сельхозхимия». А еще по мелочи: конторы по электричеству, по ремонту животноводческих помещений... Посмотришь, вокруг одни помощники, но так и хочется назвать их, как говорят у нас в Сибири, «помощнички». Они только тем и озабочены, чтобы побольше выкачать денег из колхоза и поменьше сделать. Ведь они не несут никакой ответственности ни за урожайность на полях, ни за надои на фермах. В решениях майского Пленума ЦК КПСС была дана принципиальная оценка такому ненормальному положению, но дело, к сожалению, улучшается пока медленно. Чтобы не быть голословным, приведу лишь один факт: несколько лет в районе существует «Сельхозхимия». А мы еще ни разу не смогли воспользоваться ее услугами. А требуется срочно проводить известкование почв на некоторых полях, требуется вывозить на поля удобрения и многое другое. Но все это приходится делать самим. Возникает законный вопрос: а зачем тогда существует «Сельхозхимия», которая не выполняет положенного? Назрела необходимость навести порядок в этом деле. Не думаю, что это связано с огромными сложностями. Скорее всего, как говорил на Пленуме ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов, «...не хватает... инициативы, решительной борьбы с бесхозяйственностью».

Но, несмотря на все трудности, наше хозяйство идет вперед, идет в гору. И мы твердо верим, что все намеченное партией будет выполнено.

Михаил ОРЕЛ,
председатель колхоза имени Урицкого, Сузунского района, Новосибирской области

ТОЛЬКО ТРУДОМ!

Земледельцам нашего района, как и всем советским людям, по душе то большое внимание, которое и на очередном, ноябрьском Пленуме Центрального Комитета КПСС и на недавней сессии Верховного Совета СССР уделено развитию агропромышленного комплекса, реализации Продовольственной программы. Все мы видим, что в проекте плана выдерживается неизменная линия партии на повышение благосостояния народа.

Уже к началу ноября на большой хирман Узбекистана земледельцы нашего района доставили 51 тысячу тонн высококачественного хлопка, что на 20 тысяч тонн больше, чем было к этому времени в прошлом году. Успешно завершается сдача урожая в счет нашего обязательства — довести валовой сбор до 60 тысяч тонн.

Партийные организации района, руководители целинных хозяйств (а район наш создан всего несколько лет назад) взяли на особый учет специалистов других важных сельскохозяйственных отраслей — животноводов, пчеловодов, рыбоводов, виноградарей, овощеводов. И пока осваивали площади под хлопчатник, одновременно строили фермы, готовили массивы под овощи и бахчи, сады и виноградники. Такая «с дальним прицелом» забота сказалась. Уже ныне страна получила от нас, помимо хлопка, немало другой ценной продукции. Например, план по производству фруктов район выполнил на 150 процентов, овощей и бахчевых — на 104 процента. Производство мяса и молока за год выросло на 11 процентов, яиц — на 21 процент. Сейчас у нас на целине появились вполне рентабельные специализированные хозяйства по производству меда, товарной рыбы, верблюжьего молока — кстати, не только вкусного, питательного, но и целебного. Но мы понимаем, что предстоит еще немало потрудиться; чтобы повысить эффективность и качество работы, надо всемерно укреплять дисциплину и организованность на многих участках производства.

Всей душой поддерживаем требование партии, высказанное в речи Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Ю. В. Андропова: «...Выполнение Продовольственной программы нельзя затягивать. Работникам агропромышленного комплекса надо изо дня в день наращивать усилия, трудиться так, чтобы огромные средства, направляемые на решение этой задачи, давали отдачу уже сегодня и еще большую — завтра».

Постараемся сделать все, чтобы было именно так!

Алымбай ПРИМОВ,
первый секретарь Элликкалинского райкома Компартии Узбекистана, кандидат экономических наук

Михаил Порфирьевич ГЕОРГАДЗЕ

23 ноября 1982 года на 71-м году жизни скоропостижно скончался кандидат в члены ЦК КПСС, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Михаил Порфирьевич Георгадзе.

М. П. Георгадзе родился 12 марта 1912 г. в селе Зоди Чиатурского района Грузинской ССР. Член КПСС с 1942 г. Трудовой путь начал в 1929 г. трактористом, бригадиром тракторной бригады в совхозе.

С 1941 года по окончании Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства на протяжении ряда лет занимал ответственные посты в Министерстве сельского хозяйства СССР — был начальником отдела, начальником главного управления. С 1951 г. работал заместителем министра, а затем министром сельского хозяйства Грузинской ССР.

В 1953 году М. П. Георгадзе был назначен заместителем Председателя Совета Министров Грузинской ССР. С 1954 г. являлся вторым секретарем ЦК КП Грузии, а с 1956 г. — первым заместителем Председателя Совета Министров Грузинской ССР.

С 1957 года и до последних дней своей жизни М. П. Георгадзе работал секретарем Президиума Верховного Совета СССР.

На всех участках работы М. П. Георгадзе проявлял высокую партийную ответственность, организаторские способности, требовательность к себе. Его отличали принципиальность, личная скромность, чуткое и внимательное отношение к людям, он пользовался уважением товарищей.

На XXIII, XXIV, XXV и XXVI съездах КПСС М. П. Георгадзе избирался кандидатом в члены ЦК КПСС, являлся депутатом Верховного Совета СССР четвертого — десятого созывов.

Заслуги Михаила Порфирьевича Георгадзе перед Коммунистической партией и Советским государством отмечены двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями.

Светлая память о Михаиле Порфирьевиче Георгадзе, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, навсегда сохранится в наших сердцах.

Ю. В. Андропов, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, В. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Г. Ф. Сизов, М. А. Яснов, Г. С. Павлов, Н. А. Петровичев, М. С. Смиртюков, П. Г. Гилашвили, В. Ф. Промыслов, А. И. Лукьянов, Д. Л. Картвелишвили, С. М. Коломин.

---

2 ДЕКАБРЯ 1975 ГОДА — ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ЛАОССКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

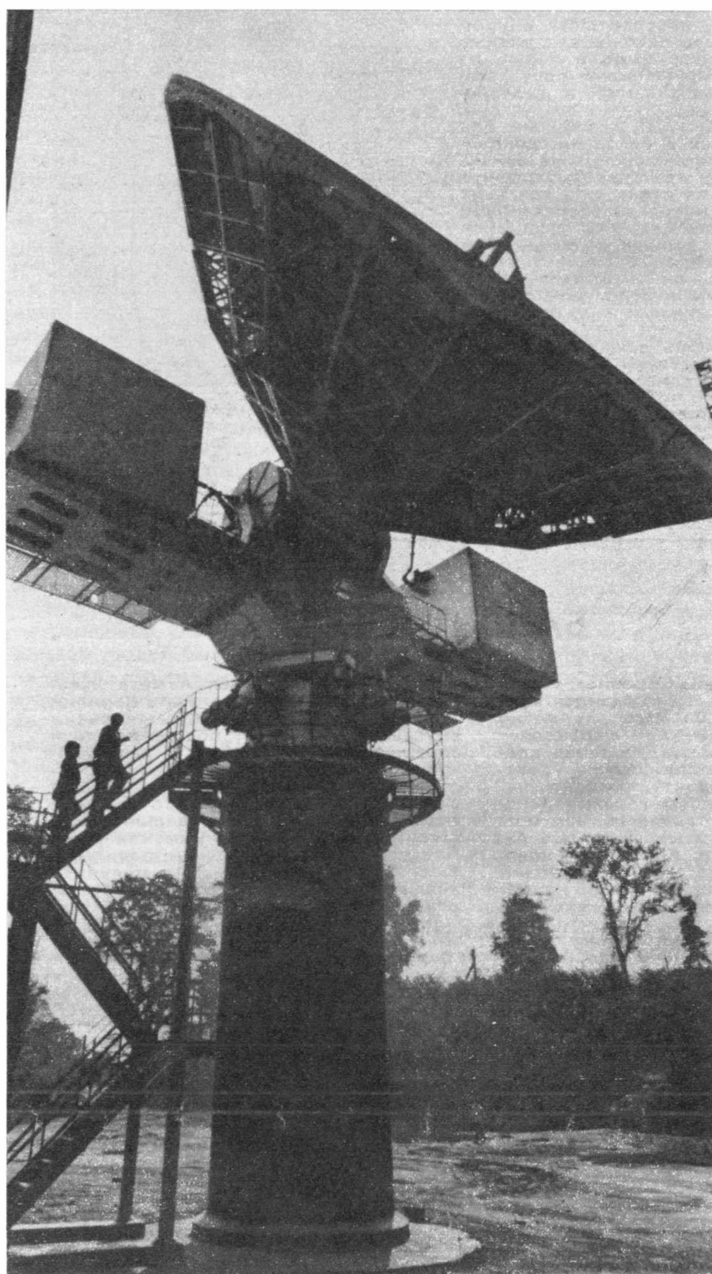
ЛАОС СЕГОДНЯ

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Фото автора

...Над дорогами Лаоса клубится бурая пыль. Шаги буйволов, вздымающих ее, неторопливы, как были неторопливы и век и десять веков тому назад. Медленно текло время в стране Миллиона слонов и Белого зонтика — в древнем Лаосе, не ускорило оно своего бега и в годы колониализма — все такой же убогой оставалась соха, все таким же бедным крестьянин...

Народ Лаоса повернул ход времени. И вот в эти дни чудесной бархатной осени на берегах Меконга Лаосская Народно-Демократическая Республика отмечает свое семилетие. Обгоняя буйволов, мчатся автомобили, груженные бетоном и удобрениями, идут строительные краны, дорожная техника. И уж совсем новое для этих мест — переваливают через дорогу зерноуборочные комбайны. Дорога — это зеркало, глядя в которое можно увидеть жизнь страны, ощутить пульс этой жизни. Молодой республике нужно еще многое успеть, многое сделать. Создаются новые поселки, и планируются под урожай целинные земли, строятся промышленные предприятия, и готовятся кадры — учителя, врачи, инженеры, рабочие высокой квалификации. Помощь лаосскому народу оказывают Советский Союз и Монголия, Вьетнам и ГДР, другие страны социализма. Молодой республике нужно пройти еще немало дорог. Но любая дорога становится короче, если рядом друзья.

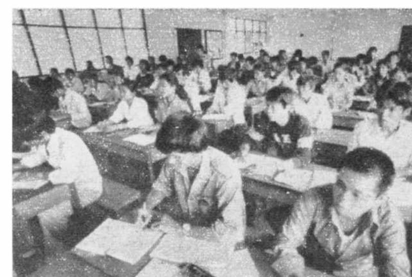

Телевизионный ретранслятор «Лотос» — станция, построенная с помощью Советского Союза, позволяет смотреть передачи из Москвы.

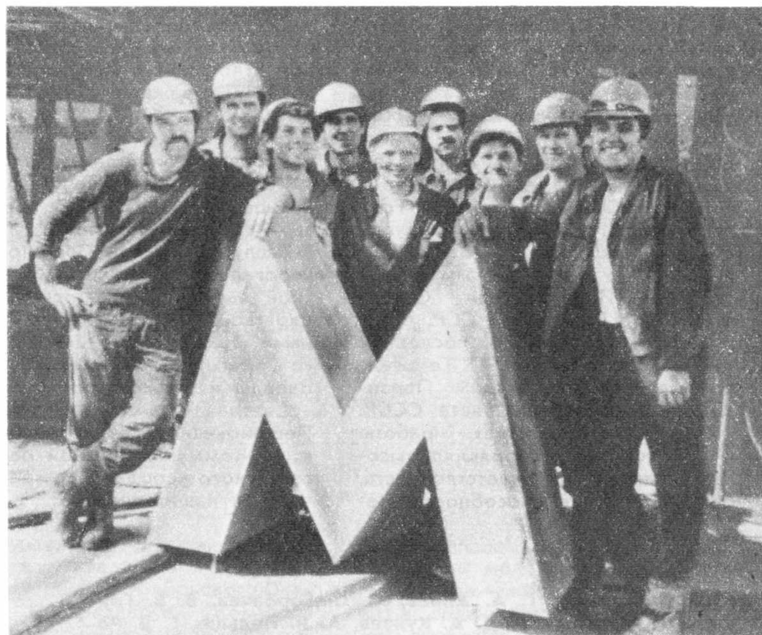
Техник-электрик Кхампью Кхунтхамаити обучалась своей специальности в ГДР.

Будущие преподаватели — студенты луангпрабангского педагогического техникума.

На строительстве политехникума во Вьентьяне. Руководитель группы советских специалистов А. П. Замлынский (справа), главный инженер строительства Фонг Вонгсай, обучавшийся в Советском Союзе, и начальник участка А. И. Овчаренко.

ДНЕПРОПЕТРОВСК

БУДЕТ МЕТРО

В последние годы Днепропетровск уверенно вышел в число наиболее крупных городов нашей страны. Сейчас здесь проживает более миллиона жителей. Едва ли не самой трудной проблемой города является транспортная.

Государственная экспертная комиссия Госплана СССР, внимательно ознакомившись с положением дел в Днепропетровске, одобрила комплексную схему развития всех видов городского транспорта и рекомендовала сооружение метро. Сейчас строительство подземных магистралей идет полным ходом. Предусматривается сооружение трех линий протяженностью около восьмидесяти километров, а в перспективе общая протяженность четырех линий составит 100 километров, которые охватят все крупные промышленные зоны и жилые районы на обоих берегах Днепра. Первая линия вступит в строй уже в этом десятилетии. Она соединит предприятия и жилые массивы западной части города с центром.

В конкурсе на лучшее оформление станций, объявленном исполкомом городского Совета народных депутатов, Союзом архитекторов и Союзом художников Украины, приняли участие специалисты Москвы, Киева, Минска, Харькова.

Утвержден и проект и титул стройки первой очереди Днепропетровского метро протяженностью около двенадцати километров между станциями «Коммунарская» и «Октябрьская площадь». На предприятиях города развернулось движение за своевременное и качественное выполнение заказов метростроя.

В. ПРОНИН

На снимке: одна из лучших бригад проходчиков-метростроевцев. Возглавляет бригаду Николай Николаевич Никулин (в центре).

Фото Ю. Боловина

ТАЛЛИН

АМПЛУА СТАРОГО ЯКОРЯ

Порт... От одного только слова веет ветрами дальних странствий, мерещатся белые теплоходы на сине-зеленой волне и торжественность пестрых флагов. Устроенные по мерке одинаковых производственных необходимостей, кажется, все порты должны быть похожи друг на друга. Но они такие разные! Скажем, Таллинский порт очень красив: тесно, бок о бок и нос к корме, швартуются суда, плотно стоят краны, наклоняясь то над судами, то над причалами; множество дел, работ, вещей, людей — все надежно и как-то изящно разместилось в крепких ладонях портового ковша. Но вот беда — тесно стало в этих ладонях морской навигации, связанной с гаванями разных континентов! Из-за этой-то тесноты в марте нынешнего года в Таллине произошло важное событие: в нескольких километрах от старого, еще Петром I построенного порта заложили новый. В церемонии закладки был своеобразный момент: порт, в котором испокон веков суда бросали якоря, на сей раз сам бросил якорь на новом месте. Действительно, что может быть более точным символом портового организма, чем якорь, всегда возвращающийся домой? Этот, опущенный на дно бухты Мууга в Таллинском заливе, уже хорошо и долго послужил на работяге катере. Потом был снят, покрыт черным лаком, снабжен серебристой капсулой, в которую уложены акт о строительстве порта и список организаций, участвующих в его сооружении, и опущен на дно. Если бы якорь умел слышать, из речей на открытии он узнал бы много интересного! Например, что новый Таллинский порт со временем окажется наравне с таким великаном, как Восточный на Тихом океане. Что расти он будет быстро — первая очередь его должна вступить в строй через четыре года, и для этого надо углубить акваторию, подняв со дна 14 миллионов кубометров земли, создать дамбу длиной в три километра, уложить пятьсот тысяч кубометров железобетонных конструкций, построить 23 внушительных здания. Что работать здесь будут разные организации из союзных республик, а также из Финляндии. Что рядом с сооружениями порта возникнут новая сортировочная станция, и железнодорожные пути.

Но якорь не умеет слышать, да к тому же, как было сказано, он погрузился в холодный донный песок. Однако на этом его приключения не кончились: работы в новом порту идут так быстро, что теперь место его погружения стало уже вовсе не дном морским, а обыкновенной твердой землей; сотворение земли продолжается, образующийся на глазах берег уходит все дальше в море. Так якорь снова оказался на земле. Теперь научиться бы ему видеть — и смог бы он наблюдать, как прибывают новые земснасосы и строители со своими многочисленными механизмами и неугомонными замыслами.

В дальнейшем же наш якорь должен сделаться приметным старожилом в будущем порту: вероятнее всего, он встанет на постаменте в окружении цветов и будет напоминать о том дне и часе, когда началось строительство порта.

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

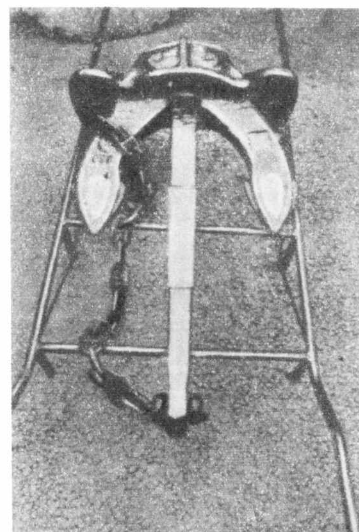
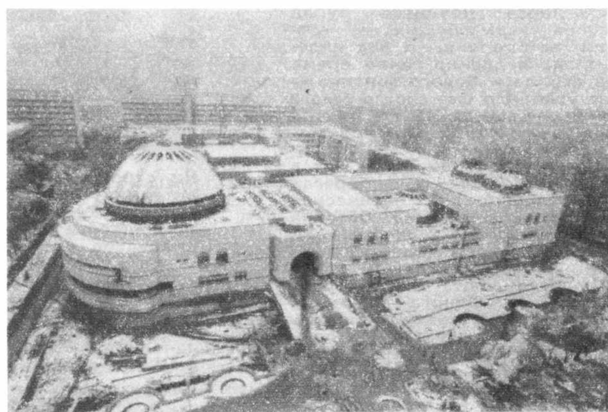

Фото В. Сальмре

АЛМА-АТА

БАНЯ ПРАВИТ...

«Баня парит, баня правит»,— прочитал у Даля и вновь поразился мудрости народной. До чего же метко сказано! Баня именно выправляет здоровье человека, щитом перед простудой встает, сердце легким делает. А ведь лет двадцать, тридцать назад, когда большинство горожан переселялось в благоустроенные квартиры с ваннами, многим казалось, что бани свое отслужили. Кое-где их начали даже закрывать... А позже врачи заметили: увеличилось число страдающих гипертонией, отложением солей. Нет, не стоит забывать, что баня и парит и правит... Вот почему жители столицы Казахстана с одобрением узнали, что строительство бань завершено. Тут и восточные, и традиционные русские, и сауны. Словом, на любой вкус. Любопытно, что использован и проект бани XIV века, раскопанной возле мавзолея Ахмета Яссави в городе Туркестане. Роль парилки здесь выполняет пол. В нескольких круглых залах будет поддерживаться определенная влажность и регулироваться температура специального настила — суфы. Под полом восточной бани и раздевалок трубы с горячим воздухом. Такие бани — дальние родственницы знаменитых римских терм. Предусмотрен и лечебный павильон. Любой посетитель сможет получить квалифицированный совет врача и полезные рекомендации. Выбор широк: лечебные ванны, души, массажи. Бани способны принять около трех тысяч человек в день. Остается пожелать их посетителям легкого пара.

Л. ЮРЬЕВ

Фото автора

ОККУПАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

29 ноября по решению Организации Объединенных Наций и Всемирного Совета Мира был проведен Международный день солидарности с борьбой арабского народа Палестины. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Президиум Верховного Совета СССР сердечно поздравили товарища Арафата, его соратников в Палестинском движении Сопротивления, весь арабский народ Палестины. «В этот знаменательный день,— говорится в послании,— советские люди воздают должное мужеству и стойкости палестинского народа, подтверждают свою неизменную поддержку его справедливой борьбы за национальные права. Самоотверженность и героизм палестинских бойцов, оказавших достойный отпор израильской агрессии в Ливане, вызвали повсеместно восхищение и симпатии. Вновь подтвердилась истина: нельзя сломить народ, убежденный в правоте своего дела. Еще выше возрос международный престиж и авторитет Организации освобождения Палестины, ее руководства».

Предлагаем вниманию читателей репортаж, присланный из Ливана корреспондентом-кинооператором Советского телевидения на Ближнем Востоке Владимиром Ковнатом.

Одна из жертв израильских варваров.

Владимир КОВНАТ

Фото автора

Мы подъехали к лагерям Сабра и Шатила со стороны больницы Акаба. В мае этого года большая группа ливанских и палестинских школьников приняла участие в конкурсе на лучший рисунок. Полотном для юных художников служил чисто выбеленный забор больницы Акаба, где среди множества раненых были и дети, пострадавшие от воздушных налетов, артиллерийских обстрелов и взрывов заминированных машин. Большие флаги Красного Креста не смогли уберечь бейрутские госпитали от разрушений и пожаров — Акаба не является исключением. Яркие детские рисунки на ограде сохранились. Но где теперь юные художники, что с ними? На этот вопрос никто не мог нам ответить.

У самого въезда в лагерь, среди полностью разрушенных домов, простирается огромная зловонная лужа — снаряды и бомбы разбили канализационные стоки. Сегодня многотысячное население двух огромных лагерей живет под постоянной угрозой вспышки эпидемий. Если меры по расчистке и ремонту стоков не будут приняты немедленно, то не исключено, что людей, уцелевших от штыков и пуль убийц, добьют инфекционные болезни.

Запах разложения до сих пор стоит в узких разрушенных улочках. Масштабы резни беззащитных людей были такими, что и по сей день не разыскано среди развалин множество жертв этого бессмысленного зверства, заставившего содрогнуться весь мир. Уцелевшее взрослое население Сабры и Шатилы боится разговаривать с журналистами. Дети, потерявшие братьев, сестер, матерей, водили нас по развалинам.

Изможденная женщина с двухлетним ребенком на руках, сидевшая прямо на земле у руин своего дома, сказала восьмилетнему мальчику:

— Покажи этим людям место, где зарезали нашу и твою семью. Покажи им, где кромсали ножами твоих сестер, где стреляли в живот твоей беременной матери... Ты ведь видел все это!

На вопросы, заданные через переводчика, женщина не ответила — здесь ни у кого нет уверенности, что убийцы не возвратятся.

Когда палестинские боевые отряды покидали город, оставляя в лагерях свои семьи, Палестинское движение Сопротивления получило твердые гарантии от правительства США, что агрессоры в Западный Бейрут не войдут. Но израильтяне, дождавшись ухода сил ПДС, вломились в беззащитный город, чего не смели делать более трех месяцев — они не хотели класть свои «драгоценные» жизни на алтарь «Великого Израиля». А кровавое избиение безоружных палестинских семей было для агрессоров и их пособников делом совершенно безопасным...

Проехав по жуткой зловонной двухсотметровой луже у начала лагеря Сабра, останавливаем машину на сухом месте и включаем радио: пора слушать международные новости. Одно из западных агентств передает сообщение своего корреспондента на английском языке:

— Я проехал весь юг Ливана и видел, как израильские солдаты, направляющиеся домой в отпуск, тащат с собой магнитофоны, радиоприемники и даже телевизоры, которые они или купили за бесценок, или просто вынесли из пустых квартир. Один из солдат прямо заявил, что пусть командование израильских войск в Бейруте не врет, будто не знало о том, что творилось в лагерях. Мы, сказал этот солдат, стояли в сорока километрах от Бейрута, а знали все подробности уже утром, через два-три часа после начала этой зверской резни...

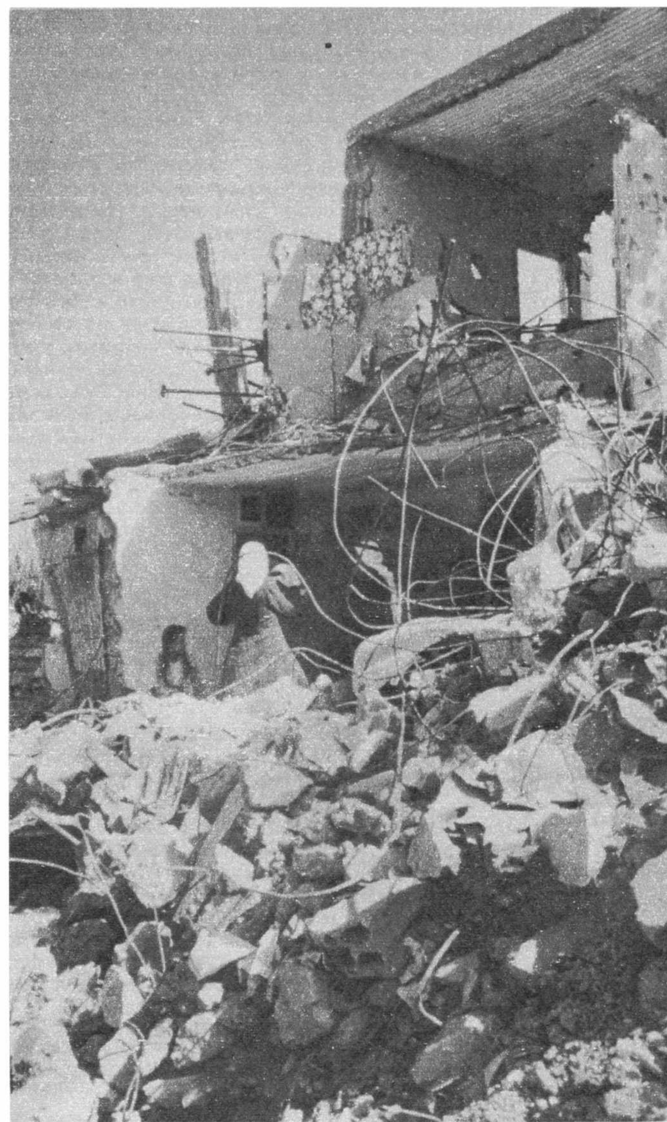
Мы шли по развалинам Сабры и Шатилы, внимательно глядя под ноги, чтобы не подорваться на шариковой бомбе. Среди груд обломков и мусора копошились измученные, перепуганные дети. У одного из полностью разрушенных домов мы увидели парня и девушку из американской евангелической организации. Они сказали нам, что в лагерях сейчас работают комиссии, расследующие преступление века. Мы знали это и без них. И мы подумали, где же были все эти комиссии, когда израильская армия с тупой жестокостью громила и жгла ливанские города, прекрасный Бейрут, убивала тысячи людей, виновных лишь в том, что они оказались на пути агрессора, идущего к своей позорной цели по костям народов...

На наших глазах израильская армия крушила окруженный Бейрут, и весь мир видел это на своих телеэкранах. Почему же преступление не было остановлено в самом начале? Ведь Советский Союз неоднократно предлагал найти решение путем переговоров всех заинтересованных сторон. Но нет, за дело взялась Америка...

...Серые громады военных кораблей стоят на взморье у набережных города. Периодически в небе Бейрута ревут турбины самолетов, взлетающих с американского авианосца,— ливанцы, пережившие кошмар войны, невольно ежатся, вспоминая такие же американские бомбардировщики, но с израильской шестиконечной звездой. Американские солдаты ездят по городу, с любопытством разглядывая кварталы безжизненных руин — следствие взрывов американских бомб, ракет и снарядов.

Да, Америка сделала свой вклад в «мирное» решение ближневосточной проблемы. Этот вклад хорошо виден в сегодняшнем Бейруте.

Развалины палестинского лагеря Сабра.

ВЕРМЕЕР ДЕЛЬФТСКИЙ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Бывают в истории искусств ситуации, в реальность которых трудно поверить. Но ведь лишь слепой случай помог «открыть» гениального художника, о котором все спокойно забыли. Именно так, из серых будней небытия к сиянию мировой славы шагнул из тьмы сверкающе юный мастер Вермеер. Начало было весьма прозаично. Однажды, где-то в середине прошлого века, судьба привела французского критика Торе в Гаагу. В первый день с утра он решил посетить музей. Долго, долго бродил по анфиладе зал. Внимательно изучал полотна и скульптуры прекрасного собрания. Но вдруг замер, ошеломленный. Среди привычных по тону — коричневатых, пожелтевших и потемневших картин голландских живописцев семнадцатого века он с изумлением увидел озаренный словно изнутри мерцающим холодным голубоватым светом, почти современный по живописи пейзаж. Подпись на этикетке гласила: «Вид Дельфта». Автор — Вермеер Дельфтский... В эту минуту из бездны забвения восстал один из самых замечательных художников планеты. Экспансивный парижанин немедля поклялся посвятить всего себя розыскам шедевров неведомого ему мастера. Вскоре Торе вернулся в столицу Франции, и столь силен был его восторг, что он смог заразить своим чувством таких ценителей искусства, как Теофиль Готье, братья Гонкур и Максим Декан. Колесо славы закружилось. Через десяток-другой лет после тщательных поисков почти все картины мастера из Дельфта были обнаружены. Их атрибуция не вызывала сомнений. Но полотен Вермеера насчитывалось немного — меньше сорока. Невероятный ажиотаж разгорелся вокруг имени голландца. Фантастически возросли цены на его холсты. Кстати, этот процесс продолжается и ныне... Естественно, что золотой рефлекс родил самые искусные формы мошенничества. Широко известны судебные процессы о виртуозных подделках картин замечательного живописца. Об этом написана не одна увлекательная книга. Все было бы обычно, если б не безуспешность попыток хоть как-нибудь прояснить биографию Вермеера Дельфтского. Канва его жизни — легенда, настолько отрывочны сведения о его судьбе. Архивы молчат. Но, пожалуй, самое трагическое во всех этих поисках то, что, по сути, разыскали в прошлом веке не новые сокровища из гробницы египетского фараона, замурованные тысячи лет тому назад, что раскопали не уникальные помпейские фрески, погребенные под слоем пепла и лавы в эпоху Римской империи. Парадокс в том, что шедевры Вермеера «открыли» в центре Европы, в стране, где он жил и работал сравнительно недавно — в семнадцатом веке. А ведь он писал в Дельфте, где живопись ценили, вроде понимали. Как же его не углядели? Но случилось так, что Вермеер словно затерялся среди маститых жанристов... Сохранилась чудом запись, сделанная французским дворянином Бальтазаром де Монкони, посетившим в 1663 году студию Вермеера и начертавшим в дневнике: «В Дельфте я видел живописца Вермеера, который не имел ни одной своей работы; зато одну из них мне показали у местного булочника, заплатившего за нее 600 ливров, хотя она изображала лишь одну фигуру — ценою, на мой взгляд, не более чем в шесть пистолей». Не будем осуждать расчетливого путешественника, расценивающего произведения искусства по количеству фигур—поштучно. Но в этих немудреных строках — отражение тяготения покупателей картин к жанру, многофигурным композициям с затейливым сюжетом. Ныне можно с уверенностью сказать, что холст, экспонированный у булочника, был шедевром, а Вермеер находился в 1663 году в самом расцвете дивного дара. Однако не надо ничему удивляться. Слишком своеобычен и требователен к зрителю был талант живописца. Хотя язык его творений предельно ясен. Возможно, что кажущаяся простота, та самая «однофигурность», которая смутила Бальтазара де Монкони, и заставляла публику отдавать пальму первенства коллегам Вермеера — Яну Стену, Метсю, Терборху, создававшим любопытные сценки на бытовые темы, занимательные, порою анекдотичные. Голландские жанристы были превосходные мастера. Но все же они никогда не достигали таких высот живописи, как Рембрандт и его современник Вермеер. «Не углядели». Чем больше углубляешься в изучение истории искусств, тем все чаще и чаще приходят на память эти немудреные слова. Задумайтесь, как чудовищно, что смертельно больной, нищий Рембрандт ван Рейн, старый, немощный, в последний год трагической жизни, еле сводя концы с концами, в голоде и холоде, все же наперекор року пишет, пишет, пишет «Блудного сына». Один, один как перст. В стране, в городе, которые он навек прославил... А его земляк Вермеер Дельфтский? Тяжко больной, обремененный огромной семьей. Забытый всеми. Он создал целый мир полотен, мир неповторимый и прекрасный. Все лучшее, что у него было, отдал людям. После его смерти остались восемь сирот и пачка векселей неоплаченных долгов, рыдающая вдова. Художнику было всего сорок три года...

Попытайтесь искренне заняться изучением судеб больших художников. Попробуйте начать читать биографии, книги, посвященные их творчеству. Пусть в иных толстых монографиях вас не отпугивает научная терминология и строгая регламентация стилей и течений в живописи разных эпох. С годами вы ощутите, что суть искусствоведения не в том, чтобы установить, чем отличаются мастера друг от друга, а постичь, что объединяет истинных художников в их стремлении познать окружающий мир и отразить его в совершенных пластических образах. Эту ясность цели вам помогут понять переписка художников, их дневники, воспоминания современников — живое слово.

Если вы по-настоящему научитесь не только читать книги о художниках, но и сумеете приучить себя смотреть и изучать картины мастеров (пусть они будут даже в репродукциях, потому что одной жизни не хватит, чтобы объехать все музеи планеты), именно тогда к вам придет истинное уяснение искусства. Главное, что сами вы станете духовно богаче. Когда же вы приобщитесь к знанию и начнете понимать вечную красоту живописи, то вы испытаете ни с чем не сравнимую радость сопереживания. Наступит миг, когда вы вдруг ощутите, что присутствуете на сеансе в мастерской Леонардо да Винчи, увидите спокойное и мудрое лицо Джоконды, ощутите сам воздух Флоренции той эпохи. Позже вы отправитесь в дальнее и рискованное путешествие с Питером Паулем Рубенсом в Испанию, побеседуете с Диего Веласкесом. Потом, с годами, вы окажетесь в Париже и вместе с Эженом Делакруа увидите героев 1830 года, а затем попадете в студию, где живописец будет писать свою «Свободу на баррикадах». Пройдет время, и неистовый Ван Гог встретит вас в Арле, и душой почувствуете ад, ужас, ликование его страшной жизни, поймете воловий труд настоящего мастера, подвиг его творчества. Как непохожи и как непостижимо сложны, фатальны судьбы великих живописцев!

«Мастерская художника». Чья-то рука властно отодвинула тяжелую узорчатую портьеру. За массивными складками богатой драпировки перед нашими глазами открылась светлая вселенная студии художника. Мастерская. В этой большой комнате проходит, по существу, немалая часть жизни каждого человека, посвятившего себя радостному и горькому труду — живописи. Отрадному — когда дело спорится и мечты находят свое воплощение в картине. Грустному — когда на полотне не дается решение того, что задумал, выносил, чем переболел мастер. А вокруг, невзирая на удачи и неудачи художника, за стенами бурлит, клокочет неутомимая жизнь. Мир полон звуков, запахов, красок. Кипят неустанно страсти, раздирающие род человеческий. Любовь и ненависть. Дружба и вражда оглашают сам воздух эпохи серенадами, клятвами верности, стонами, криками, громкими проклятьями, бряцанием и лязгом оружия. В мастерской тихо. Только отдаленный гул напоминает о безостановочной карусели событий, отмеряющих бег коротких часов бытия. Но безмолвие студии обманчиво. Здесь, хочет художник этого или не желает, сходятся все голоса, ароматы, звуки, краски, страсти времени, в котором он живет. И чем больше дар живописца, чем мощнее его талант, тем трепетнее он ощущает силовые поля поры, в которой творит, тем пронзительнее он проникается сутью своей эпохи и отражает это в своих холстах... Совсем не обязательно, чтобы масштабное ощущение бытия находило свое выражение в многофигурных композициях. История искусств знает примеры, когда один портрет не менее выпукло передает дух времени, нежели огромные салонные картины, являющиеся лишь продуктом коммерческих вожделений художников. Нет рецептов, как и что писать. Мастер тогда велик, когда он способен сам породить свой неповторимый мир образов, первичный, иногда таинственный, но честный, яркий, своеобычный. Самое парадоксальное: чем сильнее индивидуальность творца, чем своенравнее и на первый взгляд непривычнее его гений, тем объемнее и могущественнее отражает он свое время. Но подобные характеры нравятся далеко не всем... Сколько ни пытались римские и иные владыки повернуть по-своему, пригладить, приглушить грозный дар Микеланджело, но Буонарроти изо всех сил делал все по-своему и... победил. Прошли века, и пирамида его созданий высится величественно и незыблемо, а сиятельные недруги и «учителя» канули в Лету или в лучшем случае занимают лишь строку-другую в летописи. Однако далеко не все великие художники обладали гражданственным темпераментом Микеланджело или Гойи. Было немало выдающихся мастеров, чей гений проявил себя в удивительном проникновении и способности отражать тончайшие движения людской души, постигать почти неуловимые по мимолетности состояния пейзажей, передавать красочный, тихий мир интерьеров. Обычно их небольшие полотна напоминают магические кристаллы, в кото-

Ян Вермеер Дельфтский. 1632—1675. ДЕВУШКА С ПИСЬМОМ У ОТКРЫТОГО ОКНА. Ок. 1657. Дрезденская картинная галерея.

Ян Вермеер Дельфтский. УЛИЧКА. Ок. 1658. Государственный музей. Амстердам.

рых с поразительной сочностью и живостью как бы высвечиваются трепетные грани бытия во всей его сложности и бездонности... Но вернемся в «Мастерскую художника», которую создал живописец из Дельфта Ян (Иоаннес) Вермеер. Мерцающий, ровный свет озаряет большую студию — бронзовую люстру, пространную карту семнадцати голландских провинций, висящую на стене. На приземистом столе разбросаны атрибуты профессии художника: гипсовая маска, альбом, толстый трактат о живописи, груда пестрых тканей. В лучах дневного света позирует странная дева в голубой фантастической хламиде с ломкими складками. Ее милую головку украшает венок из лавровых листьев. Глядя на все эти аксессуары, можно думать: модель призвана изображать античную богиню Славы. Но девушка остается собою — простодушной, застенчивой, скромной смертной. Неловко прижимает она к груди тяжелый фолиант, неумело держит медную длинную трубу. Все эти многозначительные предметы никак не вяжутся с ее смущенной улыбкой и потупленным взором. Ясно одно: перед нами никак не богиня и даже не актриса. Однако неумелость и неловкость натурщицы не смущают художника. Он пишет. Думается, что все эти несуразности организованы им самим, чтобы воочию подчеркнуть несостоятельность подобного способа мифотворчества, ибо трудно подозревать Вермеера в отсутствии такта или наивности. Но узнать настроения Яна (Иоаннеса) в этот миг мы не можем. Живописец сидит к нам... спиной. Редчайший случай в мировом искусстве, когда художник не пожелал оставить свой образ потомкам в столь программной картине. Кстати, это почти единственное полотно, оставшееся у семьи Вермеера после его кончины.

Итак, отвернувшись от нас, мастер. Он уселся на массивный табурет из резного дерева. Устойчиво расставил крепкие, мускулистые ноги. Черный бархатный берет сдерживает мягкие, пушистые волосы, свободно падающие на покатые плечи плотной фигуры в нарядном черно-белом костюме. Перед живописцем — мольберт с туго натянутым, загрунтованным и тонированным умбристой подготовкой холстом. В левой руке муштабель — опорная палочка, не дающая уставать руке и придающая бóльшую точность мазку. В другой — мелок. На почти чистом полотне а-ля прима намечены первые листки лавра, венчающего головку модели. Глядя на «Мастерскую художника» и так мало зная о жизни Вермеера, хочется воскликнуть: «Ян, Иоаннес, обернитесь! Явите нам свой лик. Поведайте о своей судьбе. Скажите хоть слово!» Но холст безмолвен и неподвижен. «Дельфтский сфинкс» не желает открывать своих тайн.

1632 год. Славный голландский город Дельфт обрел нового гражданина. В семье почтенного бюргера Вермеера родился сын. Его крестили в Новой церкви и решили назвать Яном (Иоаннесом). Папаша будущего великого художника владел гостиницей, занимался производством модного шелка «каффа» и между делом торговал картинами. Словом, малыш рос в доме солидном. Порядок в семье царил строгий. Жизнь текла неспешно, без суеты. Вовремя садились за стол. По часам ложились спать. В праздники веселились. Так протекало детство. Были шалости, игры, драки, первые обиды. Словом, Ян был мальчуган как все. Но с годами Иоаннес все больше стал заглядываться на длинноволосых художников, носивших в лавку отца картины. Подросток стал сам рисовать. По совести, в доме этому никто не возрадовался. Но и не мешал. Промелькнула юность. Когда наступил 1653 год, гильдия Св. Луки приняла в свои ряды молодого живописца Яна (Иоаннеса) Вермеера. К тому времени он был уже женат на Катерине Больнес — дочери богатого бюргера. Вот так, в рамках благопристойности и порядка, начиналась жизнь молодого художника. Маленький кирпичный дом с палисадником, милая, юная жена, ласковый сын. Ян любил и хорошо изучил профессию. У него был добрый пастырь — мастер Фабрициус. Словом, дела спорились, заказов хватало. Дорога в завтра была ясна. Сын бюргера Вермеера был вполне достоин своего отца, рассудителен, расчетлив, респектабелен. Прошел год безмятежного счастья. Вдруг случай напрочь сломал налаженный ход бытия. Учитель Вермеера, талантливый живописец Карель Фабрициус, создавший немало блестящих картин, трагически погибает. Пожар и взрыв дельфтских пороховых складов нелепо обрывают жизнь художника, обещавшего так много. Ему было всего тридцать два года...

Никогда не уйдет из памяти Вермеера тот страшный вечер двенадцатого октября 1654 года. Унылый голос набата. Зловещие багровые сполохи над старыми башнями Роттердамских ворот. Кровавая рябь на канале Вольдерсграахт. Безумная пляска огня, хриплый рев пожара. Адский грохот взрыва и... немая тишина, охватившая присмиревший, испуганный Дельфт. Нет, не забыть Иоаннесу светлые, пустые, неистовые глаза матери Кареля, будто вопрошающие: «За что?». Но ни вопли родичей, ни стоны вдовы не могли уже вернуть ж и з н ь. Жуткая, жестокая смерть торжествовала очередную победу. Низкое, сырое, пепельно-серое небо. Крохотное тихое кладбище. Глухо падали комки влажной земли в зияющую яму. Вермеер словно в забытье стоял на пронизывающем ветру. Голову сверлила неотступная мысль: «Какая дикая, абсурдная нелепость, несуразность, нежданность эта кончина человека в расцвете сил». Гибель Кареля — учителя и друга — с пронзительной, щемящей неотвратимостью открыла Вермееру конечность судьбы. Финал — смерть. Небытие... Когда похороны кончились и Яна почти без чувств привезли домой, Катерина не могла успокоить рыдающего мужа. Так, в слезах, он забылся тяжелым сном. Звонкая трель курантов разбудила Вермеера. Его поразило утро, как будто увиденное впервые. Прозрачный, мерцающий, трепетный свет солнца, струящийся из окна. Кусочек голубого неба. Летящие, легкие облака. Молодой художник ощутил со всей полнотой великое слово — Жизнь. Вермеер с невероятной силой осознал: он должен, непременно обязан передать людям победность ощущения бытия. Это будет его борьбой со смертью. Отныне Иоаннес посвятит всего себя этой святой цели.

Он не устанет повторять много раз в своих картинах потрясший его мотив — с в е т и з о к н а.

Так молодой мастер внезапно, волей рока, с неведомой демонической силой был будто вознесен над черепичными крышами города и, взлетев на небывалую высоту, увидел не только родной Дельфт, но и всю планету Земля с ее плачем и смехом, песнями и стонами, радостью и горем... Вернувшись в свою тихую мастерскую, он огляделся. Все стало иным. Иоаннес начал создавать полотна неслыханной, еще неведомой красоты. В них звучала светлая радость бытия. Художник резко меняет свое поприще. Быстро заканчивая многофигурные картины на мифологические и библейские сюжеты — «Диану с нимфами» и «Христа у Марфы и Марии», Вермеер с неотразимой последовательностью начинает свою сюиту полотен, которую можно было бы назвать «П о э з и я о б ы д е н н о с т и».

...Иоаннес иногда как потерянный бродил по Дельфту. Все было чудо. Сонные малахитовые воды каналов. Арочные мостики. Красные кирпичные острокрышие дома с черными глазами окон. Еще ярче, чем ранее, было лазурное небо с пухлыми влажными облаками, стремительнее росли ввысь древние башни, пронзительней кричали птицы. Вермеер будто вернулся из многолетнего дальнего странствия и поразительно свежо, первично узрел такой прежде привычный мир. Он со страстной неудержимостью пишет, пишет и пишет это открывшееся ему богатство. Работает упорно, трудно, так как задача была грандиозна. Как утвердить красоту будней? Без развлекательности жанровых ухищрений, без фривольных ситуаций. Новые полотна Вермеера кардинально отличались от произведений его коллег тонкостью нюансов, обобщенной, почти античной по лепке формой и, главное, юной, ликующей гаммой цветописи.

Казалось, что ценители живописи города Дельфта должны были понять меру усилий Яна Вермеера. Но в том-то парадокс некоторых открытий в искусстве, что их не только не приветствуют современники, а либо не замечают, или, что хуже, хулят. Так было с Леонардо да Винчи, Эль Греко, Делакруа, Эдуардом Мане, Курбе, нашим Александром Ивановым. Это не значит, что среди художников не бывало счастливцев, но Вермеер Дельфтский не может быть отнесен к их ряду. Истины ради надо заметить, что его картины ценились при жизни довольно высоко, но Ян писал очень медленно, и если бы не торговля картинами, завещанная ему отцом, не сводил бы концы с концами.

Кому в голову придет нелепая мысль, что Леонардо, Микеланджело, Тициан, Веронезе рисовали настолько слабо, что если бы не подсобные инструменты: циркуль, отвес, угольник или линейка,— то они едва ли создали бы свои шедевры. Нет сомнения, что даже самый большой художник волен обращаться во время работы к любым измерителям, к любой технике, если она помогает делу. Так, Леонардо среди своих бесчисленных изобретений придумал камеру-обскуру — немудреный ящик с узкой прорезью, как бы отражавший в миниатюре видимый мир. Но слава богу, еще не нашелся мудрец, который написал бы исследование о роли оптики в создании «Джоконды». Камерой-обскурой позже пользовались как подсобным средством десятки крупных мастеров, в том числе и Вермеер Дельфтский. В этом нет беды. Но нашлись западные искусствоведы, которые приписали линзам и оптике чуть ли не доминирующее значение в «феномене Вермеера». Конечно, все это преподносилось деликатно, завуалированно, облечено в туманные наукообразные концепции. Смысл один. «Если бы не камера-обскура, мы сегодня и не ведали бы о живописце из Дельфта...» Но простите. Весь пафос творчества Вермеера не в оптической фиксации неподвижного мира вещей, а в изображении тончайших движений человеческой души, состояний света, цвета, вечно изменяющихся, переменчивых. Его искусству особенно свойственно чувство большой формы, а не рабское копирование неподвижной натуры. Конечно, можно написать, что Вермеер «дизайнер» и создавал «коллажи». Бумага, как говорят, все терпит. Но зачем переносить терминологию нашего машинного столетия в семнадцатый век, лишь бы показать свою ученость. Думается, что подобные изыскания, превращающие поразительно тонкого мастера, сумевшего выразить поэзию обыденности, музыкальность тишины, внутренний ритм своих живописных сюит, создающих изумительные с о з в у ч и я гармонии бытия, в ремесленника, компонующего свои картины, подобно паркетчику, из отдельных дощечек, не только лживы, но и кощунственны.

Как ни странно, но главное, в чем старается убедить автор этого труда о Вермеере, сводится к тому, что стремление художника создать мир прекрасного есть не что иное, как желание дельфтского мастера прикрыть свою внутреннюю недостаточность. Чудовищно, но это так написано. Ныне на Западе модно сваливать все на патологию, на теневые стороны человеческой психики художника. По этим «теориям» получается, что не высокое чувство гуманизма, не желание отразить красоту бытия, не любовь к естественной прелести жизни, а желание утаить дисгармонию своего «я» двигало кистью Яна Вермеера. Так копанием в рефлексиях психоанализа тщатся перечеркнуть главное — д у х о в н о е п р и з в а н и е художника, высокое этическое назначение искусства. Чтобы не быть голословным, позволю себе привести цитату из книги голландского ученого Хейзинга, написанной в 1933 году: «Самым существенным остается следующее: у Вермеера нет тезиса, нет идеи, нет даже в собственном смысле никакого стиля». Трудно поверить, что эти слова написаны после мирового триумфа мастера из Дельфта, покорившего всех именно великолепием своей идеи — воспеть гармонию мира, тезисом о всепобедности красоты человека и, главное, своим неподражаемым «вермееровским» стилем. Но теории, демонтирующие гений Вермеера, имеют еще некую грань. Один из западных искусствоведов задал такой, казалось бы, коварный вопрос: «Не импульсивно ли все творчество мастера из Дельфта? Понимал ли сам Вермеер, что он создавал?» В первые мгновения подобные психоаналитические загадки могут потрясти. Но лишь на миг. Как мог великий голландец в течение двадцати с лишним лет создавать уникальную по своей новаторской свежести, миропониманию и глубине проникновения в душу людей сюиту полотен, поражающих нас сегодня не только почти античным совершенством формы, но и поистине импрессионистическим, пленэрным чувством цвета, только потому, «что он не ведал, что творит»? Поистине словесная эквилибристика «ученых от искусства» не имеет предела. Но, к счастью, опыт помог однажды убедиться, что Вермеер был не так уж смиренен и недалек и, вероятно, ощущал сам, без гордыни, но со справедливым чувством достоинства меру своего дара.

«Девушка с письмом у открытого окна». Предельно чеканно, строго, почти геометрично выстроена композиция этой знаменитой картины. Автор приложил весь свой гений, чтобы утвердить идеальность зем-

Продолжение см. на стр. 24.

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

КНИГА ОБ ОТЦЕ

Лариса ВАСИЛЬЕВА

РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

(Продолжение)

Воспоминания Степана Шапошникова
(Стенограмма)

Говорю вам как на духу голую правду и, будьте уверены, ничего не скрою, давно рвался рассказать, столько лет носил, а Кочерно мне кляпом рот затыкал. Это с детства пошло, с тех пор, как играли мы все вместе, бочку с кургана катали, по развалинам шастали, чего только не творили. Всему зачинщиком Николай был, знаете, в подростковых компаниях всегда есть заводила. Он и был заводилой. Таким и остался. В бочку первым залез — никто не рискнул, и ничего ему, черту, не было. А я как в бочке катался, так передний зуб себе начисто свел — всю жизнь с железякой во рту проходил, теперь челюсть вставная — нет железяки. Не о том я начал, конечно, извините, вы мне тут вопросы набросали, мне легче по этим вопросам отвечать — стройней рассказ будет, а то так много сказать нужно, я так рад, что вы пришли, товарищ Монистов, вот я только не пойму, вы хотите Николая с положительной или отрицательной стороны показать? Его ведь и с той и с другой можно, как говорится, сложная личность, фигура многогранная. Вот вы спрашиваете: каковы были отношения между Николаем, Андреем и Митей Слеповым? Если хотите знать, никаких отношений между нами тогда не было: что за отношения — мальчишки во дворе. Намечалось, конечно,— Николай верховодил, и мы ему каким-то образом подчинялись. Особенно я — у меня, знаете, характер мягкий, как у женщины, у мягкой женщины, конечно, а то ведь такие жесткие женщины бывают и теперь всё чаще женщины такие. Если хотите знать, Андрей ему тоже во всем подчинялся, а вот Слепов не любил Николая. Вот чтó хотите — не любил. Он ему, конечно, всегда завидовал — вообще маленького роста мальчишки завидуют великанам, те, кто повыше, как я, например, смотрят на великанов с уважением, а малыши их ненавидят. Андрей тоже, помоему, никогда к Николаю особой любви не питал, думаю, ему противно было всегда ему подчиняться, даже тогда, когда формально Николай должен был подчиниться Андрею, но, по существу, никогда он ему не подчинялся, а устроил все так, чтобы за Андреевой спиной разворачивать свои широкие плечи. Кочерно артист был с детских лет и таковым остался. Я как-то в пятидесятых у него дома был на дне рождения, так верите — полный дом актеров и актрис из театра Моссовета — самые что ни на есть знаменитые: и Плятт, и сама Вера Марецкая по левую руку сидела и целовалась с ним. Так все они, подпив, в один голос твердили, что Кокоша — артист лучше их всех. Он в тот вечер пел — не знаете? — замечательно он украинские песни пел, отец его запорожский казак был, тоже спивал, так Николай от отца набрался — пел он тогда перед артистами «Гляжу я на небо та й думку гадаю» и еще какой-то «Серый камень сто пудов». Артисты народные, а он с ними ничуть не стесняется себя тоже артистом показать — значит, силу свою знает. Таких, как Николай, суперменами можно звать, а все же, по-моему, чего-то очень важного ему для супермена не хватало. И знаете чего? Честолюбия. Самолюбия. Гордости. Иногда он был тряпка тряпкой перед Андреем. Ну кто такой, скажите мне, Андрей? Что был бы он без Николая? И с чего это Николай его себе в спутники творческой жизни выбрал, а не меня? Я ему преданным псом был. А Андрей — нет, он не врагом ему был, конечно, но без Николая остаться Андрею — смерть. Слепов от нас рано откололся — семья у него была богатая, да не настолько богатая, чтобы к революции не приспособиться. Андрей и Николай в один институт ушли — на инженеров транспорта учиться. Андрей, тот со второго курса пошел на завод, в цех учеником, и там, в цехе, был до самого прихода на завод Николая. Николай тут же Андрюху из цеха в КБ, а потом меня. За год Андрей у Николая вырос — копировальщиком был, чертежником, а потом стал конструктором. Голова хорошая, делал сложнейшие чертежи. Нет, я ничего не говорю, у Холодова голова хорошая, даже светлая, даже гениальная! Слепов — другое дело, но у того были перспективы, у него старшая сестра Жозька стала в Москве большой начальницей, она его туда перетащила. Я с тех пор, считай, Слепова не видал, знаю, что на Урал к нам в эвакуацию приезжал в роли начальника из центра, и знаю, что тогда у него с Николаем ссора вышла на личной почве, но никто толком ничего сказать не мог.

Нет, я считаю, у Николая мало гордости было, самолюбия мало, он как бы сверху на людей смотрел, не свысока, а сверху, с каланчового роста удобно так смотреть. Если хотите знать — какой он там был актер, не знаю, а людьми и проблемами, как армиями, поворачивал. Все какие-то действия в голове прокручивал. Он, конечно, был маньяк своей машины и ради нее эпизоды создавал и на каждого человека смотрел со стороны, как на участника пьесы. Да, да, это не фантазия, а если немного и фантазия, то вы, писатель, отберите от нее, что не так, но оставьте эту мысль, что он на людей смотрел, как на участников своего спектакля, может, и вам самому в его натуре многое прояснится. Вот вы спрашиваете: кто, по-моему, был истинным автором танка? Тут я вас удивлю ответом: вы думаете — скажу, Николай был, он один, а Андрея пристегнул из дружбы? Не скажу, потому что глупость и подлость думать так, хотя однажды я так написал вам сгоряча в письме, но на то была своя причина, после о ней,— танк сделало так много народу, что когда троим присудили премию первой степени, мне за Николая с Андреем стыдно было: как они людям в глаза смотреть будут? Векшину что, Векшин в могиле. Но я Николая недооценивал, он и тут на высоте оказался — подговорил Андрея отдать деньги на детский дом. А написал я вам сгоряча, что Николай один и есть автор танка, потому что зло взяло: из книги последней имя его чья-то рука выкинула. А чья? Знаете? Я знаю — Митиных рук дело. Ему Николай всю жизнь, как бельмо в глазу. Уже и Николай и Андрей в гробу лежат, а он между ними мертвыми рознь устраивает. Игру в солдатики. Почему именем Андрея столько всего поназвано, а Николая — нет? Да знаете ли вы, что Николай принимал участие в разработке конструкций до самого своего последнего дня? Он в Москву поехал работать знаете зачем? Чтобы им в работе ни в чем из Москвы помехи не было. Они оба с тех дней, когда их еще Векшин своей фигурой заслонял, понимали, что без поддержки плоховато. А кто у них был в Москве? Слепов? После его приезда к нам, на Урал, на Слепова надежды не было. Кто-то из них должен был ехать в Москву. Кто? Кто посильнее, понятно вам? А тут жребия бросать нечего — Андрей и сам знал, что Николаева сила еще и в умении с людьми ладить. Андрей ничего такого не умел. Как это его теща Кочернина звала? А, заоблачный сухарь! Верно, он все в облаках парил. И даже вот взять меня — я один из них остался простым инженером. Слепов, ладно, знать меня не хотел — это понятно, но Андрей? Нас ничто не разъединяло, а только, как стал он начальником, на меня так смотреть стал, будто мы с ним из одной лужи не пили. А Николай как всегда: и в доме я у него — пожалуйста, и на работе, как бы ни было, а я чувствовал, что за мной стоит Николай и все наше общее детство. Последние годы, как Николай на пенсию вышел — тоже номер устроил, до сих пор понять не могу, зачем он тогда эту демонстрацию закатил с пенсией,— у них с Андреем не ладилось. Я даже стал подозревать, что Николай Андрею завидует, что ли,— ведь Николай в Москве начальник над Андреем, а если посмотреть с другой стороны, Андрей главный конструктор: все знаки почета, ордена и премии — Андрею. Может, Николай стал к старости ему завидовать, а может, что еще, но был я однажды при их ссоре. Прибыл Николай на юбилей Андрея. Ну все, как полагается, адреса, речи, цветы, разговоры. Торжественная часть кончилась. Потом концерт в честь юбиляра. А потом поехали все московские начальники в загородный ресторан на ужин. Николай с ними. Час прошел, я домой вернулся, вдруг звонок в дверь. Николай на пороге. Что такое? Выругался. «Водка,— говорит,— есть?» Напился он. И выдал мне в пьяном состоянии: «Не стал я оставаться. Этот жлоб свое КБ в ресторан не позвал, одно начальство за столами. Я ему говорю: почему их, сотрудников твоих, нет? А он мне: пусть знают субординацию». И такое зло взяло Николая. Андрей, правда, опомнился, срочно на следующий день еще один пир закатил, уже для всех — для львов, для зайцев, но Николай в Москву уехал, с юбиляром не простился. Зачем, спрашиваете вы, товарищ Монистов, я вам то письмо написал, где сообщил, что Николай главный и самый что ни на есть первый конструктор знаменитого танка? Затем, товарищ Монистов, что если с одной стороны черная несправедливость и палка гнется до отказа в одну сторону, то нужно с другой стороны посильнее нажать, чтобы выровнять положение. Если бы я вам так категорично не написал, вы бы особого внимания не обратили, а так, видите, сидите со мной и стенографистку пригласили. Если хотите знать, годы уходят — сейчас Слепов в силе, ему легко вычеркивать фамилию Николая, а потом так и пойдет по инерции — через двадцать лет не просто ничего не докажешь, а некому доказывать будет. Я своим письмом вам как бы бациллу забросил, глядишь, вы роман напишете, и хотя в романе какая же правда может быть, а все же Николай будет выглядеть более похожим. Еще у вас тут есть вопросы: как относился к подчиненным? Была у него противная черта, любил посмеяться над челове-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 41—46, 48.

ком, подшутить, в детстве это вроде бы ничего, сходило, а потом меня стало раздражать, груб бывал, если в аврале были, орал, как черт, ругался, но знаете, тут же отходит и виновато смотрит. Я такое в людях не люблю: ты или держи себя в руках, не распускайся, языку воли не давай, а уж если дал — стой на своем, свою вину не показывай, тем более начальник. А этот накричит и тут же лижется. На женщин, правда, никогда не кричал — он их всех под защиту брал. А вообще был не бабник, хотя болтали там у нас про одну, Ни-

ность, так хоть в стенограмме останутся. И еще Шапошникова не забудьте, Степана Шапошникова, простого, рядового конструктора, нас там немало было с бессонными ночами. Нельзя, нельзя все приписывать одному, двум человекам, стыдно, нечестно и больно тем, кого забыли. Годы ушли, а поверьте, еще больнее. От старости это, что ли, но думаю, пусть меня, рядового человека, не упоминают, но Николай, ведь он же герой, герой, я вам говорю, руку дам отсечь, а никакого геройского знака на груди не имел. Андрей

Я же вижу. Да мне-то что он турусы разводит — я у Андрея в КБ работаю. Андрей меня так и зовет «шпион Николаев», я знаю, что Николай вместе с Андреем все узлы машины проходит, на субботу-воскресенье из Москвы на свидание к танку ездит. По существу, он тоже соавтор, вы как думаете, товарищ Монистов, сложно? Да, сложно по существу, а по форме — никакого героя Николаю не видать. Оттого и боль, да, оттого же, знаю — и понятно это, понятно. Вот я был свидетелем — пришел к Николаю в вос-

ну Махнач, еще на Урале, но это враки. Он однолюб по натуре, и Катя у него всем хороша женщина, и умна, и красива, и, главное, добрая, добрее его, пожалуй. Вот у вас вопрос: каково его участие в работе над танком? Да, огромно. И Андрея тоже. И Векшина. И Тарсанова, и Колесника, и Горюнова, и Маложданова, и Берона, и Трушатина, и Шипахина, и Митюхина — я уж, простите, всех перечисляю, а то ведь имена уйдут в безвест-

имел — понятно, главный конструктор, а Николай не имел. Я, как Андрею дали знак, был у Николая, говорю: «Тебя почему обошли?» Он на меня как заорет своим басом: «Осточертели мне, мать-перемать, твои мещанские козни против Андрея! Какого черта он тебе дался? Зависть проклятая! При чем тут я? Андрей — творец, автор такой машины, а я администратор, понимаешь, танковый коммивояжер». Орет, а у самого в глазах боль.

кресенье, был в Москве — как не зайти,— он сердился, если я не приходил. «Погоди,— говорит,— сейчас ко мне придет будущий профессор». Пришел. Полненький такой, круглолицый, женское лицо — черточки мелкие: такие, когда молоды, очень девушкам нравятся, а потом свиноподобными становятся. В костюме, галстук, видно, заморский, портфель, шляпа — все при нем. Начал он про танк расспрашивать — броня, пушка, корпус. Потом на лирику

перешел: патриотизм масс в тылу, имена передовых рабочих спрашивает,— тут я тоже помог своими подсказками. Часа три сидел, выуживал, потом его Катерина чаем поила. Ушел. Коля, как дверь за ним закрылась, на диван повалился и хохочет: «Ну, жизнь,— говорит,— чего только в ней не бывает. Знаешь, это кто? Зять генерала такого-то». И называет имя генерала — самого того, ну знаете, ну, не буду говорить, словом, замечательного генерала, так вот этот зять готовит докторскую диссертацию на тему — роль нашего танка в Великой Отечественной войне. Я, честно говоря, не удивился — готовит, и хорошо, что ж тут смешного? А Катерина стоит рядом и тихо мне говорит: «Это он не смеется, а плачет таким образом. У него самого не то чтобы докторской, а завалящей кандидатской степени за этот танк нету и быть не может». Я взъярился. «В самом деле,— говорю,— Коля, как так получилось?» Он смеется, нет не плачет, а смеется: «Нам бы всем надо было присудить степень, когда мы танк на поля пустили, присудить без защиты, и тебе, Степа, тоже, а то ведь если защищать, то сдавать надо, знаешь, какие предметы?» И все это смехом, смехом. У него через смех обида ушла, а во мне задержалась — подумайте: доктор наук по теме танка, а кто танк сделал, просто так — Колька Кочерно, чертов сын, ну, начальник, конечно, администратор. Вот вы спрашиваете про доброту его. Она на нем, как орден была — видна издалека, а в работе он был злой и работал запоем. Вот эта злость к работе давала ему возможность сделать в короткий срок то, что подолгу люди делать не могут. Масштабы его соответствовали росту, он и тяжесть поднимет и пять ночей не поспит — по нему не видно. Что же касается доброты, то, знаете, вот эта вся история с детским домом, все говорят: это доброта его, доброта,— неверно, это натура его такая — тот детский дом ему самому нужен был для его собственного утверждения в себе. Знаете, есть такие характеры: объем работы колоссальный, а он еще себе наворачивает, словно самого себя испытывает — до каких пор сила его простирается? И что выходит: границ нет, все может человек, если хочет, так что не усматривайте в этой детдомовской истории какого-то героизма со стороны Кочерно — испытание себе и удовольствие. Он вообще любил нравиться людям и для того, чтобы понравиться, произвести неизгладимое впечатление, много старался. Просто так, без лишней цели. В работе показуху не терпел, а применительно к себе — сколько угодно. Быть добрым, чтобы все вокруг ахали, и охали, и его превозносили,— это, знаете, хлебом его не корми. И чем больше вокруг него этот, я бы сказал, бабий фимиам, тем больше он распаляется и больше может сделать. Спросите любого в уральском КБ, на его работе в Москве, в КБ у Андрея,— нет человека, которому Кочерно хоть чем-нибудь не помог. У нас его одно время звали «скорая помощь». И все-таки, подчеркните, товарищ Монистов, справедливости ради, что в этой его доброте, в этом его внимании к людям был элемент показной, эффектный, он бы и сам не отказался признать это, если бы я его сейчас к стенке припер. Славу «скорой помощи» себе создал, вот и поддерживал ее, как мог. Вы на похоронах его были? Нет! Ну, я вам скажу, таких рек слез я еще не видал. А эти дети детдомовские — ведь каждого он проследил, каждому что-то да сделал. Он мне однажды говорит: «Единственный ребенок, которому я не помог в жизни,— собственная дочь». Она, знаете, у него по стезе английского языка пошла — совсем далекая от Николая область. В детдоме девочка одна была, Ариша, впрочем, если вам нужно, я адрес ее дам, у меня есть. Вот вы спрашиваете, как он ко мне лично относился, так я вам скажу: плохо, хуже всех, он меня в грош не ставил, да, да, не удивляйтесь. У каждого человека, если посмотреть на него внимательно, пристально, я бы сказал, много разных черт есть, и все они в отношениях к людям проявляются. Николай кого любил — все ему прощал. Меня вроде тоже любил, а ничего не прощал. С меня и спрос всегда самый большой, как с друга детства, и лишнюю премию мне не подпишет, дескать, друг детства, неудобно. Вот он такой, говорят, деликатный был, никому никогда своего превосходства не покажет, а со мной всегда свысока, с самого детства привычка осталась. И знаете, я ни разу на него не обиделся; вернее, виду не подал, обижаться обижался, еще как, но не показывал. Он об меня, простите, иногда ноги вытирал, и бездарностью обзывал, и шпионом, и интриганом; нет, нет, я не молчал, иногда отгавкивался, да так, что он только глаза раскрывал. А все же, я вам скажу, любил я его больше всех на свете, и что через мою жизнь он прошел — я счастлив, не зря топтал землю: видел человека и даже честь имел называться его близким другом.

Путаница

«Уважаемый тов. писатель. У нас в городе побывала дочь знаменитого конструктора танка Николая Сергеевича Кочерно. Звать ее Инна Николаевна. Она тут обходила многих людей, узнавала, записывала. И нам стало известно, что побывала она у некоего Брыкина Ивана, сборщиком работал в годы войны. Я лично тоже сборщиком был, рядом с Брыкиным на конвейере стоял и помню не хуже его то время, как что было. Мне стало известно, что Брыкин рассказал историю, как Николай Сергеевич танк 9 мая 1945 года на постамент перед воротами завода водружал. Так вот, довожу до вашего сведения, что Брыкин Иван, наверно, стал стареть и путает, да не просто путает, сильно ошибается, короче — врет.

Я вот что вам скажу, я лично ратую не за то, чтобы мое имя было упомянуто, когда пишут об установке танка, а за то, чтобы не искажался исторический факт. Танк был установлен на постамент не девятого мая 1945 года, как уверял Брыкин, а, как мне помнится, осенью сорок шестого. Был этот танк выпущен заводом 26 мая 1945 года, это юбилейный танк, и с конвейера его передали в экспериментальный цех, где он простоял более года. Теперь такой вопрос, как же танк, по мнению Брыкина, был поставлен на пьедестал 9 мая, когда это был День Победы, и в этот день наш цех не работал. Также Брыкин утверждает, что именно Николай Сергеевич лично устанавливал на пьедестале этот танк, а я лично помню, что Николая Сергеевича при установке танка вообще не было, был директор, Холодов и другие, а его не было. По-моему, и сам Брыкин не присутствовал совсем при постановке этого танка, а ставили его три танкиста: Скутаревский, Стронгин и я — сборщик Хрунов Григорий Михайлович, а руководил установкой наш начальник участка Висенский.

Я чего волнуюсь, что разговоры Брыкина могут попасть в печать и их примут за чистую монету, а молодое поколение и не задумается над таким сказочным вопросом, какое совпадение — конец войны и юбилейный танк сделан, пьедестал готов и сам Кочерно его на пьедестал лихо возводит.

И еще Брыкин нехорошую службу Кочерно служит: Николай Сергеевич — орел-мужик, он танк мог не только с пьедестала на пьедестал переставить, а еще и крылья ему приделать, чтобы летал, а чего не было, того не было. Кочерно хватит своей славы, у нас его имя как молитву произносят, когда он приезжал — праздник у нас, да и сам он, был бы жив, возмутился бы баснями Брыкина, который выдает за правду сущую брехню, извините за выражение. Мне лично жаль, что искажается исторический факт. Этого допустить нельзя. Чтобы мы, проходя мимо танка, знать должны, что мы перед ним ни в чем не виноваты. А пионеры, школьники, молодожены, которые фотографируются у этого танка, будут считать, что он сделан 9 мая 1945 года и в тот же день поставлен на пьедестал, когда это было совсем не так. Уважаемый тов. писатель, как нам известно, дочь Н. С. Кочерно собирала материалы для вашей книги об ее отце, так вот пишу я, чтобы вранье Брыкина не стало в книгу, как правда. И еще прошу вас поднять, где надо, вопрос, чтобы на постаменте нашего танка к надписи «В память о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» было добавлено, что это машина № 35000 юбилейная, поставлена тогда-то. С уважением Хрунов».

В нижнем левом пустом углу письма рука Монистова вывела: «Путаница. Попросить у Инны воспоминания Брыкина. Выяснить. Написать Брыкину».

«В самом деле путаница»,— думала Инна, вспоминая рассказ Брыкина. Иван Иванович был так искренен, так взволнован. Трудно поверить, чтобы он намеренно лгал. Да и зачем? Может быть, выдавал желаемое за действительное? Брыкин и Хрунов говорят о разных событиях.

У Хрунова есть фраза, что отец мог переставить танк с пьедестала на пьедестал, то есть об этом и рассказывал Брыкин, а Хрунов вспоминает другое — далекие годы. Может быть, каждый прав по-своему? Что-то Брыкин рассказывал о своем враге рядом на конвейере. Уж не Хрунов ли? А отец? Почему она никогда не слыхала от него об эпизоде с танком, описанном Брыкиным? Что она вообще от него слыхала?

Разве он рассказывал когда-нибудь о своих успехах? О своих победах? О своих великолепных делах?

Так много сложностей и противоречий в воспоминаниях о войне. Так много людей, раненных памятью о прошлом. Почему об одном и том же событии разные люди в военных книгах пишут порой не просто по-разному — принципиально по-разному? Что это? Где истина? А может быть, истина как раз в том и состоит, что по-разному пишут. Из всех противоречий, согласий и несогласий, из всех красок, оттенков складывается огромная картина битвы. Как в живописи — сколько тонов, оттенков, сколько красок, соединимых и несоединимых, ложатся на холст для того, чтобы воссоздать природу...

«Лицом к солнцу». Роман. Наметки плана

Лист бумаги, исписанный четким почерком Монистова: «Лицом к солнцу». Роман. Наметки плана.

«Действие романа развертывается накануне Великой Отечественной войны. Центр действия — большой оборонный завод на юге страны.

Главный герой — Главный конструктор. Он в конфликте с Ведущим конструктором, человеком немолодым. Косным. Человеком старого, дореволюционного образца (образ, возможно, немного шаржирован).

Ведущий решительно против машины Главного. Она слишком смела в решении. Он предрекает провал.

Показ конфликта идет на фоне трудового процесса. Образы рабочих — образы конструкторов.

Взять записи — Кочерно, Холодов, Трушатин, Берон.

На стороне Ведущего меньшинство, но у него авторитет. Он мешает Главному в работе. Просто вредит. Через все трудности идет Главный.

Конфликт в семье — жена уходит. Не выдерживает напряжения жизни с таким одержимым человеком. Уходит к Ведущему. Он вдовец, немолод, конечно, зато внимателен, заботлив — старая школа.

Главный готовит для показа в Москве две машины.

Зима. Мороз. Два образца танков движутся к Москве. Их ведут опытные водители. Их ведет Главный.

С ними в дороге молодая женщина-врач. Она беспокоится за Главного, он не бережет себя. Возникшее чувство. Главный не хочет верить себе — он больше не может любить.

Показ танков в Москве. Триумф Главного. Радость коллектива. Встреча победителя. Посрамление Ведущего и бывшей жены Главного.

Врач Галина понимает, как болен Главный,— тяжелая дорога еще больше подорвала его здоровье. Объяснение между ними. Поздно. А могла быть настоящая любовь.

Главный умирает лицом к солнцу, глядя в раскрытое окно на свой танк, стоящий в заводском дворе».

На обратной стороне бумаги тем же четким почерком Монистова выведено: «В а р х и в».

Еще лист, озаглавлен «Лицом к солнцу». Роман. Наметки плана.

«Действие романа развертывается в дни Великой Отечественной войны. Центр действия — большой оборонный завод, эвакуированный на Урал.

Герой — Ведущий конструктор танка. Главный конструктор и Ведущий — друзья детства. Ведущий конструктор ярче и сильнее Главного, но он предан ему и во всем помогает.

На завод приезжает крупный руководитель промышленности из центра. Он тоже друг детства Ведущего и Главного. Гость влюбляется в инженера Агнию, которая безответно любит Ведущего. Она дает отпор.

Гость, оказывается, много лет ненавидит Ведущего. Он убеждает Главного объявить себя единственным автором новой модели, обещая свою помощь. Главный не соглашается.

Гость просит подумать. На какое-то время Главный чуть было не поддается на уговоры коварного Гостя. Но Агния вовремя останавливает его. Они оба должны все сказать Ведущему.

Совершенно неожиданно для них Ведущий просит их сделать так, как хотел коварный Гость. Дело от этого только выиграет, а слава ему не нужна.

Главный ни за что не соглашается, но Ведущий убеждает его.

Они побеждают. Машина принята. Главный публично провозглашает имя своего соавтора. Гостю из центра некуда деться. Оба друга выходят на улицу, идут навстречу солнцу.

Показ конфликта идет на фоне трудового процесса...»

«Так!» — думает Инна, состояние которой трудно передать словами, достойными этого состояния.

Злость на Монистова? О мертвых, как известно, нельзя говорить и думать плохо.

Глубокое разочарование? Вот каким должен был оказаться роман об ее отце!

Радость? Радость, что роман этот никогда не будет написан, значит, имя отца избежит позора.

Может ли она резко судить Монистова? От замысла до его воплощения дистанция огромного размера. Вон как у Достоевского. Монистов, конечно, не Достоевский, о да, никак не Достоевский, но и он, наверно, многое бы изменил, не строго следовал бы «наметкам плана».

А что за чепуха с гостем из центра? Откуда он взялся? Агния, видимо, должна была быть списана с Нины Махнач. А гость из центра? Если брать в расчет воспоминания дяди Степана Шапошникова, это не кто иной, как Слепов. Инна никогда не встречала Слепова.

Хотя, подумала она, Монистов не обязан быть точным. Он ведь хотел писать не документ, а роман, и как художник имел право на любой вымысел. Всегда писатели, отталкиваясь от реальности, сочиняли свое. Вон Толстой сам говорил, что «смешал» свою жену с ее сестрой, и вышла Наташа Ростова.

Она отложила «наметки плана», посидела, снова взяла их в руки, перечитала. И уже определенно, сильно, уверенно зазвучала в ней радость: как хорошо, что никогда на свете не будет этого романа.

В общем, Инне ясно. Она досмотрит то, что осталось на дне последней папки, дочитает внимательно, потом попросит у вдовы Монистова материалы, сказав, что хочет сама заняться ими. И все уничтожит. Да уж, хорошую услугу оказал бы Монистов памяти отца: роман с конфликтом «на фоне трудового процесса».

Однако некая мысль возникла в ней и, разрастаясь, стала формироваться. Можно быть спокойной — романа не будет. Имя отца никто не запятнает. Но то, о чем беспокоился Монистов, то, что проскальзывало в стенограмме Шапошникова, таит в себе некоторую неразрешенность вопроса. Почему перестали упоминать имя отца. Какова была роль Слепова в делах отца последних лет и что может рассказать ей такого, чего бы она не знала, эта загадочная Нина Махнач, которая, как известно, много лет живет в Москве и, по утверждениям всезнающей «графини», продолжает безумно любить отца?

Мысль созрела окончательно: раз ступив на путь познания, Инна не могла свернуть с этого пути, и, кажется, оставалось не так уж и много времени для того, чтобы туман развеялся и стало видно солнце, лицом к которому Монистов не успел поставить своего героя.

Продолжение следует.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ **«Огонек на БАМе»**

ТОЧКУ СТАВИТЬ РАНО

Все ближе и ближе к «золотому стыку» сходятся стальные колеи Байкало-Амурской магистрали. Новые станции принимают первые поезда. Но на пути строителей возникают трудности, связанные не только с суровыми природными условиями, но и с некоторыми проблемами снабжения. Одна из них — нехватка железнодорожных шпал. «Огонек» дважды поднимал этот вопрос в критических корреспонденциях «Штраф под рельсы не положишь» (№ 41, 1981) и «На БАМе по-прежнему ждут шпал» (№ 30, 1982). В них подробно были проанализированы причины, из-за которых сложился дефицит шпал. Поэтому нет необходимости еще раз возвращаться к уже сказанному. Попытаемся разобраться в другом: что изменилось после выступления журнала.

Редакция получила официальный ответ из Министерства путей сообщения. В нем говорится: «Статья «На БАМе по-прежнему ждут шпал» рассмотрена Главным управлением пути МПС. Приняты оперативные меры по выделению вагонов под погрузку готовой продукции в адрес строителей БАМа. За восемь месяцев нынешнего года со шпалопропиточных заводов МПС отгружено 885,7 тысячи шпал, что на 159,9 тысячи больше, чем поступило сырья для пропитки. Предприятия Минлесбумпрома по-прежнему срывают поставки сырой древесины для изготовления шпал. Реконструкция Аурского шпалопропиточного завода, который работает только с апреля по октябрь, так как расположен под открытым небом, неоправданно затягивается. За девять месяцев трест «Дальтрансстрой» освоил всего 46 тысяч рублей из 850 тысяч, выделенных на нынешний год. Несмотря на просьбы Главного управления пути МПС и критические замечания, изложенные в статье, Главным управлением железнодорожного строительства Урала и Сибири Минтрансстроя должных мер не принято».

Одновременно с этим официальным ответом в адрес редакции пришло и письмо от рабочих Аурского шпалопропиточного завода.

«Мы прочитали в «Огоньке» статью «На БАМе по-прежнему ждут шпал» и считаем, что вопросы, поднятые в ней, настолько наболевшие, что требуют незамедлительного решения. В 1975 году, согласно постановлению, начата реконструкция нашего завода. Генподрядчик — трест «Дальтрансстрой» должен был окончить ее в 1978 году. Как «трудилась» эта организация, видно по итогам: за семь лет и восемь месяцев выполнено едва лишь пятьдесят процентов от всего объема работ. Мы находимся в тяжелейших условиях...»

Нет нужды цитировать письмо дальше, потому что все факты ясно говорят об одном — реконструкция завода была пущена на самотек. За три с небольшим года в строительно-монтажном поезде № 399, который работает на этом объекте, сменилось четыре начальника и три главных инженера. Даже то, что было построено, начинало разваливаться.

— Все верно,— прочитав письмо, согласился управляющий трестом «Дальтрансстрой» Геннадий Петрович Козлов.

К чести нового руководителя треста — Геннадий Петрович работает здесь чуть больше года,— он не скрывает недостатков. А после публикации статьи немало сделано для наведения порядка. СМП-399 сейчас возглавляют знающие свое дело, инициативные руководители. В последнее время повысились темпы работ. Строительная площадка приобрела более приличный вид. С января будущего года у СМП 399 забирают все другие объекты, и остается только один — шпалозавод. Но положение с реконструкцией завода по-прежнему вызывает серьезное беспокойство.

В Аур мы приехали вместе с заместителем управляющего трестом «Дальтрансстрой» Геннадием Владимировичем Вторушиным и главным инженером службы пути Дальневосточной железной дороги Борисом Федоровичем Самсоновым. Встретились две заинтересованные стороны — подрядчик и заказчик.

Б. Ф. САМСОНОВ. Из года в год Аурский завод исключают из списка сдаточных объектов. К этому уже привыкли. Стройка оказалась на задах. А что это значит наяву, увидите, когда пройдетесь по территории.

Г. В. ВТОРУШИН. Одна из главных трудностей — нехватка рабочих. Чтобы резко повысить темпы, нужны кадры, а их нет. Хочется сказать и о другом. Почему-то все не замечают того, что уже сделано, а сделано немало.

Б. Ф. САМСОНОВ. За семь-то лет пора уже сделать все.

При этом разговоре присутствовал и исполняющий обязанности директора Аурского шпалопропиточного завода Николай Иванович Сиденко. Он хмуро отмалчивался, а потом выразительно постучал себя по шее:

— Вот она у нас где, реконструкция-то! Мы от нее терпим одни неудобства. Семь лет на действующем заводе строительная площадка! Можете себе представить, что это значит? А конца до сих пор не видно. Не закончено строительство противопожарного водопровода — это самое главное для нашего завода. Практически не движется дело со строительством жилья. А ведь когда завод выйдет на новую мощность, нам потребуются дополнительные кадры. Откуда мы их возьмем, если не будет жилья? И еще. Некоторые производственные помещения, уже построенные, приходят в негодность или того хуже, как с котельной...

И Николай Иванович поведал почти детективную историю. В один из недавних дней к котельной подъехала машина, и прибывшие на ней быстро сняли двигатели с лебедок и насосы. На законный вопрос — зачем? — ответили: «приказ начальства». Г. В. Вторушин пообещал, что в тресте с этой самодеятельностью строго разберутся. Хочется надеяться...

Осмотр территории завода оставил после себя отнюдь не радостные впечатления. Дел и недоделок еще очень много. Их описание отняло бы немало места, но мы этим заниматься не будем. Скажем только об очистных сооружениях. Таковых, какими они должны быть, на заводе нет.

В реконструкции Аурского шпалопропиточного завода первое, главное слово остается за Министерством транспортного строительства и Главным управлением железнодорожного строительства Урала и Сибири. Они должны включить Аурский завод в список сдаточных объектов будущего года. Дальше тянуть некуда.

Руководителям треста «Дальтрансстрой» пора перевести этот объект в разряд самых важных и принимать более действенные меры по увеличению объема работ. Очевидно, нужно сказать свое слово и Хабаровскому краевому комитету партии, тем более что у него накоплен прекрасный опыт шефства над строящимися на территории края станциями БАМа.

Возвращаясь к предыдущей статье «На БАМе по-прежнему ждут шпал», необходимо подчеркнуть, что Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности предпочло и на этот раз отмолчаться. А снабжение шпалозаводов сырьем не улучшается. Обратимся еще раз к письму рабочих с Аурского завода. Вот что они пишут:

«Волнует нас и такой вопрос, как поставка сырой древесины. За десятую пятилетку объединением «Дальлеспром» недопоставлено 285 тысяч штук шпал, 210 комплектов переводного бруса, сорваны планы поставок и в прошлом году и в нынешнем. Мы знаем, что «Дальлеспром» держит на голодном пайке и нашего соседа — Ушумунский завод. В связи с этим по-прежнему ждут шпал и брусьев на БАМе, на железных дорогах, на стройках и в транспортных цехах промышленных предприятий. Нам кажется, что работники лесной промышленности недооценивают значимость этой продукции для государства. Ведь планы в целом они выполняют. Почему же не выполняются планы по изготовлению шпал и брусьев?»

Этот вопрос рабочих мы адресуем Министерству лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности. Рабочие шпалопропиточных заводов, строители Байкало-Амурской магистрали и редакция журнала ждут ответа.

М. ЩУКИН,
собкор «Огонька»

Фазу АЛИЕВА

ПЕРЕВАЛЫ ДНЕЙ

УСТРЕМЛЕННОСТЬ

В этом, наверно, высшая мудрость,
Что речка к морю стремит свой бег,
В этом, наверно, высшая мудрость,
Что к цели высокой идет человек,—
К лучшему, к светлому он стремится,
Взвалив на плечо нелегкую кладь...
Но ведь человек — не речка, не птица,
Ему не течь, не лететь — шагать.

И вот я шагаю тропинкой крутою,
Все выше, трудней перевалы дней,
Но там, над высокой скалистой грядою,
Что-то сияет, зовет: — Скорей!
Шагай — за последним крутым перевалом
Край, что на сказочный рай похож:
Там радость печальным, отдых усталым,
Там все, что хотела найти, найдешь!.. —

Шагаю — безжалостно силы трачу,
Иду день за днем каменистым путем,
Упав на гранит, беззвучно заплачу:
Не слишком ли выбрала трудный подъем?..

Но знаю: если пройду отважно
Самый высокий скалистый отрог,
Найду в долине, цветущей, влажной,
Самый лучистый, душистый цветок!..

В этом, наверно, высшая мудрость,
Что на вершинах не тает снег,
В этом, наверно, высшая мудрость,
Что дальше и выше идет человек.
Трудно шагать по обрывистым скалам,
И сердце стучит, и горят ступни,
Но верю: за самым крутым перевалом
Ждут меня самые светлые дни.

РАЗГОВОР С ОТЧИЗНОЙ

В бреду, в огне томясь мучительной болезни,
С обрыва ли катясь к неумолимой бездне,
Мы, даже взрослые, кого в тоске зовем?
Мать, мать свою зовем: по-детски чуда ждем.
А наши матери во дни беды и муки,
Рыдая и мечась, заламывая руки,
Кого в последний миг в смятении зовут?
Детей своих зовут: от них спасенья ждут...
Но ты, Отчизна-мать, будь за себя спокойна:
Смогла своих детей ты воспитать достойно,
Цвети, защищена стеной богатырей —
Бесстрашною броней сынов и дочерей.
Всегда готовы встать на бой с любой грозою
И новый Кошевой, и Чайкина, и Зоя,
Матросов бросится опять на вражий дот,
Гастелло факелом обрушится с высот,
И знаю: не пройдут стада железных чудищ...
Да, если снова, Мать, со злом ты биться
будешь,
Клянусь я, что отдам на первый же твой зов
Всех четырех сынов — рожденных мной орлов.
А если их судьба — сгореть, пропасть
без вести,
Сама в огонь пойду... Нет в жизни большей
чести,
Чем с пламенем в глазах, с оружием в руках
И с именем твоим, горящим на губах,
Идти в последний бой — к сияющей победе,
Чтоб больше не было войны на всей планете!

НАВСЕГДА

Любимый, хоть я и кричала:
«Не жди теперь никогда!» —
Но видишь — сама прибежала,
боясь, что с тобой беда,
К тебе в ту же ночь прибежала,
Едва стала синей тьма,
Боясь, что себя проклинаешь,
страдаешь, сходишь с ума.
Не чтобы с тобой помириться,
к тебе я бежала, поверь,—
Чтоб легче вдвоем примириться
с горчайшей из наших потерь.
Во тьме на крыльцо я взбежала,
остаться теперь позволь,—
Кто лучше меня остудил бы
твою раскаленную боль?
Как страшно я в гневе кричала —
надежду рубила клинком!
Но снова я здесь, успокойся,
опять прибежала тайком.
В минуту слепящей обиды
я выкрикнула: «Никогда!..»
Но видишь,— сама прибежала,
боясь, что случится беда,
И, плача, смягчаясь, сдаваясь,
припав к твоему плечу,
Ты слышишь, какое слово
сквозь слезы тебе шепчу?
Не яростное: «Никогда!» —
а сладостное: «Навсегда!..
Люблю... твоя... навсегда!..»

ВОЛШЕБНЫЙ КЛЮЧ

Если б не ты, не любви колдовская сила,
Разве бы в мире я столько чудес открыла,
Разве бы в столько негаданных тайн проникла,
Разве бы так доверять чудесам привыкла?
Хочу я с людьми поделиться одним секретом
(Раньше навряд ли кто-нибудь знал об этом!)
Как перед утром, под смутной мглой
небосвода,
Словом-ключом отмыкать ворота восхода.
Спросишь, каким? Это имя твое, любимый:
Какой оно силой становится неодолимой,
Когда, словно раня мглу предрассветной рани,
Его я рождаю горящей, сухой гортанью
И сразу — волнами подхвачено, став их
песней —
Летит твое имя в светающее поднебесье,
Морская даль разгорается медью трубной,
А звезды гаснут, мигая мне дружелюбно.
Все трепетней имя твое повторяют листья,
И ярче становится море, и даль — лучистей,
А я гляжу, в это чудо по-детски веря,
Как имя твое заре отпирает двери.
От мрачных гор и до крохотных
брызг-жемчужин
Весь мир этим именем, как заклинаньем,
разбужен:
Вон блеском зари две вершины зажглись,
а между —
Солнце встает, излучая тепло и надежду,
Огневое, живое — совсем такое,
Как сердце мое!

КТО Ж ТЫ ТАКОЙ?

От летнего зноя устав по дороге,
Под мощной чинарой я села в тени.
Два путника там уже отдыхали,
Взглянула я пристальней: кто они?
С виду — два горца, обычных горца,
Но сразу различье я их поняла:
Рядом с одним лежала мотыга,
Рядом с другим — топор и пила.
Чинара над нами шумела ветвями,
А мне подумалось: как же так?
Ужель так доверчиво сердце чинары,
Что не почует, кто друг, кто враг?
Она и садовнику и лесорубу
Дарует свежесть свою и тень,
И доброго друга и душегуба
Прохладой радует в знойный день.
Чинара над нами шумела ветвями,
И грусть мою душу окутала вдруг:
Вот так же тебе я любовь расточаю,
А даже не знаю, ты враг или друг?
Вот так же доверчиво и беззащитно
Тебе мою свежесть и ласку дарю,
Несметное счастье дарю — и при этом
Тебя же за счастье благодарю!..
Чинара над нами шумела ветвями...
Бываешь ты нежен, бываешь груб...
Кто ж ты такой? Садовник ли добрый
Или безжалостный лесоруб?
Цвести ли нашей любви-чинаре,
Стать ли обрубком, мертвой золой?..
С чем ты пришел — с милосердной мотыгой
Или со злою блестящей пилой?

ПРОСТИ МЕНЯ

Прости меня...
Хоть сотни лет копай,
Хоть сотни раз взрывай,
но не дождешься
Фонтана нефтяного там, где в недрах
Земля не сохранила,
не скопила
Того, что черным золотом зовут —
Своей густой,
горючей,
жгучей крови!..
Сейчас в твоих глазах
отчаянье дымится,
А ведь отчаянность пылала в них:
Догадывалась я,
что мне в душе желал ты
Хоть чуточку несчастья,
Хоть мгновенье
Какой-нибудь опасности нежданной,
Внезапно
на меня
нагрянувшей беды,
Чтоб мог ты кинуться
В пылающее зданье
И вынести меня
из ярости огня,
Чтоб мог ты ринуться
В бушующий поток
И вызволить меня
из буйной водоверти,
Чтоб дерзким подвигом,
Неслыханным бесстрашьем
Мне доказать любовь
и преданность свою!
Прости меня...
Я чувствовала, знала,
Что всеми десятью ручьями доброты
Твои тяжелые, но бережные руки
Ко мне стремятся — с пылкою надеждой
И лаской чуткою:
Вот снова на рассвете
В окно мое, распахнутое в сад,
Летело яблоко румяное — как будто
Порывом радостного ветра
Прямо с ветки
Внезапно было сорвано оно...
А вот опять,
как утренняя весть,
Обрызганный душистою росой
Пучок голубоглазых незабудок
На подоконнике моем лежит...
Теперь я думаю:
Когда бы нужно было,
С какой бы радостью
тропинку для меня
Сквозь заросли кустарников колючих
Ты даже голыми руками проложил!
А что же я?
Упряма и горда,
Ни разу на тебя приветливо не глянув,
Смотрела я в неведомую даль,
Меня манившую
страданьем неизбежным —
В морскую даль чужих, холодных глаз...
Прости меня!
Да, был ты слишком добр,

Чтоб взволновать мою заносчивую юность,
А тот, к кому с тоской она тянулась,
Был слишком холоден,
был слишком недоступен,
Чтоб сердце разлюбить его смогло.

Я ОДНАЖДЫ ПРОЧЛА

Я однажды прочла, как один осужденный,
К окровавленной плахе уже приведенный,
Увидав палача, поздоровался с ним
Так сердечно, как с другом своим дорогим,
И палач беспощадный, палач равнодушный
Стал от жалости вдруг как ребенок послушный,
На колени упал, к властелину воззвал,—
И страдальца кровавый топор миновал...
Так и я будто пленной преступницей стала —
Палачом свое зеркало долго считала,
Не глядела — боялась увидеть в трюмо
На лице пережитых страданий клеймо.
Но себе дерзновенную мысль я внушила —
Улыбаться стеклу-палачу я решила
И приветливо утром здороваться с ним,
Будто встретилась с другом своим дорогим.
Что ж ты думаешь? Не палачом равнодушным
Стало зеркало вдруг, а ребенком послушным:
Улыбнусь — и в ответ в голубой глубине
Улыбнется по-детски и зеркало мне.
И куда-то с лица убежали морщинки,
В черных волнах волос затерялись сединки,
По-девчоночьи вновь засветились глаза,
Ярче бусинок вспыхнула в них бирюза.
И опять становлюсь озорною, шальною,
Своенравной, восторженной — точно такою,
Как в апрельское утро, когда напрямик
В мое сердце ты с первого взгляда проник.

ТУМАНЫ

Слыхала я от старого солдата:
Когда бойцы в разведку шли когда-то,
Они всегда туману были рады —
В тылы пробраться, обойти засады,
Да и вернуться помогал туман...
Так говорил бывалый ветеран.

Я молча слушала... Но в ту минуту
Совсем другое всплыло почему-то;
Туманный вечер, острая вершина,
Журчанье родника и звон кувшина,
И наш аул, затерянный в горах,
И первого свиданья жаркий страх.

Ведь первая любовь трудна нередко,
Дерзка, страшна — как первая разведка,
Разведка нашей самой тайной глуби,
Бой двух сердец, надежд и самолюбий,
Да и с родными в юные года
Любовь должна сражаться иногда.

Аул родной я вижу... Мглистый вечер...
И сразу вспоминаю наши встречи...
А было нам обоим по пятнадцать,
Когда туман нам помогал встречаться,
Когда в ущелье ближнем, за ручьем
Мы вечерами виделись тайком.

Туман ползет по скалам, по лощинам,
А я бреду с наполненным кувшином
Вверх, к нашей сакле... Свист короткий слышу,
Гляжу, мой друг стоит на плоской крыше,
Подбросил шапку: знак мне подает,
Что хочет встретиться, в ущелье ждет.

Туман сгущается... В тени сарая
Я воду торопливо выливаю
И в синей полутьме послезакатной
С пустым кувшином вниз бегу — обратно,
Вниз, по уступам козочкой скачу —
На дно ущелья, к нашему ручью.

Туман, туман... Как я глядела строго,
Когда косу мою он робко трогал.
Всего боялись мы — не целовались,
Лишь горячо, порывисто шептались.
И вновь, кувшин наполнив поскорей,
Я вверх спешила — к матери своей.

Туман, туман... Никто в густом тумане
Пугливых наших не видал свиданий.
Сейчас припомню их, и грустно станет,
И что-то светлое мой взор туманит...
Ах друг туман! Как на войне — бойцам,
Подмогой будь всем любящим сердцам.

Перевел с аварского
Сергей СЕВЕРЦЕВ.

НОВОЕ ЛИЦО СТАРОГО ГОРОДА

Сергей ВЫСОЦКИЙ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

1

«Местоположение Веймара изрядно»,— писал Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника».

Город показался с невысокого холма, и я невольно испытал разочарование — хотелось увидеть его весь, сразу, а он утопал, растворялся в зелени парков, ускользал, не желая раскрыться с первого взгляда. Но уже через несколько минут разочарование уступило место восхищению перед тем, как слились здесь воедино природа и творение рук человеческих, словно бы строители Веймара всегда следовали завету великого своего гражданина Гете о том, что к «природе надо подходить почтительно и неторопливо, чтобы чего-нибудь от нее добиться».

Сегодня, как и сотни лет назад, архитектора волнует вопрос о том, как новые постройки вписать в существующий городской ландшафт, сочетать с природными условиями. Только ныне архитектору приходится неизмеримо труднее — размах строительной индустрии диктует свои условия: строить быстро, строить дешево, учитывать современные требования к комфорту, которые куда как разнятся с представлениями о нем средневекового рыцаря.

В Веймаре находится один из трех архитектурных вузов ГДР — Высшая школа архитектуры и строительства, или, как ее часто называют, Академия архитектуры, которой в 1985 году исполняется сто двадцать пять лет. Кому, как не ее сотрудникам, задать вопрос, удается ли в современной строительной практике поставить в одну упряжку «коня и трепетную лань»? Сочетать индустриальные методы строительства и наше понимание красоты?

Помощник ректора Хартмут Шайдер приводит нас в большую светлую комнату, похожую скорее на библиотеку, чем на мастерскую архитекторов. Все стены заставлены шкафами с книгами, папками с чертежами, огромными фолиантами. За одним из столов — молодой бородатый мужчина попыхивает трубкой. Другой стол пуст, но как залог быстрого возвращения его хозяина рядом с пепельницей тоже дымится трубка. Бородатый встает навстречу, протягивает руку:

— Доктор Зиберт,— и кивнув на одиноко дымящуюся трубку, добавляет:— Коллега Вирт сейчас придет.

Вирт действительно появляется через несколько секунд, такой же молодой и бородатый, как Зиберт.

Новое строительство в сложившихся архитектурных зонах и заказниках, охрана памятников архитектуры — вот сфера научных интересов доктора Вирта, который читает студентам курс лекций на эту тему. Уже несколько лет он — член окружного правления общества охраны памятников.

— В гражданском кодексе ГДР,— рассказывает Вирт,— предусмотрены специальные статьи, оберегающие политические, культурные, исторические и этнографические памятники архитектуры. И технические,— подумав, добавляет он.— Уникальные технические сооружения тоже находятся под охраной государства. Например, Веймарский железнодорожный вокзал. Очень любопытный образчик архитектурной мысли. Но кодекс кодексом, а ведь нужно постоянно следить за тем, в каком состоянии находятся постройки. Вот здесь неоценимую услугу оказывают активисты общества охраны памятников, работающие на общественных началах...

— Вы обратили внимание на рыночную площадь?— спрашивает Зиберт, занимающийся вопросами городской реконструкции.— Там, на северо-востоке от гостиницы «Элефант» расположен красивый зеленый дом. В годы войны его разрушили. В архивах мы разыскали фотографии, старинные рисунки и чертежи и восстановили дом. В Дрездене реконструировали по старым чертежам оперу. Но это, можно сказать, случаи исключительные. В архитектурных заповедниках есть и заурядные постройки. Старые архитекторы ведь не все были гениальные?— Зиберт оборачивается к своему коллеге, словно ищет у него поддержки.— Нельзя запретить строить новые дома в старых городах. Важно, чтобы они не нарушали общий стиль. В Веймаре, например, определены границы, где вовсе запрещено новое строительство, в ряде пригородных районов тоже не разрешается возводить дома, в других — строить можно, но с соблюдением определенной высоты. Но Веймар — город-памятник, к архитекторам здесь предъявляются особые требования. И уже то, что наш институт находится в таком замечательном городе, помогает воспитывать у студентов уважение к традициям.

— Задача реконструкции наших старых городов,— сказал заместитель ректора института Келлер, с которым мы встретились позже,— одна из важных социальных проблем сегодняшнего дня. Новое строительство не решает полностью жилищного вопроса — сотни тысяч граждан живут в старых городах, в домах, которые требуют перестройки. Архитекторы ГДР получили задание партии ускорить реконструкцию таких городов. Вполне естественно, что мы готовим к этому и студентов, людей, от творческой зрелости и ответственности которых будет зависеть в ближайшем будущем облик наших городов. Из десяти проектов, которые за время обучения должен создать каждый студент, шесть — задания по реконструкции. Понять социальные проблемы старого города помогает студентам и практика. В последние годы, например, они разработали проекты модернизации шестидесяти четырех квартир в старинных зданиях Веймара и своими руками претворили эти проекты в жизнь.

Замечу, кстати, что восстановление и реконструкция архитектурных памятников требует привлечения мастеров-виртуозов, восстанавливающих интерьер зданий, лепку, инкрустацию и резьбу по дереву, владеющих искусством чеканки. Четыре года назад в ГДР было создано специальное «Народное предприятие по уходу за памятниками». Здесь готовят каменотесов, способных выложить любую арку, плотников, умеющих построить старинную ветряную мельницу, кровельщиков, которым под силу покрыть крышу медными пластинами. Принадлежит это предприятие министерству культуры. Во всех округах есть его

филиалы. В Веймаре, например, силами Эрфуртского филиала реконструируется городской дворец.

2

Еще в Веймаре я услышал о главном архитекторе Эрфурта профессоре Вальтере Нитше, выпускнике веймарской Высшей школы архитектуры. «Творческая личность», «городской архитектор с самым большим стажем»... Но лучше всего сказал о Нитше начальник строительного отдела Окружного совета О. Зибенхюнер: «Его сердце бьется для города Эрфурта». И чувствовались в этих словах теплота и большое уважение.

Вальтер Нитш оказался плотным улыбчивым человеком с веселыми пронзительными глазами.

— Как Москва? Все хорошеет?— спросил он, как только мы познакомились.— Олимпийские стройки придали ей космическую прелесть. И еще мне нравится Вильнюс. Но это любовь особая. Ведь Эрфурт и Вильнюс городапобратимы. Уже дважды я побывал там. Прекрасный город. Как бережно его застраивают...

«Бережно застраивают». В двух словах — позиция архитектора. Его кредо. В Нитше чувствовался выпускник Веймарской академии. Но прежде чем рассказывать о Нитше-архитекторе, мне хотелось бы сделать небольшое отступление и сказать о Нитше — большом друге нашей страны.

Каких бы проблем мы с ним ни касались, разговор очень естественно и непринужденно возвращался к дружеским связям между нашими народами. Рассказывая о современных методах строительства, Нитш тут же вспоминал о том, что они ежегодно посылают своих специалистов и рабочих на вильнюсский и киевский домостроительные комбинаты.

— И принимаем советских специалистов у себя. И студентов тоже. Недавно приезжали на практику вильнюсские студенты. Я был у них шефом.— Нитш улыбается.— А совсем недавно произошел такой смешной случай — приходит дочка из школы и спрашивает, может ли у нас дома пожить девочка из Литвы.

— Пожалуйста.

Дочка рада:

— Кстати, папа у нее тоже архитектор. Может быть, ты знаешь?

— Как его фамилия?

— Бальчунас.

Бальчунас — мой друг, архитектор из Вильнюса. Но я все же решил уточнить. Ведь, может, Бальчунасов в Литве, как у нас Мюллеров. Спрашиваю:

— А сколько у них в семье детей, подруга тебе не писала?

— Семь!

Значит, тот самый, мой Бальчунас,— обрадовался я.

Совпадение? Нет, не просто совпадение. Крепкая и прочная дружба затрагивает все сферы нашей жизни — потому и совпадения. Вот и с Ташкентом у нас крепкие связи. Я даже в Бухаре побывал.

Нитш встает, берет с кресла небрежно брошенную куртку.

— У нас в магистрате небольшая выставка, посвященная генплану Эрфурта. Давайте посмотрим, а потом поедем по городу,— предлагает он.— И все градостроительные проблемы предстанут перед нами как на ладони.

Мы идем по мрачноватой, расписанной сценами из жизни Лютера и графа Глейхема лестнице. Профессор коротко рассказывает историю постройки ратуши, показывает торжественный, отделанный мореным дубом зал городского парламента. В коридоре Нитш вдруг останавливается и спрашивает:

— Вы ничего не заметили?

Оглядываемся с недоумением.

— Да ведь мы перешли из одного века в другой! В тридцатые годы к ратуше пристроили новое административное здание. Но посмотрите, как пристроили! Не ощущаешь резкого перехода. Мой идеал — так сочетать старые и новые застройки в городском масштабе!

В небольшом зале — десятки многоцветных планов, макет Эрфурта. Указка главного архитектора останавливается на одной из точек макета.

— Ратуша. Мы с вами находимся здесь, в центре старого города. Обратите внимание — все старинные здания на макете темнокрасные. Новостройки — светлых тонов.

Темно-красное средневековое ядро Эрфурта по своим контурам напоминает сердце.

— В старинной части города,— говорит Нитш,— живет еще очень много жителей. И не все имеют в своих квартирах удобства.

Уже в машине, когда мы медленно ехали по старой, бережно реставрированной части города, Нитш сказал:

— Как сохранить в первозданной прелести то, что досталось нам в наследство, и удовлетворить новые, неизмеримо возросшие требования к жилью? Вот что волнует меня всегда. Мы ведь все хотим жить с максимальным комфортом — горячая вода, центральное отопление, светлые окна, мусоропроводы. Попробуйте сочетать все это с ранней или поздней готикой!

Еще в ратуше, рассматривая генплан, я обратил внимание на то, что город вытянулся почти с севера на юг, словно его сплюснули с двух сторон. Спрашиваю о причинах у главного архитектора.

На мой вопрос Нитш отвечает вопросом:

— А вы знаете, что Эрфурт — столица по выращиванию цветочных семян? И наши ежегодные выставки цветов популярны не менее, чем кинофестивали в Каннах. Эрфуртские цветочные семена и овощи — важнейшая статья экспорта. А самые плодородные земли начинаются у стен старого города. Такими землями не разбрасываются. Вот и строим на юговостоке и севере.

Машина остановилась на огромной площади перед уходящей ввысь Северкирхе.

— Соборная площадь вторая по величине в Европе,— говорит Нитш.— Двести двадцать на сто шестьдесят. Вокруг нее — ядро старого города. Попробуйте застроить площадь — гармония разрушится, все потускнеет — и собор и окружающие площадь дома. А ведь горячие головы хотели застроить! — В словах архитектора чувствуется молодой задор.— А есть и «разрушители». Они считают, что надо разрушить все «старье», а потом строить современные удобные города. И те и другие думают, что они прогрессивны. Нет, нет, это настоящие ретрограды!

Куда ни пойдешь сегодня в старом городе, обязательно встретишь дома, обнесенные лесами. В районе Соборной площади с 1977 года идет реставрация около ста зданий. Во многих домах сносятся и заново восстанавливаются стены, перепланировываются квартиры. Проводится центральное паровое отопление и горячая вода. Шесть тысяч квадратных метров площади отводится магазинам, кафе, ресторанам. И старинные дома вновь сияют первозданной красотой, обретая новую жизнь.

Нитш ведет нас по узкой средневековой улочке, мощенной булыжником, мимо аккуратно сложенных штабелей кирпича и пахнущих сосной брусьев. На Марксштрассе он останавливается у красивого дома в стиле барокко с элементами готики.

— Тысяча шестьсот семьдесят седьмой год. В 1978 году реставрировали и открыли детскую библиотеку. На заднем дворе амбар пятнадцатого века переоборудовали в кукольный театр...

О. Зибенхюнер и В. Нитш.

Пока мы едем в район новостроек, главный архитектор успевает сообщить нам несколько любопытных цифр: стоимость строительства квадратного метра жилья в новых районах в три раза дешевле, чем в центре. Поэтому центральная часть города долго стояла нетронутой. В 1981 году в городе жили восемьдесят три тысячи семей, а квартир — восемьдесят одна тысяча. В год их строится две тысячи. Казалось бы, к восемьдесят третьему году можно обеспечить каждую семью отдельной квартирой...

— Но страна наша молодая,— улыбается Нитш.— Новые семьи создаются быстро. Учитывая все демографические прогнозы, городу понадобится в ближайшем будущем уже 93 тысячи квартир. Значит, надо строить и строить. И модернизировать старые дома в центре!

...Новые районы Эрфурта Йоханнесплац и Ротер Берг построены с расчетом создать для проживающих там не только максимум удобств, но и удовлетворить их эстетические потребности. Пяти-, одиннадцати- и шестнадцатиэтажные дома, просторные скверы, детские площадки, оформленные скульптурными группами, спортивные и культурные комплексы. Выложенные нарядной плиткой пешеходные дорожки. Просторно, светло, празднично...

Только в Москве, рассматривая объемистый справочник по архитектуре Эрфурта, я прочитал, что руководителем проекта в этих районах новой застройки, так же как и архитектором, спланировавшим оригинальную застройку на Юрий-Гагарин-Ринг, был Вальтер Нитш...

Мы подъехали к гостинице поздно вечером. Накрапывал мелкий противный дождь. Свет неоновых фонарей с трудом пробивал ложившийся на улицы и площади туман, и готический центр города казался сумрачным и холодным.

— Наверное, у каждого архитектора есть самое любимое свое детище?— спросил я у Вальтера Нитша.

Он с сомнением посмотрел на небо, потом, словно решившись, махнул рукой.

— Если не боитесь окончательно промокнуть...

Пять минут быстрой ходьбы, и мы на залитой светом знаменитой Ангер. Главная торговая улица Эрфурта открыта только для пешеходов. Здесь многолюдно, уютно и даже дождь почти не чувствуется, словно испаряется в многоцветье рекламы. Ангер — это праздник архитектуры, архитектурный музей. Шестнадцатый, семнадцатый, восемнадцатый века... Вплоть до двадцатого. Что ни дом, то произведение искусства. Невольно думаешь о том, что строить на Ангер все равно, что строить на Невском...

Словно угадав мои мысли, Нитш говорит:

— Один из самых ответственных проектов в моей жизни.

Мы стоим перед шестиэтажным зданием на углу Ангер и просторной площади. Перед современным зданием, собранным из стальных каркасных конструкций, с оконными проемами из дерева и алюминия, с парапетами из тесаного камня. Только крыша крутая да мансардные окна чем-то напоминают старинные постройки. Но это современное здание так удачно, так талантливо вписано в окружающий городской ландшафт, что ничем не нарушает гармонии старинной улицы. Я вспоминаю ратушу, длинный коридор и вопрос Нитша, когда мы остановились на рубеже двух веков: «Вы ничего не заметили?..»

Да, талант архитектора иногда ярко проявляется и в том, чтобы его детище слилось с окружающей красотой.

Старые жилые кварталы Эрфурта бережно реконструируются * Парковый дом Гете в Веймаре.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Экскурсия школьников у дома Шиллера в Веймаре * Соборная площадь в Эрфурте * Новые краски старой Ангер.

ВОЗВРАЩАЕТСЯ СТОРИЦЕЙ

И. ПИРОГОВА

Я как-то слышала афоризм: «Очень хороший актер не похож на актера, средний — похож на актера вообще, а плохой — на актера своего театра». Применительно к кино плохой актер там, очевидно, похож на актера своего фильма. А ведь есть в этом что-то! Фильм давно уже сняли, а может быть, он уж и прошел и позабыт, а актер все еще ходит «в образе», который ему кажется необыкновенно привлекательным, носит его на себе как королевский наряд, не замечая, что пышная мантия давно истрепалась, поблекла и способна вызывать у окружающих либо сочувствие, либо насмешки.

Хорошему актеру украшения, маски и позы ни к чему. Он полон временем, в котором живет, поглощен судьбами и характерами людей, которые живут в нем самом. Его герои несут в себе приметы этого времени; созвучны людям по «эту» сторону экрана, узнающим в образе, созданном актером, близкую, родственную судьбу, черпающим в нем душевные силы и мудрость жить достойно. И тогда рождаются вот такие бесхитростные, взволнованные строки — со всех концов бескрайней нашей страны,— обращенные к актрисе:

«Здравствуйте, уважаемая Клара Степановна! Только что в клубе посмотрел киноленту «Большая семья» с Вашей Лидой. Сколько уж раз смотрю этот давний фильм, а все так же с интересом и восхищением»,— пишет О. Симонов из города Ровеньки, что в Донбассе.

«Как уместить в эти скупые строчки мое состояние от просмотра фильма «Цыган»? Он заполонил меня, боль и терпение Вашей Клавдии Петровны воспринимала как свои. Мне кажется, что очень многие женщины вот так же ждут всю свою жизнь того, желанного, одного его, единственного»,— так написала инженер-проектировщик из Куйбышева Л. Скрябина.

Пожалуй, не найдется зрителя, который остался равнодушным к судьбе этой героини. Сотни зрителей, с которыми так часто встречается народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Клара Лучко, просят: расскажите, как вы играли Клавдию? Как удалось вам передать такую силу материнской и женской любви, мужества перед ударами судьбы, светлой доброты? Доходило до грустных курьезов. Одна девушка даже написала: может, вы сами когда-то дочку потеряли, так это я — я на вас похожа и в детдоме воспиталась.

Как им объяснить, что не просто играла, а жила жизнью Клавдии, ее страданиями, горькой памятью, любовью к детям, надеждами на счастье. А от этого и все, что ее окружало — станица, хата, сельский уклад, стало родным и привычным. И к приемному по фильму сыночку Ване, а в жизни ростовскому пареньку Алеше Никульникову так привязалась сердцем, что и теперь считает нечужим человеком, гордится его успехами в Школе-студии МХАТа.

У настоящего искусства есть одно великое свойство: оно отзывчиво и благодарно, способно вернуть сторицей затраченную художником сердечную энергию. «Цыгана» ставил режиссер А. Бланк. Его увлеченность фильмом, прекрасная литературная первооснова — роман Анатолия Калинина — установили для съемочной группы очень высокий предел не только профессионализма, мастерства, вдохновения, но и человеческих, личностных отношений в творческом коллективе. У Клавдии Петровны и Будулая (его прекрасно играл молдавский актер Михай Волонтир) по сценарию мало совместных сцен, но с каким душевным волнением актеры ждали их, готовились к ним, берегли трепетность и сердечность.

Вот снимаются заключительные сцены «Цыгана». В сознании тяжело раненного Будулая должна появиться Клавдия. Как это можно снять? Как она должна выглядеть? Клара подошла к Волонтиру:

— Михай, как вы думаете, какой я должна привидеться вам?

Он посмотрел на нее — босую, в стареньком платьице, с распущенными по плечам легкими золотистыми волосами — и сказал: «Если можно, Клара, то именно так». Чувство партнера... Клара Лучко ценит и стремится к тем, кто понимает чувство локтя.

Оглядываешься на ее путь в кино и с уважением отмечаешь, что ей доверяли роли в своих картинах выдающиеся мастера советского кино, чьи имена составляют лучшие страницы его истории: Пудовкин, Герасимов, Пырьев... И одним «ей повезло» все это не объяснишь. Значит, есть у актрисы талант надежный, многогранный, есть та профессиональная и личная значительность, которая только и может заинтересовать и оправдать доверие столь непохожих художников.

Да, режиссеры ей доверяют, и она, ценя это, ужесточает требования к себе самой, извлекает из глубин своего дара все новые и новые «золотники» правды человеческого духа, новые краски, интонации.

Так было и в телевизионном фильме «Мы, нижеподписавшиеся...». Постановщика картины Т. Лиознову наиболее всего привлекла тема выбора, поведения человека в чрезвычайных обстоятельствах, когда надо не словами, а делом доказывать, кто ты и с кем ты. Скромная, милая, благополучная Нуйкина (такой мы видим героиню Лучко) привыкла из всяческих конфликтов выскальзывать без личных потерь, закрывая глаза на брак в строительстве, на проделки умелых карьеристов-славолюбов. Ей хорошо и уютно в своей маленькой башенке из слоновой кости, благоухающей французскими духами. Зачем рисковать и наживать неприятности... В конце концов не она первая старается не замечать того плохого, что рядом, не вмешиваться в чужую борьбу. Но существует в человеке норма порядочности, ниже которой опускаться он не имеет права. Для нее предать человека, которого она глубоко уважает,— значит отказать себе в праве на самоуважение. Значит, надо решаться. И она решилась, наконец, на честный, принципиальный поступок и плачет от страха и от облегчения...

Этот фильм для Клары Лучко стал в некотором роде историческим. Он открыл нам новую грань ее таланта — социальную.

Больше всего на свете она страшится штампов. И ни одну из своих творческих удач она не считает панацеей, не тиражирует. Напротив, предложение роли-близнеца, где надо говорить и нечего думать, где можно пользоваться «наработанным» багажом, вызывает у нее твердое отрицание.

Успех красивой, трудолюбивой, талантливой звеньевой Даши Шелест в «Кубанских казаках» Ивана Пырьева был ошеломляющим и стойким. Кажется, варьируй тему, черпай из найденной золотой жилы, и надолго хватит...

Именно после таких ролей в биографии и появилась мятущаяся в поисках себя самой, одинокая в дружной семье Журбиных Лида — молодая женщина с душой, истерзанной своей ненужностью людям, близкому человеку. Борьбу своей героини за обретение себя Клара Лучко показала тогда с удивительной, непреходящей достоверностью.

И почти в то же время ослепительный праздник красоты, веселья, любви, рыцарства и романтики: фильм «Двенадцатая ночь» в постановке А. Фрида, где она сыграла две роли — Виолу и Себастьяна, представ перед нами одинаково обаятельной, живой и грациозной. Девушке из полтавского села оказался по плечу и народный характер и шекспировский. И роль светской дамы графини Мари д'Агу, не сумевшей понять и уберечь любви великого Ференца Листа, в совместном советско-венгерском фильме «Ференц Лист» («Грезы любви»).

Не так давно сыграна яркая, сложная, драматичная роль элегантной загадочной француженки в приключенческом фильме Р. Фрунтова «Ларец Марии Медичи» — одна из любимых актрисой за новизну характера, обстоятельств действия, всей стилистики картины.

И каждая несет с собой такое волнение, такой страх, как будто лежит перед ней белый лист бумаги, на котором предстоит написать первое слово. Но сейчас эти чувства уже питаются из иных источников, чем в юности, когда это была неуверенность ученичества. Одно осталось навсегда: чем дальше, тем играть интереснее.

Теперь после первых шагов, после первых «примерок» роли к ней приходит видение того характера, который она сыграет, чувство внутреннего с ним родства, убежденность в правоте своей логики, органичная, естественная закономерность тех поступков и действий, чувств и интонаций ее героини, которые кому-то со стороны покажутся неожиданной находкой, наитием.

В картине Р. Фрунтова «Тревожное воскресенье» Клара Лучко играет роль социально-трагическую. Она председатель исполкома приморского города, у причала которого горит иностранный танкер. Чрезвычайное происшествие грозит всем огромными жертвами, и от нее, человека, облеченного доверием людей, зависит их безопасность. Эвакуация населения, спасение самого города от огненного шквала требуют от председателя горисполкома максимального душевного напряжения, воли, собранности, полной поглощенности делом. И она действует. Спокойно, собранно, четко и смело. Но никто из окружающих не знает, что в зоне огня — ее сын. Она не хочет, чтобы об этом знали. Страшную боль, муку мы читаем только в ее глазах.

Лишь потом, когда город спасен, а сын, оказывается, остался жив, на нас обрушивается тот шквал чувств, который бушевал в душе матери, простой русской женщины, открытой и в радости и в горе. Эта роль написана специально для Клары Лучко. Она играет самозабвенно и страстно, импровизируя, переступая рамки сценария там, где этого требует правда характера, правда искусства. И режиссер идет актрисе навстречу, ищет и радуется вместе с ней. Если рождается такой союз, он одинаково дорог и актрисе и режиссеру.

Далеко не всякая популярность, слава равнозначны доброму имени. У Клары Лучко имя действительно доброе. Ей аплодировали в Индии и во Франции, в Чехословакии и Англии, на Международных кинофестивалях в Каннах, Венеции и Эдинбурге; ее знают многие тысячи людей во всей нашей стране, с которыми она встречается в своих частых поездках. Из этих встреч люди выносят глубокое убеждение в том, что она и в действительности такой же добрый, открытый, любящий людей, безотказный человек, каковы ее героини. Они обращаются к ней за советом, за помощью, и есть на земле немало тех, кто ощутил ее поддержку в трудную минуту своей жизни.

Доброта не мешает Кларе Лучко быть твердым, бескомпромиссным, требовательным к себе и другим коммунистом. Шесть лет она была членом парткома киностудии «Мосфильм», дважды избиралась депутатом Моссовета, сейчас кандидат в члены Гагаринского райкома партии. Партийная работа, конкретная помощь людям, отстаивание своих принципов — для нее не теория, не сценарный материал, а живая практика жизни.

Искусство не терпит людей самоуспокоенных. Если актер всем пресытился, если он перестает удивляться, хотеть перемен, верить в чудо, радоваться удачам своих товарищей, если он видит в окружающих только своих должников и завистников — он кончился. Никакие прежние победы его не спасут от краха. Для нее эта истина бесспорна. Потому что за немалую жизнь в кино, а сыграно больше сорока ролей, видела, как пропадают хорошие актеры, разучившиеся анализировать свои неудачи, живущие с мыслью, что им чего-то недодали, обошли славой и привилегиями.

Она имеет право на эту убежденность потому, что не мелочится, не ищет дешевого успеха, считая залогом всех благ и радостей жизни постоянное, верное служение любимому делу, жизнь по такому профессионально-нравственному кодексу, когда и съемки во время болезни, и отказ от броской, но однослойной роли — это не подвиг. Просто по-другому нельзя.

Народная артистка РСФСР
Клара Лучко.
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

БОЕВОЕ ЗНАМЯ «НОРМАНДИИ»

Михаил ШИРЯМОВ

К телефонному аппарату пригласили майора Тюляна.

— Говорят из штаба бригады. Завтра торжественное построение «Нормандии». Подготовьте личный состав.

— Где будет построение?

— В Доме Красной Армии.

Командир «нормандцев» Жан Луи Тюлян уже знал, что в 6-ю запасную авиационную бригаду поступил приказ командующего ВВС Красной Армии от 4 декабря 1942 года о включении эскадрильи «Нормандия» в состав советских Военно-Воздушных Сил. Значит, построение будет по этому поводу.

Насчет одежды беспокоиться нечего: полмесяца назад в Тегеране каждому выдали полный комплект новой униформы военно-воздушных сил «Свободной Франции». Заботами жены французского посла в СССР мадам Катру всех обеспечили набором самых необходимых в дороге мелочей: бритвенным прибором, одежной щеткой, иголками, нитками и даже лосьоном. Словом, надо только проследить, чтобы люди имели безупречный внешний вид, не оплошали при первом построении. Командира беспокоило другое — подготовка знамени.

...В ту пору движение «Свободная Франция» (впоследствии «Сражающаяся Франция»), возглавляемое генералом де Голлем, только приступило к формированию своих воинских частей. О знаменах для них еще не думали. Не имела своего знамени и «Нормандия».

Весной 1942 года в Лондон, где находился Национальный комитет «Свободной Франции», с ливанской авиабазы Раяк были вызваны самые опытные летчики — Жан Луи Тюлян, Жозе Пуликэн и Альбер Литтольф. На обратном пути они задержались в Каире, в штабе французских ВВС, подчиненных де Голлю.

На знаменитом каирском «золотом базаре» в крохотной мастерской золотошвейки изготовили для них двухстороннее атласное золотисто-зеленое полотнище размером 75 × 100 сантиметров. На лицевой стороне вышили герб французской провинции — щит с двумя львами, а на другой — черной вязью ее название: «Нормандия». Левый край полотнища оторочили полоской темной мягкой кожи с четырьмя ремешками для крепления к древку. Остальные края обшили золотой бахромой. Черный цвет — это скорбь по родной, поруганной земле. Зеленый — цвет надежды. Тюлян бережно уложил бесценное полотнище на дно дорожного саквояжа. Трое друзей договорились никому до поры до времени о знамени не говорить.

Ранним утром 28 ноября 1942 года четырнадцать французских летчиков поднялись на борт советского самолета ЛИ-2. Самолет набрал высоту и, очертив прощальный круг над иранской столицей, взял курс на север. Показался Каспий — спокойный и голубой. Пересекли ирано-советскую границу. Все приникли к иллюминаторам, любуясь живописным берегом, безмятежной гладью воды. Тюлян открыл замки саквояжа.

— Раяки! — громко окликнул он товарищей. Именно так привыкли они называть друг друга на земле и в воздухе.— Братья мои, раяки! — повторил он.— Смотрите! Под этим знаменем мы начнем против бошей нашу первую военную кампанию в России!

В пассажирском салоне становилось все холоднее. Плотный иней покрыл внутреннюю обшивку фюзеляжа. Пассажиров, привыкших к иному климату, не спасали ни шутки, ни дружеские улыбки — у них зуб на зуб не попадал. В тот же вечер «нормандцам» выдали шапки-ушанки, меховые куртки, брюки и теплые унты.

«Нормандцы» начали обживаться на новом месте, усиленно изучали советский истребитель Як-1. В суматохе все как-то забыли о знамени. Конечно, древко и навершие к нему приспособить можно. Однако как это будет выглядеть в сочетании с нестандартным, уменьшенного размера полотнищем? Советский летчик посоветовал:

— Попробуйте прикрепить к винтовке.

Принесли русскую трехлинейку и к ее вороненому штыку притянули ремешками полотнище. Тюлян вскинул винтовку на плечо и прошел перед товарищами четким строевым шагом. Развернутое полотнище поплыло над головами «нормандцев».

— Смирно! — приглушенным от волнения голосом скомандовал капитан Литтольф, заместитель командира эскадрильи.

...В марте 1943 года эскадрилья перебазировалась на один из прифронтовых аэродромов и начала боевые вылеты, сопровождая пикирующие бомбардировщики. Здесь «Нормандия» открыла свой боевой счет и понесла первые потери. Месяц спустя она вошла в состав 303-й истребительной авиадивизии, которой командовал Герой Советского Союза генерал-майор авиации Г. Н. Захаров. Вскоре «Нормандия», ряды которой непрерывно пополнялись вновь прибывшими французскими пилотами, была преобразована в полк, получивший в 1944 году почетное наименование «Неманский» — за активное участие в боевых действиях по освобождению Литовской ССР. К концу войны на боевом счету полка «Нормандия — Неман» было 273 сбитых и 80 поврежденных самолетов противника.

Последние построения под боевым стягом были особенно волнующими. 14 июня 1945 года пилоты «Нормандия — Неман» на авиабазе Эльбинг прощались со своими боевыми побратимами — летчиками 303-й авиационной дивизии. Французы возвращались домой на советских истребителях Як-3, подаренных Советским правительством.

По пути было несколько приземлений. И, наконец, вечером 20 июня — посадка на аэродроме Бурже. Толпы встречающих, всеобщее ликование и последнее торжественное построение всего боевого состава «Нормандия — Неман» под ее овеянным славой легендарным знаменем.

А через месяц на плацу парижского Дома инвалидов министр авиации первого послевоенного правительства де Голля вручил командиру полка «Нормандия — Неман» подполковнику Луи Дельфино трехцветное воинское знамя французских ВВС. А старое, боевое знамя заняло почетное место в Музее Освобождения, Сопротивления и Депортации, размещенном в залах Дома инвалидов.

Перед сдачей в музей на вечное хранение было решено сфотографировать знамя, разместив на нем французские награды полка и советские ордена и медали, которыми отмечен полк и его воины.

В послевоенные годы ветераны 303-й авиационной дивизии и полка «Нормандия — Неман» не теряют дружеских связей, обмениваются делегациями, поддерживают теплую переписку. Генерал Г. Н. Захаров является вице-президентом общества «СССР — Франция». В Париже вице-президентом общества «Франция — СССР» избран генерал Гастон де Сен-Марсо, бывший пилот прославленного полка. Ассоциацию ветеранов полка «Нормандия — Неман» возглавляет Герой Советского Союза Ролан де ля Пуап.

Встречаясь, ветераны вспоминают подвиги «нормандцев» и, конечно же, историю своего боевого знамени.

ПЕРВЕНЕЦ РУССКОЙ ПЕРИОДИКИ

До начала восемнадцатого века в России существовал обычай переписывать новости из заграничных газет. До нас дошли рукописные известия, датированные еще 1621 годом. Что же можно было прочитать в тех писаниях? Ну, во-первых, о приемах послов и государственных договорах. Много места отводилось боевым сражениям, захвату городов. Сообщалось еще о прибытии кораблей с товарами, появлении различных небесных тел... Источниками информации служили польские, шведские, немецкие и голландские газеты. Их внимательно прочитывали дьяки и подьячие в Посольском приказе. Потом они же выбирали из всего прочитанного самые «нужные» известия и, переведя их на русский язык, заносили на узкие и длинные листы бумаги — «столбцы». Вот так и составлялись «Куранты», или, как их еще называли, «Вестовые письма».

При Петре I увидела свет первая русская печатная газета — «Ведомости», ставшая официальным правительственным органом. Петр, как известно, всегда сам лично «штудировал» зарубежные газеты и не нуждался в том, чтобы духовные лица «сколачивали» для него иностранные известия. Ему нужна была собственная печатная газета, которая держала бы определенные круги читателей в курсе правительственной политики, могла информировать о ходе военных действий, рассказывать о новостях жизни.

15 декабря 1702 года он подписал указ о печатании «Ведомостей» для «извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях» всех русских людей. Газета поступила в открытую продажу «по надлежащей цене». Начальнику Монастырского приказа И. А. Мусину-Пушкину было повелено собранные со всех приказов сведения немедля отправлять на Печатный двор. 16 декабря этот указ был напечатан. Буквально следом вышел первенец русской периодики — газета «Ведомости».

К сожалению, этот номер в печатном виде не сохранился. И все-таки номер «Ведомостей» известен нам по рукописным копиям. Спустя десять дней выходит второй номер газеты под особым названием: «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебурхом чинилось сентября с 26 числа в 1702 году».

До 1711 года «Ведомости» печатались в Москве на Печатном дворе, затем попеременно в Москве и Петербурге. Название газеты варьировалось: «Ведомости», «Ведомости московские». Однажды название газеты состояло из 19 слов... Периодичность и тираж издания также не были постоянными: ежегодно выходило от одного до семидесяти номеров тиражом от нескольких десятков до четырех тысяч. Номер газеты стоил от одной до четырех денег.

Автором многих корреспонденций был сам Петр. Особенно интересно описание Полтавской битвы, напечатанное в номере 11 за 1709 год, где Петр отмечает храбрость русских солдат, позволившую разгромить опасного врага «малою войск наших кровью».

Первым директором-редактором «Ведомостей» был литературно образованный человек, писавший стихи,— Федор Поликарпов. Он добывал материалы, следил за расположением заметок в номере, вел корректуру.

Александр ЛОНГИНОВ

СПАСЕННЫЙ АРХИВ

Недавно издательство «Наука» выпустило в знаменитой серии «Литературные памятники» хорошо подготовленный и прокомментированный Л. К. Долгополовым роман А. Белого «Петербург», книгу, сразу же ставшую библиографической редкостью. Для этого издания, многих публикаций и для изучения русской литературы начала XX века имеет существенное значение находка документов, о которой рассказывает на нескольких страницах воспоминаний Д. Е. Максимов. Видный советский литературовед, Дмитрий Евгеньевич Максимов долгие и порой очень нелегкие годы отдал изучению важного периода русской литературы — литературы рубежа двух веков, русского символизма. Его наполненные энергией истинной культуры книги и статьи известны не только в нашей стране, а и в различных странах мира, в университетах которых изучают русскую и советскую литературу. Но среди многих трудов профессора Д. Е. Максимова не будет забыт жизненный эпизод, благодаря которому был спасен настоящий клад драгоценных документов русской культуры — архив литературоведа и критика Р. В. Иванова-Разумника, обнаруженный автором воспоминаний в разрушенном фашистами городе Пушкине (бывшем Царском Селе).

**Д. Е. МАКСИМОВ,
доктор
филологических
наук,
профессор**

Это произошло в августе 1944 года теплым летним утром. Я был тогда докторантом Института литературы — Пушкинского Дома. Институт, а вместе с ним и я только что вернулся из казанской эвакуации в освобожденный от блокады Ленинград. Однажды вскоре после нашего возвращения меня попросили съездить в Царское Село по каким-то делам, связанным с подготовкой к восстановлению царскосельского пушкинского комплекса. Со мною вместе поехала юная сотрудница института Ляля Ганзен (теперь, конечно, Людмила Львовна). Мы были снабжены необходимыми тогда пропусками и по налаженной уже, до мелочей знакомой мне железной дороге доехали до станции, которая сохранила отмененное название города — Детское село.

Царское — моя родина, уголок земли, в котором я провел первые десять лет своей жизни, — в то время представляло собою страшное зрелище. Уютный когда-то, благоустроенный, зеленый, такой памятный мне город лежал в развалинах. Уцелевших зданий почти не осталось. До боли знакомые, исхоженные мною вдоль и поперек, когда-то живые, а теперь полупустые, обезображенные улицы было трудно узнать. Каменные дома превратились в безжизненные сквозные остовы, с пустыми окнами, с продырявленными снарядами, почерневшими стенами. Рядом с ними среди обугленных бревен и золы высоко вздымались одинокие печные трубы сгоревших деревянных зданий. Поредевшие парковые деревья едва прикрывали простреленный, черный от пожара, с провалившейся крышей, ограбленный немцами Екатерининский дворец.

Выполнив несложное поручение в парковой части города (кажется, в лицее), я решил взглянуть перед отъездом в Ленинград на дом, в котором жил когда-то Р. В. Иванов-Разумник.

С Разумником Васильевичем мне приходилось много раз встречаться во второй половине 20-х и 30-х годов. К нему в свое время направил меня мой старший брат — В. Е. Евгеньев-Максимов, хорошо знакомый с ним как бывший житель Царского Села и историк литературы.

Я бывал у Разумника Васильевича сперва на его основной, долгие годы занимаемой им квартире на Колпинской (ныне Пушкинской) улице в доме № 20, а позже, после его вынужденного обстоятельствами переселения, — недалеко от Египетских ворот, в Ляминском переулке, в месте окраинном, малоизвестном даже потомственным царскоселам. Здесь он жил в маленьком, невзрачном трехкомнатном флигеле, бывшей дворницкой и прачечной при доме, который некогда принадлежал видному литературоведу и профессору В. В. Сиповскому.

В рабочей комнате Иванова-Разумника среди книг и рукописей я провел немало интересных и полезных для меня часов. Помню его сидящим на своем привычном месте за письменным столом, в тюбетейке, в пенсне, с неизменно дымящейся трубкой. Помню дружелюбные взгляды его близоруких глаз, бодрый, заинтересованный тон его разговора с быстрыми, нередко ироническими репликами. Он помогал мне в моей работе по изучению символизма: не жалея времени, делился своими знаниями, извлеченными из кладовых его несравненной, исключительно точной памяти, давал дельные и конкретные советы, спорил со мною, похваливал и деликатно поругивал мои труды. Он познакомил меня с людьми, нужными мне по ходу моей работы и глубоко интересовавшими меня независимо от работы, — со своим близким другом Андреем Белым, с Евгением Павловичем Ивановым, с Ольгой Николаевной Черносвитовой-Чеботаревской (свояченица и наследница Ф. Сологуба), с К. Петровым-Водкиным, с бывшим секретарем Вольной философской ассоциации Д. М. Пинесом.

Особенно запомнилась встреча с Разумником Васильевичем в 1941 году, через несколько дней после объявления войны. Врезались в память его слова, сказанные на прощание — последние, которые мне пришлось от него слышать: «Не знаю, выживем ли мы, а Гитлер в этой войне непременно сломает себе шею!»

...И вот я и моя спутница дошли по бывшей Церковной улице (она же Пролетарская) до Октябрьского бульвара. Этот бульвар, по-видимому, служил немцам одной из крайних линий обороны: его главная аллея была обведена проволочными заграждениями и заминирована. «Atencion — minas» предупреждали сохранившиеся кое-где, прикрепленные к деревьям испанские надписи. (В Царском Селе во время оккупации находилась испанская «Голубая дивизия».)

Оставив в стороне минные поля, мы не без опасения подошли к знакомому мне домику. Он был изуродован и необитаем. Стены и крыша его сохранились, но ни рам, ни дверей, ни пола не было. От скромной обжитой мебели, книжных шкафов и очень большой библиотеки Разумника Васильевича не осталось и следа. Все свидетельствовало о беспощадном и насильственном разорении. Оккупанты совершили свое черное дело. Позже я узнал, что библиотека Иванова-Разумника была разгромлена (вывезена?) немцами, а он сам с женой, Варварой Николаевной, заключен: сперва (вместе с другими согражданами) за колючую проволоку в Гатчину и затем в один из лагерей в Восточной Пруссии.

В домике Разумника Васильевича, в пустой комнате, на голой земле, иначе говоря, на том месте, где должен был быть пол, лежала огромная бесформенная груда бумаг, набросанных в полном беспорядке, как на свалке, спутанных и запачканных. Я нагнулся, поднял первый попавшийся листок и увидел письмо, сразу приковавшее мое внимание, написанное стройным, пластичным, упругим, свободно льющимся, незабываемым почерком, который безошибочно предопределял подпись: Александр Блок. И эта подпись действительно на нем стояла. Я нагнулся еще раз, снова знакомый почерк, но совсем другой: нервный, неровный, со строчками, загибающимися книзу, — Андрей Белый — рукописные страницы романа «Петербург». И еще взгляд, уже с колен, теперь уже полный волнения: протоколы Вольной философской ассоциации и рядом — гигантские россыпи машинописных копий писем Белого к Разумнику Васильевичу. И еще и еще, много, много подобного.

Не оставалось сомнений: у моих ног лежало сокровище, и над ним нависала опасность гибели.

В самом деле, пока, становясь на корточки и ползая, мы рассматривали громоздящиеся на земле драгоценные бумаги, в дверном проеме появились двое с большой бельевой корзиной в руках. Это были «местные жители» — то ли уцелевшие от войны царскоселы-аборигены, то ли приезжие поселенцы. Они пришли сюда с явным намерением воспользоваться бумажными залежами для подтопки своих домашних очагов. Впрочем, опасность миновала. Я разъяснил пришедшим ситуацию, и они, как будто поняв меня и, может быть, устыдившись, мирно удалились.

Дальнейшие события развернулись быстро. В Пушкинском Доме, куда я в тот же день поспешил приехать рассказать о находке, сразу оценили ее значение. Но доставка найденного клада оказалась делом сложным: раздобыть грузовик для перевозки драгоценного груза в Ленинград не сумели. Нам, немногочисленным в то время пушкинодомцам, пришлось перетаскивать найденное на собственных спинах, в мешках. Пушкинский Дом едва ли не прекратил свою работу на два или на три дня, пока его сотрудники ездили в Царское. Вспоминаю хорошо знакомые лица участников этих экспедиций, стоящих с мешками и без мешков на оголенной платформе полуразрушенного вокзала в Царском.

В Пушкинском Доме, занятом налаживанием нормального научного режима и в целом относящемся к литературе начала XX века более чем сдержанно, не спешили с разборкой доставленных материалов. Они лежали в своем первобытном виде немалое число лет. Но пришло время, когда они были наконец очищены от грязи, разобраны, обработаны. Многое из архива Иванова-Разумника оказалось погибшим безвозвратно, многие подборки дошли до нас в неполном виде, с пробелами, утраченными страницами. Но приходится радоваться и тому, что не все пропало, особенно тому, что сохранился драгоценный для историков литературы, уникальный автограф романа Андрея Белого «Петербург». Рукописное отделение Пушкинского Дома пополнилось ценностями, которые уже привлекают внимание литературоведов и, конечно, будут широко использованы в нашей науке о литературе. Материалы из архива Р. В. Иванова-Разумника ныне уже цитируются и публикуются.

Но владелец этих, казалось бы, обреченных на гибель рукописей Р. В. Иванов-Разумник, скончавшийся за границей в 1946 году, по-видимому, так и не узнал, что собранные им за долгие годы литературные ценности в какой-то их части были спасены и хранятся в надежном месте.

Ленинград.

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фарисеи

«НЕТ, НЕ ТЫ ПОБЕДИШЬ, РАЗРУШИТЕЛЬ!»

Если иные сионистские фарисеи из «не столь радикальных» готовы деланно поморщиться, узнав об очередном военном преступлении израильтян, и отваживаются даже обронить словечко о том, что Бегин несколько «перегибает» и чересчур откровенно следует гитлеровским методам геноцида,— все это заведомая игра, заранее продуманная инсценировка.

Ливанская бойня и все последующие провокационные и карательные акции сионизма на палестинских и ливанских землях окончательно обнажили фашистскую сущность намерений бегиновской клики, заботливо поддерживаемой вашингтонскими покровителями. Дошло до того, что многие сионистские лидеры, горько сетуя на упорное стремление израильской молодежи любым способом — вплоть до повального бегства из страны — уклониться от военной службы на оккупированных территориях, уже поговаривают о наемниках — псах войны, готовых за определенную мзду истреблять кого угодно, как угодно, где угодно. Прямые и косвенные упоминания о необходимости укрепить израильскую армию наемниками я встречаю на страницах наиболее реакционных сионистских газет, причем не только израильских. Для этого сионизму нужны новые и новые денежные средства.

Вот почему сионистская пропаганда исступленно призывает израильское население проявить «верность общееврейскому делу» и примириться с непомерно растущей дороговизной, со стремительно скачущей инфляцией, с недостатком жилищ, с сокращением числа рабочих мест.

Во имя чего? Во имя дальнейшего роста вооружений, значительного увеличения количественного состава израильской армии и превращения новых арабских территорий в полигоны для испытания на мирных жителях новейших образцов американского оружия. Словом, печально знакомая вариация давнего лозунга милитаристов «Пушки вместо масла!». И не только вместо масла, но и вместо школ, вместо больниц, вместо пенсий, сокращенный размер которых окончательно заставит больных стариков перешагнуть за роковую черту официально признанного уровня нищеты.

Подсчитывая колоссальные средства, затраченные на бойню в Ливане, сообщая о демонстрациях протеста жен военнослужащих против растущих цен на товары первой необходимости, признавая рост налогов и экономический крах разоряемой беспрерывными войнами страны, израильская пропаганда тем не менее требует от Сохнута и прочих сионистских служб продолжать и расширять заманивание «на историческую родину» новых жертв из числа граждан социалистических стран.

Что ждет их в перманентно воюющем Израиле, где, по точному определению товарища Меира Вильнера, «возник настоящий моральный и политический кризис», где значительная часть населения утратила веру в правильность политики своего правительства, где ежедневно растет число бегущих из страны жителей, в том числе и коренных? На этот вопрос можно было бы красноречиво и убедительно ответить горестными письмами и слезными жалобами тысяч обманутых сионистской пропагандой бывших граждан социалистических стран. Такие письма пишут своим родным и близким старики и дети, мужчины и женщины, водители и врачи, инженеры и учителя.

Я же отвечу выдержками из статьи сионистского журналиста Г. Гродника, опубликованной тель-авивской газетой «Наша страна» 25 июля 1982 года. Статьи торжественной, помпезной, посвященной придуманному «столетию» алии из России и Советского Союза. Даже в такой юбилейной, полной высосанных из пальца оптимистических цифр статье проскальзывают вынужденные признания и сетования: «В сущности, трудоустройством олим никто не занимается. Каждый заботится о себе и различными путями, при содействии родственников и знакомых тщетно ищет работу. Работу не по специальности удается иногда получить там, где нельзя получить квартиру... До сих пор действуют правила, что при любом сокращении штатов в первую очередь страдают новые олим... Даже естественное стремление работать по специальности, жить недалеко от места работы или желание престарелых родителей жить вблизи от своих детей считается почему-то непатриотическим поведением. Многие олим жалуются на то, что они не чувствуют себя в Израиле как дома, не чувствуют, что они нужны».

И это вынуждена признать сионистская газета, признать в напряженнейшие дни войны, когда особенно свирепствует военная цензура. И это пишет прожженный сионист, готовый на любые фарисейские провокации, только бы заманить новые жертвы на «историческую родину», где с первых же дней новоприбывший оказывается на горькой чужбине, в стране, непрестанно охваченной истерией.

Очередная вспышка такой перманентной истерии — захват суверенной ливанской земли и творимый там нацистский геноцид — не только пригвоздила сионизм к позорному столбу, но и обернулась, как справедливо отмечают израильские коммунисты, бумерангом против самого Израиля, против его американских покровителей. Израильское вторжение в Ливан в пух и прах развеяло миф о «непобедимости» сионистской военщины. Ей не удалось запланированное Бегином, Шароном и иже с ними уничтожение Палестинского движения сопротивления. Не удался «блицкриг военного оркестра».

Мир всегда знал палестинцев многострадальных, но непокоренных. Мир всегда знал палестинцев угнетенных, но борющихся. Теперь мир с особенной очевидностью узнал палестинцев мужественных и благородных.

Бойцы Палестинского сопротивления много недель подряд мужественно обороняли осажденный израильской военщиной Западный Бейрут, обороняли, не располагая авиацией и танками, в то время как Пентагон с избытком оснастил израильских интервентов стаями новейших самолетов и армадами усовершенствованных танков. Бойцы Палестинского сопротивления проявили подлинное благородство и гуманизм, покинув пылающую ливанскую столицу во имя спасения мирного населения.

Матери и жены погибших в Ливане израильских интервентов имеют все основания с ненавистью вспоминать циничную шуточку, имевшую хождение в милитаристско-шовинистических кругах страны: если для настоящих войн с арабами требуется армия, то против сил Палестинского сопротивления достаточно двинуть военные оркестры. А в действительности израильским военным оркестрам пришлось играть не победные, а траурные марши, когда на кладбищах опускали в землю доставленные из Ливана гробы. Сионистская пресса вынуждена признать, что таких людских потерь Израиль не знал ни в одной из предыдущих войн против арабов. И зачастую прямо со свежих могил женщины в траурных платьях идут в колоннах демонстрантов к резиденции Бегина требовать прекращения военного террора на захваченной ливанской земле.

Вместе с ними свой протест против фашистской войны выражают и некоторые военнослужащие, не желающие по приказу Шарона убивать беззащитных стариков, женщин, детей. Движение протеста до того встревожило военные власти, что они не решились предать суду офицеров, отказавшихся по примеру полковника Эли Гева продолжать участие в терроре и геноциде.

Пригласив полковника для беседы с глазу на глаз, Бегин, вероятно, не сомневался, что «строптивый» будет укрощен. Однако увещевания тель-авивского фюрера не помогли: Гев не поступился своей совестью!

Израильским карателям, обратившим огромную часть цветущей ливанской земли в груду развалин и похоронившим под этими развалинами десятки тысяч жертв, бойцы Палестинского сопротивления могут сказать правдивыми словами замечательного советского литовского поэта Эдуардаса Межелайтиса:

«Нет, не ты победишь, разрушитель!»

Испытанные друзья героического народа Палестины, советские люди верят, что доблестные бойцы Палестинского сопротивления с новыми силами продолжат защиту живого дела живого народа. В тяжкие дни тотальной израильской агрессии, в дни неравных боев с вооруженными до зубов сионистскими ин-

---

Окончание. Начало см. «Огонек» №№ 40—44, 46.

терβентами они приобрели много новых друзей на всех континентах.

Словами своего поэта-коммуниста Салема Джебрана, чьей впечатляющей строкой я начал эти документальные очерки, каждый палестинец может сказать, что «грядущее родины живет в ее корнях», что

Если паду я в битве,
То песнь моя встанет в строй
И вместо меня, убитого,
Пойдет и продолжит бой!

ИМ НУЖЕН «НОВЫЙ ПОРЯДОК»

Израильское командование упорно не выводит свои полчища из Ливана. Обещаний было дано несметное количество, выполнение большинства из них гарантировал Вашингтон. Но мир давно знает цену этим «гарантиям». Истребляя палестинцев и захватывая арабские земли, Израиль неукоснительно выполняет планы американских империалистов. Премьер-террорист подбрасывает в Ливан все новые и новые войсковые части и не прекращает творить геноцид. Кровавое для палестинцев лето сменила кровавая осень. Сионисты, очевидно, планируют и кровавую зиму.

Никакой неожиданности для Пентагона создавшееся положение действительно не представляет. Оно было заранее оговорено между Шароном и Уайнбергером. Израильская пропаганда внутри страны даже не скрывает намерений милитаристского правительства оставить свои войска в Ливане и продолжать всяческие облавы, погромы, прочесывания. Не случайно Шарон цинично намекнул израильскому населению по телевидению: «Всякое бывает. Разве кто-то предполагал, что нам придется оккупировать Синай целых 15 лет». Услышав это откровение министра смерти, родственники находящихся в действующей армии военнослужащих со вздохом говорили: «Не значит ли это, что нашим войскам предстоит оставаться в Ливане целых 15 лет?» А сразу же после ухода бойцов Палестинского сопротивления из Бейрута близкий к правительственным кругам тель-авивский журналист Э. Хабер, прямо поддерживая дальнейшее развертывание интервенции, гнусно сострил: «До сих пор мы смотрели лишь киножурнал, а сам фильм еще не начинался».

И вскоре была продемонстрирована наиболее трагическая часть «фильма» совместного израильско-американского производства: по гитлеровскому образцу израильская военщина поставила Сабру и Шатилу в один скорбный ряд с Лидице, Орадуром, Треблинкой, Бабьим Яром. Немало корреспонденций очевидцев и фотоснимков, доказывающих такую печальную аналогию, было, читатели знают, опубликовано и в «Огоньке».

«Если бы не поддержка Вашингтона, Израиль не решился бы на подобные зверства,— отмечалось в Заявлении ТАСС.— Это по сути дела плоды стратегического сотрудничества между США и Израилем...» Помимо геноцида в отношении палестинцев, такое сотрудничество приводит к неприкрытым попыткам установить «новый порядок» на землях, где орудуют интервенты.

Еще в самый разгар ливанской бойни, когда бойцы Палестинского сопротивления наглядно показали израильской военщине, что бегиновский блицкриг не состоится и агрессор дорогой ценой заплатит за захват и разорение ливанской земли, сионистские правители Израиля уже открыто обсуждали зловещие детали «нового порядка» на оккупированных землях.

«Новый порядок? А почему бы и нет!» — так беззастенчиво озаглавил свою статью сионистский публицист Эфраим Гордон.

«Не только на Западе, но и у нас в Израиле кое-кто приходит в ужас от того, что у нас обсуждается, в том числе на высшем уровне, вопрос о «новом порядке» в Ливане»,— искренне удивляется Гордон. На высшем уровне! И, чтобы у читателей не осталось сомнений, что имеется в виду «новый порядок» в стопроцентном гитлеровском понимании, сионистский борзописец берет быка за рога: «Да, нацисты установили «новый порядок» в Европе: протекторат Богемия и Моравия, генерал-губернаторство с центром в Кракове, марионеточные государства — Хорватия и Словакия...».

Многоточие принадлежит автору — не думайте, читатель, что я обрываю фашистские подстрекательства автора. Нет, я цитирую тель-авивскую «Нашу страну» дословно — не так, как она, да и «Джерузалем пост», «Джуиш кроникл» и другие сионистские газеты «цитировали» мои очерки в «Огоньке» и книги «Дикая полынь» и «Темная завеса», основательно «подправляя» меня.

«Подражая антисемитам на Западе (речь идет не о подлинных антисемитах, оскверняющих еврейские кладбища и избивающих еврейских детей, а о тех, кто по-человечески возмущен фашистскими зверствами израильской военщины.— **Ц. С.**), некоторые евреи-мазохисты, в том числе и у нас в Израиле, начинают обвинять Цахал в геноциде, сравнивать гражданское население Тира и Сайды с обитателями Варшавского гетто и так далее и тому подобное. И стоило появиться на страницах израильской прессы термину «новый порядок», как сразу у этих людей стали возникать ассоциации с гитлеровским рейхом».

Нет, господин бегиновский бард, ассоциации с гитлеровским рейхом возникли гораздо раньше! Ведь трупные понятия «гетто», «депортация в концлагеря», «завоевание жизненного пространства» и даже «геноцид» были эксгумированы кликой тель-авивского фюрера еще в карательных расправах на Западном берегу Иордана, в секторе Газа, в восточном Иерусалиме. По примеру некоторых французских газет бегиновский порядок неспроста стали именовать и в других странах Западной Европы «пакс гебраика», подчеркивая его аналогию с приснопамятным «пакс романа». Хотя последнее буквально означает «римский мир», но, по существу, под этими словами всегда подразумевали имперский порядок, установленный правителями Римской империи на захваченных ими чужих землях. В недели ливанской бойни многие западные публицисты к «пакс гебраика» с полным правом приплюсовывали «пакс американа».

Верно! Разве можно умалять роль Пентагона в тотальном истреблении палестинцев и ливанцев на захваченных арабских землях!

Эту роль иногда пытались и пытаются принизить... израильские сионисты. То ли хочется им таким способом подогреть миф о «непобедимости» собственной военщины, то ли это предусмотрено разработанным Рейганом и Бегином сценарием, по которому взаимоотношения Вашингтона и Тель-Авива строятся по принципу «милые бранятся, только тешатся». Но когда в первые дни войны Хейг проболтался о неразрывном военном израильско-американском альянсе, «Джерузалем пост» поспешила внушительно напомнить тогдашнему госсекретарю, что не стоило, дескать, ему «ляпать»: «Мы потеряли в последний день на ливанском фронте только один самолет и один вертолет и, говорят, еще один вертолет сбит». Мы! Как видите, потери израильской авиации Хейг признавал американскими!

Не знаю, правда, получил ли взбучку за аналогичный ляпсус Бегин. Он разболтал, что некоторые израильские военачальники накануне массированного нападения на Ливан прошли специальную подготовку в США, разумеется, не в привилегированных колледжах для богатых шалопаев, а на секретных полигонах Пентагона. Узнав, например, что осколком палестинского снаряда убит генерал Иекутиэль Адам, сам господин Бегин, по сообщению израильского агентства ИТИМ, так разоткровенничался: «А я был уверен, что он еще находится на учебе в США. Я ведь собирался назначить его начальником Моссада».

Рейган, впрочем, разрешает Бегину пофорсить, даже поиграть, как говорится, на равных. И снисходительно выслушивает такие, к примеру, заявления Бегина: «Мы готовы поделиться с американскими друзьями военными знаниями и опытом, в частности в области борьбы с зенитными ракетами, самолетами и танками». Именно так высказался он в Нью-Йорке (перед встречей с Рейганом в Вашингтоне нужно ведь поднакачать лоббистов!) на заседании комитета президентов еврейских организаций США и Магбита, ведающего распределением средств из сионистской кассы между отдельными центрами международного сионизма. Что ж, ежели израильская военщина творила зверства в Ливане «из материала вашингтонского поставщика», она обязана поделиться со снабдившим ее смертоносным «материалом» поставщиком новейшим опытом геноцида.

Позволяет себе «суровые» предостережения американцам и Шарон, если порой ему начинает казаться, что лидерам американского сионизма плюс лобби «не справиться» с администрацией США. «Мы не будем делиться военным опытом с США, если задержатся поставки оружия» — так грозно озаглавлено одно из интервью министра смерти агентству ИТИМ. Да, закружилась голова у главного бегиновского соратника.

И не только у него. Влиятельный сионистский лоббист в рядах республиканской партии Розенбаум, его единомышленник Сигел и другие их коллеги-раввины еще раньше сочли, что израильтяне для американцев — «идеальный образец» для подражания. Словом, была выдвинута очередная «теория», на которые столь падки сионисты, теория, выглядящая в сатирической трактовке итальянского журнала «Эспрессо» так: «Центром Вселенной является Израиль, вокруг которого как гигантский сателлит вращаются Соединенные Штаты».

В каждой шутке, принято считать, заключена доля правды. С этой точки зрения шутка итальянского журнала заключает в себе лишь малую долю правды. Но пусть порой брыкается Бегин, пусть иногда сионистским лоббистам приходится до седьмого пота трудиться на ниве управления вашингтонской администрацией, пусть изредка афишируются «разногласия» Тель-Авива с Вашингтоном, все равно израильский сионизм был и остается верным американским сателлитом и сообщником, был и остается покорным прислужником рейгановской администрации, был и остается исполнителем мерзкой роли ближневосточного жандарма американских империалистов.

Итак, ни сионистские заправилы Израиля, ни рейгановская команда не скрывают своего теснейшего милитаристского альянса, осуществившего резню мирных палестинцев и ливанцев, а ныне старательно насаждающего «новый порядок» на захваченной ливанской земле.

ЕЩЕ ОДИН ПАРТНЕР

Тель-Авив и Вашингтон ни единым словом, однако, не упоминают еще об одном своем партнере, активно участвующем в их гнусных военных преступлениях нацистского толка.

Как этот третий партнер организует и укрепляет антисоветские форпосты, я показал на примере охоты за молодыми антисоветскими кадрами в Западном Берлине. Впрочем, не чересчур ли скромно будет именовать международный сионизм всего лишь третьим партнером бегиновской клики и рейгановской администрации?

Ведь уже в продолжение нескольких десятилетий разветвленные по всем континентам явные и тайные центры сионизма в совокупности представляют собой ударный отряд мирового империализма. Достаточно напомнить их непрестанную провокационную пропаганду в бессовестных целях оправдания совместных усилий Израиля и США подчинить своим военным, экономическим и политическим планам весь Ближний Восток. Вот и сейчас, поддерживая милитаристские притязания Израиля на палестинские земли, международный сионизм не только материально помогает ему, но придумывает и пропагандирует бредовые «теоретические» концепции, только бы доказать, что палестинская национальность — понятие вымышленное, что палестинского народа... не существует. Израильских и западных евреев, осмеливающихся считать палестинцев народом Палестины, сионистские эмиссары объявляют не только, как у них принято, антипатриотами и антисемитами, но и «распространителями яда». Называют так со всеми вытекающими последствиями, то есть всячески преследуют их.

Международный сионизм горячо одобряет каждый шаг Бегина по следам Гитлера. В связи с этим стоит сделать короткий экскурс в поучительную своим беспредельным фарисейством историю гитлеризма.

Немецкий фашизм, вспомните, намеревался от «нового порядка» на оккупированных территориях перейти к установлению «мирового порядка», основой которого, как можно судить по фашистской библии «Майн кампф», провозглашалась война и только война. Геббельс сказал проще: «Вперед по могилам!» И сегодня, открыто стремясь расширить свою территорию в никому не ведомых «библейских границах», Израиль непрерывно развязывает войну за войной и кровавым путем тотального терроризма идет к намеченным границам (и даже дальше) действительно по могилам.

Еще один постыдный прием полностью роднит нынешний сионизм с нацизмом. В упоминавшемся уже труде П. Ю. Рахшмира «Происхождение фашизма» справедливо подчеркивается одна из наиболее рафинированных фарисейских примет нацистской тактики: «Сочетая проповедь геноцида с культивированием чувства превосходства «избранной расы», нацисты преследовали и важную социальную цель: принадлежность всех «истинных» немцев к «расе господ» снимала проблему социального неравенства. Расизм должен был, таким образом, создать иллюзию ликвидации классовых антагонизмов, а соучастие в геноциде — связать широкие слои населения круговой порукой с фашистскими палачами». Бегин полностью позаимствовал у фашистов и этот прием. Насаждая среди израильтян расовую теорию «единой еврейской нации», сионизм силится создать иллюзию устранения классового неравенства между евреем-рабочим и евреем-фабрикантом, бедняком и банкиром, безработным и чиновником. И опять-таки, подобно гитлеровцам, сионисты стараются привлечь побольше рядовых израильтян к непосредственному участию в уничтожении «чуждой расы», чтобы вместе с сионистскими главарями ответственность за геноцид легла на плечи всего еврейского населения Израиля. Налицо нацистский прием круговой поруки!

Многие западные историки небезосновательно подчеркивают: история Гитлера и немецкого фашизма — это, в сущности, история его **недооценки.** Чтобы такое не повторилось с Бегином и сионистским фашизмом, люди, будьте бдительны!

Вместе со всем советским народом, великим и единым народом нашей многонациональной Родины, безгранично верным бессмертному знамени социалистического интернационализма, советские граждане еврейской национальности вполне отдают себе отчет в том, что путь, которым идет бегиновская клика, угрожает миру и прогрессу, таит огромную опасность для всех людей еврейского происхождения. Советские евреи клеймят позором фашиствующих сионистов, гневно требуют обуздать их и бесповоротно прекратить творимый ими геноцид.

А как на Западе?

Как и в самом бурлящем ныне Израиле, тысячи и тысячи евреев в западных странах до глубины души возмущены разбоем израильской военщины в Ливане, участвуют в демонстрациях протеста против сионистского милитаризма, называют Бегина, Шарона и их сообщников убийцами. Но влияет ли это хоть в какой-то мере на лидеров сионистских организаций в тех же странах? Заставляет ли руководителей международного сионизма хоть сколько-нибудь пересмотреть свою неизменную политику полной и безоговорочной поддержки израильских карателей и интервентов? Отвечу несколькими конкретными фактами.

Сионисты США не только всячески противодействуют честному и непредвзятому расследованию геноцида в Бейруте, прежде всего в лагерях мирных палестинских беженцев Сабра и Шатила. Нет, не ограничиваясь этим и усиленными действиями своего лобби, главари тридцати крупнейших американских сионистских организаций (карликовые не удостоились такой «чести»!) опубликовали заявление с попыткой обелить израильское правительство и снять с него вину за прямое участие израильских военнослужащих в геноциде.

В самые критические для захваченного Западного Бейрута дни, когда многие французские евреи пришли к зданию израильского посольства в Париже с плакатами «Позор израильским солдатам, они убивают раненых и врачей!», барон Ален де Ротшильд, председатель совета еврейских (не верьте псевдониму — сионистских! — **Ц. С.**) организаций Франции, заявил на пресс-конференции: «Мы не можем изменить Израилю, независимо от способов защиты им (барон основательно усвоил фарисейское название израильских военных операций в Ливане — «Мир Галилее».— **Ц. С.**) своей безопасности». Ассистировавший на пресс-конференции Ротшильду пропагандист добавил: «И нечего преувеличивать тяжелое положение Ливана — в Алжире и Вьетнаме было больше жертв, чем в Ливане».

Массовые протесты французских евреев против геноцида особенно встревожили Бегина. И, чтобы отвлечь их внимание от зверств израильской военщины в Ливане, он прибегнул к такому трюку: предложил французским сионистам приступить к организации в Париже и других городах с еврейским населением отрядов национальной самообороны. Наиболее реакционные лидеры местных сионистов пытались подхватить эту — оскорбительную для французского народа и правительства — «идею», дабы психологически терроризировать евреев панической мыслью о необходимости обороняться во Франции от... палестинцев. Послушные тель-авивскому фюреру сионисты попытались увязать его предложение с пресловутой версией «двойного гражданства» и стали внушать еврейскому населению: «Французский еврей может вполне служить и Франции и Израилю — точно так же, как хороший ребенок послушен и матери и отцу». Но «хорошие дети» с возмущением отвергли и «отряды самообороны» и «двойное гражданство». Даже главный раввин Франции Рене Сира увидел в предложении Бегина «что-то кахановское». Номер, как говорится, не удался. И тогда сионистским пропагандистам пришлось срочно перекантоваться на сверхусиленное муссирование уже слышанной мною в Париже известной читателям провокационной версии о «родине про запас».

В Дании сионистов привели в ярость демонстрации протеста против ливанской бойни, успешно организованные новосозданным «Палестинским советом», они любыми способами добивались от властей ареста «наиболее интеллектуальных» активистов совета.

В те же дни лидеры сионизма в Бельгии Геллер и Берстендиг обратились к евреям с воззванием, подчеркивающим их «святую обязанность восстановить достоинство Израиля во всем мире» (то есть так или иначе оправдать разбой, учиненный Израилем на земле суверенного Ливана.— **Ц. С.**).

В Мексику, где сионистов встревожили широкие масштабы проведенного в стране Дня памяти невинных жертв израильских карателей, срочно прислали из Тель-Авива главного секретаря государственного объединения профсоюзов «Гистадрута» Йерухима Мешеля. Фанатичный сионист, он в беседе с мексиканскими общественными и государственными деятелями нагло подчеркнул значительное влияние еврейских богачей «на экономическое положение и внутренние дела Мексики». Провел тель-авивский эмиссар и несколько директивных совещаний с руководителями поголовно всех сионистских организаций Мексики, обычно, как я имел возможность видеть, «конкурирующих» между собой. На сей раз под нажимом Мешеля они решили «объединиться во имя победы Израиля» и заставить всех мексиканских евреев не только отказаться от протестов против зверств израильской солдатни, но и «хоть нож к горлу» собрать деньги на приобретение зимнего обмундирования для интервентов.

В Амстердаме по предложению прибывшего из США сионистского эмиссара был объявлен призыв евреев-добровольцев для замены на предприятиях военной промышленности Израиля призванных в армию резервистов — квалифицированных производственников. Один из ораторов на собрании намеченных сионистскими организациями «добровольцев» сказал: «Вы должны остаться в Израиле, даже если местные безработные забросают вас камнями!» После отъезда эмиссара было решено: в подведомственных раввинату и сионистским организациям школах (такие, кстати, я встречал и в Бельгии, особенно в Антверпене) ввести специальный курс истории... героизма солдат в Ливане. Что ж, в такой «специальный курс» можно включить и воспевание героизма гитлеровских захватчиков!

Рио-де-Жанейро сионистские центры наводнили листовками, оправдывающими ливанскую бойню.

В Лондоне лидеры сионистских организаций Фидлер, Дженнер и Левенберг неоднократно обращались к правящей консервативной партии с призывом «не осуждать» Израиль за нападение на Ливан и геноцид в отношении палестинцев, ибо «иного выхода у израильского правительства нет».

В Аргентине эмиссары всемирной сионистской организации добиваются переселения в Израиль тысячи еврейских семей, причем местом абсорбции заранее определены новые поселения в пустыне Негев. Сионисты признают, что «абсорбция этих иммигрантов потребует от глав семей значительной переквалификации, но важно то, что в каждой семье есть резервы молодого поколения». Сказали бы прямо: резервы пушечного мяса!

Все эти сообщения (можно было бы привести гораздо больше) взяты мной исключительно из сионистской прессы. Она же подхватила и муссирует на все лады формулировку Нормана Подгореца, заядлого сиониста и «интеллектуального» антисоветчика, которой он определяет основную сегодняшнюю задачу международного сионизма, и прежде всего его лобби: «Надо сделать так, чтобы русским стало трудно жить».

Нужны ли более красноречивые доказательства того, что любые фарисейские призывы и провокационные планы всех организаций международного сионизма имеют махровую антисоветскую подкладку!

«КООРДИНАЦИЯ» ЛЖИ И КЛЕВЕТЫ

Лгать и клеветать, клеветать и лгать более чем когда-либо приходится сейчас сионистской пропаганде за рубежом.

До какого бесстыдства докатились сионистские пропагандисты, можно хоть сколько-нибудь представить себе по такому призыву редактора «Нашей страны» Ш. Гимельфарба, одного из наиболее рьяных тель-авивских борзописцев, позволяющего себе иногда в маскировочных целях «покритиковать» Бегина: «Сейчас, когда западноевропейские государства присоединились к хору тех, кто осуждает Израиль за вторжение в Ливан, надо доказать, что истинные виновники ливанской трагедии не только палестинцы, но и коммунистические государства». Каково придумано!

Чтобы экспортируемые из Израиля лживые и клеветнические выдумки хоть кое-как сходились и не противоречили одна другой, Бегин поспешил создать высокий пост «заместителя министра при канцелярии главы правительства для координации разъяснительной работы за рубежом». Им стал соратник Бегина по блоку Ликуд депутат кнессета Ольмерт. Правда, не все израильские и зарубежные лидеры сионизма удовлетворены созданием такого, с их точки зрения, чересчур скромного поста. Из Голландии, Бельгии, Канады, Мексики, например, Бегин получил от тамошних сионистов требование создать новое министерство, специально ведающее пропагандой за рубежом. Без такого министерства им придется, дескать, худо.

Ничего, справятся. Резервуары лжи и клеветы у сионистов поистине бездонны. Ложь и клевета — их хлеб насущный, без него они не проживут. Хочу в связи с этим привести верную мысль одного из советских исследователей сионизма, М. А. Гольденберга: «Без тщательного сокрытия подлинных своих целей всякое антинародное политическое движение заглохло бы, едва зародившись. В полной мере это относится и к сионизму — идеологии шовинизма и политики антикоммунизма крупной еврейской буржуазии, органически связанной с международными империалистическими кругами. Не будет преувеличением сказать, что сверхзадача сионистской пропаганды состоит именно в том, чтобы скрыть социальную родословную сионизма, помешать трудящимся евреям (и не только им) разглядеть истинное его классовое нутро».

Решать эту иезуитскую сверхзадачу сионизму стало после ливанской бойни гораздо труднее. Геноцид в отношении палестинцев окончательно обнажил фашистскую родословную сионизма и его империалистическое нутро.

Интервенция в Ливане еще раз показала, что сионизм, глубоко враждебный трудящимся, в том числе еврейского происхождения, сионизм, действующий исключительно в классовых интересах шовинистических кругов крупной еврейской буржуазии, теснейшим образом спаянной с монополистическим капиталом империалистических держав, да, этот самый сионизм орудует на Ближнем Востоке в зловещем обличье ударного отряда империализма. Отряда, призванного подавить национально-освободительное движение в этом регионе.

Как случилось, что именно международный сионизм стал одним из наиболее опасных для мира и прогресса отрядов империализма? Объясняется ли такая вредоносная роль сионизма одними его собственными стараниями или здесь действуют иные пружины? Почему именно сионисты оказались на передних рубежах борьбы против социализма и национального освобождения?

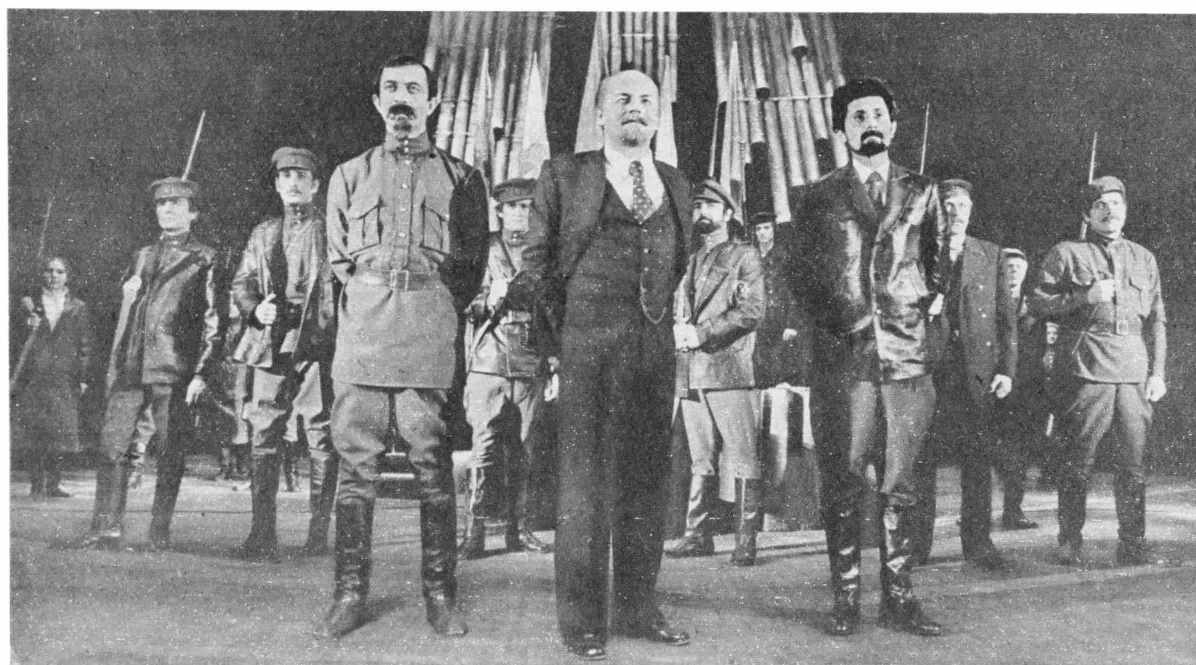
Такие и подобные им вопросы я часто встречаю в читательских письмах. Чтобы ответить на эти вопросы, особенно волнующие советских людей после ливанской бойни, обращусь к труду А. А. Сазонова «Критика буржуазных фальсификаций внутренней и внешней политики КПСС». Исходя из ленинского учения и документов КПСС, автор, на мой взгляд, доказательно приводит причины, по которым международный **империализм выдвигает именно сионизм на передние рубежи** раздуваемой империалистами борьбы с силами социализма и национального освобождения.

Сионизм по своей классовой сущности — заклятый враг рабочего класса и всех сил, выступающих против эксплуатации человека человеком и национальной дискриминации. Сионизм в сравнении с некоторыми другими буржуазно-националистическими течениями не ограничил масштабы своей деятельности рамками одной страны или одного региона, а создал и всемерно расширяет международную разветвленную сеть своих организаций и центров. Сионизм особенно злобно проповедует антисоветизм и организует подрывные акции против реального социализма, ибо неуемную ярость сионистов вызывает то, что в нашей Советской стране впервые в мире покончено с национальным угнетением, что люди еврейской национальности стали равноправными гражданами и активными участниками строительства коммунистического общества. Сионизм, исходя из своей расистской идеологии, направляет острие экспансионистской агрессивной политики против национально-освободительного движения арабских народов, верным другом которых является наша великая Советская Родина.

Как видите, уже только одни перечисленные «качества» международного сионизма впол-

театр

СВЕТ ВЕЛИКОГО ОБРАЗА

Е. АФОНИНА, М. ПОПОВ

Каждый новый спектакль о Ленине привлекает внимание не только театральной общественности, но самого широкого зрителя. Понятно, что от театра народ ждет глубокого проникновения в суть великого образа. Здесь нужна историческая точность, нужно единство идейного содержания и художественной формы и, конечно, настоящее мастерство...

Не всякому драматургу — и не каждому театру — удается решить эту сложнейшую задачу. Зато каждый успех становится праздником искусства сцены.

Спектакль Чечено-Ингушского республиканского драматического театра имени Х. Нурадилова «Лениниана».

Исполнитель роли Ленина заслуженный артист РСФСР М. Давлетмирзаев поражает необыкновенной точностью пластического рисунка, удивительным внешним сходством с героем. И зал отвечает на появление Владимира Ильича, на его реплики взволнованной овацией. Прежде всего потому, что актер развивает классические традиции, богатое наследие Б. В. Щукина, М. М. Штрауха, Б. А. Смирнова, которые стремились, чтобы внешняя характерность не просто соответствовала образу, создаваемому актером, но выражала наиболее полно его сущность.

Анализируя тенденции современной Ленинианы, Штраух писал: «Актер должен владеть искусством не только внутреннего, но и внешнего, пластического перевоплощения. К сожалению, сейчас пошла «мода» считать эту проблему устаревшей. Актеры с изрядной дозой самодовольства из пьесы в пьесу играют самих себя. Получается безобразно и безобразно. Перевоплощение — это высшая ступень актерского мастерства. К сожалению, не все до нее добираются».

Мы считаем, что М. Давлетмирзаеву удалось достичь этой высшей ступени. Воплощая глубинность натуры героя, он позволяет зрителям ощутить удивительные качества вождя, чья страстная убежденность, вера в силу народа, в рабочий класс, в диктатуру пролетариата увлекает всех.

Немалая заслуга в успехе спектакля принадлежит автору сценической композиции, заслуженному деятелю искусств Чечено-Ингушетии, лауреату премии Ленинского комсомола республики Мималту Солцаеву, он же режиссер-постановщик спектакля.

Серьезное раскрытие образа Ильича стало возможным благодаря отличной драматургии, состоящей из разумно подобранных и целенаправленно выстроенных страниц произведений о Ленине, в основу которых положены ставшие классикой произведения А. Корнейчука, Н. Погодина и К. Тренева, объединенные общим замыслом и представшие как единое целое. Этому способствует и поэтическая канва всей композиции; украшением ее являются пламенные строки Владимира Маяковского...

Величие, масштабность происходящих событий подчеркивает гениальная музыка 6-й симфонии Чайковского, сопровождающая весь спектакль.

Думается, только так допустимо рассказывать о Ленине. Рассказывать правдиво! И высокохудожественно... Театру Чечено-Ингушетии удалось этого достичь, хотя, к сожалению, явно выпадает из композиции сцена с Сапожниковой, взятая из пьесы «Синие кони на красной траве»; она, по сути, противоречит главной теме спектакля. Отрывок не спасают и купюры, сделанные М. Солцаевым. Наверное, если исключить эту сцену полностью, постановка выиграет.

Впрочем, это всего лишь частность. Она не снижает огромного идейного воздействия спектакля, вдохновенно несущего зрителям великую правду ленинизма.

Фото Б. Хасянова

не гарантируют империалистам, что, выдвигая сионистов в качестве своего ударного отряда, они, как говорится, промашки не дают. Они, несомненно, уверены и в том, что сионисты усердно будут делать свое черное дело и в «крестовом походе» против коммунизма, провозглашенном Рейганом. Как же может быть иначе, ведь реакционные круги сионистов Израиля при поддержке многих своих единомышленников из других стран обнажили свое фашистское обличье, встали на глубоко античеловечный, варварский путь, по которому пытались прийти к мировому господству гитлеровцы, нацисты.

И вместе с тем израильская пресса горько сетует: лидерам международного сионизма не раз приходилось расплачиваться за неумение самого Израиля пропагандистски оправдывать свои военные акции. Дело, конечно, не в неумении, а в полнейшем отсутствии мотивов, способных хоть в микроскопической дозе оправдать захватнические войны, развязанные милитаристским сионизмом Израиля. В дни нападения на Ливан израильская пропаганда за рубежом, по мнению сионистской прессы, уже совсем провалилась, и надо, дескать, «спешно наверстать упущенное». С этой целью придумано и пущено в оборот архициничное словечко «селективная совесть». Получается так: руководствуясь селективной, то есть избирательной, совестью, можно вообще-то возмущаться геноцидом, но можно, в частности, и мириться с ним, если сионисты истребляют палестинцев.

ПОЗОР ФАШИСТАМ В СИОНИСТСКОМ ОБЛИЧЬЕ

Классово чуждая трудящимся сущность таких фарисейских кульбитов понятна израильским прогрессивным силам во главе со стойкой Коммунистической партией Израиля. Они знают: нет, не принесут эти и новые провокации мира Ближнему Востоку. Не принесут конца войнам, зачинщиком которых неизменно является израильский сионизм. Не принесут избавления от мучений и страданий непокорному героическому народу Палестины.

Есть только один выход. Его предложила ленинская партия. Советский народ знает, в чем он заключается. Вот почему каждый советский человек, независимо от национальности, слушая тревожные сообщения из Ливана и восточного Иерусалима, с Западного берега реки Иордан и сектора Газа, снова и снова мысленно обращается к мудрым словам, прозвучавшим с высокой трибуны XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза:

«...Для подлинного мира на Ближнем Востоке должна быть прекращена израильская оккупация всех захваченных в 1967 году арабских территорий. Должны быть реализованы неотъемлемые права арабского народа Палестины, вплоть до создания собственного государства. Необходимо обеспечить безопасность и суверенитет всех государств этого региона, в том числе Израиля. Таковы основные принципы».

Эти справедливые, гуманные и подлинно демократические принципы получили дальнейшее развитие в последующих предложениях Советского государства о неотложных мерах по реальному урегулированию трагической ближневосточной проблемы.

Все сказанное на XXVI съезде КПСС об этой проблеме оказалось истинно прозорливым. В прах разбиты все фарисейские иллюзии, рекламировавшиеся империалистической пропагандой в связи с пресловутым кэмп-дэвидским «миром». Эти иллюзии, как сказано в послании Леонида Ильича Брежнева руководителю ООП Ясиру Арафату, «растворились в потоках крови в палестинских лагерях».

А ведь о провокационном кэмп-дэвидском сговоре, направленном на раскол арабского мира, на XXVI съезде было точно и недвусмысленно сказано: «Американской дипломатии не удалось превратить этот сепаратный антиарабский сговор в более широкое соглашение капитулянтского типа. Но она преуспела в другом: произошло новое обострение обстановки в регионе. Ближневосточное урегулирование оказалось отброшенным назад». Именно эти обстоятельства — новое обострение обстановки в регионе и отброшенное назад ближневосточное урегулирование — обусловили Израилю в сообщничестве с США зловещую возможность затеять ливанскую бойню и дойти в безудержном милитаристском рвении до фашистского геноцида.

Сообщники не прекращают захватнических и карательных злодеяний. Кровь льется. Невинные люди гибнут. Города и селения разрушаются. Не говорит ли все это о подготовке новой израильской агрессии против арабских народов!..

Перечитал написанное, еще и еще раз посмотрел фотоснимки истерзанных палестинок с прижатыми к груди убитыми детьми, ознакомился с последними сообщениями о кровавых оргиях израильских интервентов в Ливане — и мне, бывшему военному корреспонденту, с новой силой вспомнились страшные следы изуверских злодеяний гитлеровцев на только что освобожденных, еще дымящихся от военных пожарищ землях. Между военными преступлениями, которые творили тогда гитлеровские изуверы, и военными преступлениями, которые творит сегодня израильская военщина на ливанской земле, можно и должно поставить знак равенства.

Вот почему я обязан закончить документальные очерки о черных делах сионизма словами, которые так часто сейчас слышатся на моей Родине: позор фашистам в сионистском обличье, позор сионистам, мучающим и истребляющим палестинский народ!

ВЕРМЕЕР ДЕЛЬФТСКИЙ

Начало см. на стр. 8.

ных пропорций, придав какую-то невероятную, изысканную чистоту и прозрачность ритму сочетаний большой гладкой стены и четко очерченной оконной рамы с хрупкими линиями светло-зеленой драпировки. Но вся эта математическая выверенность интерьера нужна художнику лишь для того, чтобы подчеркнуть певучесть силуэта девушки, нежную прелесть ее профиля. Почти античной камеей кажется нам эта милая голландка, внимательно читающая письмо. Вермеер нашел единственный уникальный прием, чтобы придать гармоническое единство таким разным элементам картины — натюрморту, богатой скатерти большого стола, открытому окну, занавеси, огромной плоскости стены и ювелирно выписанной фигурке читающей. Волшебник, связавший все воедино,— свет. Он сияет в окне и оттуда, мерцающий и мягкий, почти скульптурно обрисовывает каждую деталь полотна. Лепка формы холста — совершенство. Соединение силы и такта, удивительного чувства меры позволяет мастеру из Дельфта создать шедевр, которым можно любоваться часами, несмотря на такой ограниченный, почти скупой антураж картины. Ведь всего одна, причем абсолютно статичная фигура. Отсутствие какого-либо эффекта, движения, жеста. Полная тишина... Зато слышно, как бьется человеческое сердце. В этом колдовском умении заставить звучать тишину — тайна новаторства Вермеера. Он неповторимо тонко отразил интимный мир. Как никто умел создать атмосферу покоя, когда особо чисто и ярко поют самые сокровенные струны души. Поэтому мастера как будто не заботит, что интерьеры на его холстах схожи,— все те же драпировки и занавеси, подобные кулисам, открывающие нам сцену действия, те же похожие массивные столы, покрытые богатыми узорчатыми скатертями, гобелены, географические карты либо картины на гладких стенах. Но этот «мир вещей» подобен лишь клавишам фортепиано, которые внешне одинаковы, но тронь их рука мастера, как раздадутся созвучия сложной гармонии. Таков цикл полотен Вермеера, составляющих поэтическую сюиту, центром которой становится Человек, его душа. И мы забываем о повторности холстов Вермеера, любуясь чудом его земного искусства.

Великие предшественники Вермеера — мастера итальянского Ренессанса — потрясали зрителей подвигами, творимыми героями античных мифов, или чудесами, свершаемыми мадоннами или библейскими пророками. Апофеозом этого замечательного искусства по праву считают «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, будто сошедшую однажды с неба к грешным людям. Это поистине чудо, возведенное в реальность гениальной кистью живописца. Вспомним картину. Зеленая драпировка как бы сама раздвинулась, и мы зрим Марию с младенцем, папу Сикста, Варвару, целый сонм ангелов. Заметим, что зеленая занавесь прикреплена к тонким колечкам, сквозь которые продет тонкий прут, поддерживающий драпировку. Прошло почти полтора века, и скромный мастер из голландского города Дельфта пишет «Девушку с письмом у открытого окна». Никак не мадонну. Однако вглядитесь пристальней в это полотно. Вы заметите, что зеленая драпировка, словно открывающая нам действие картины, висит точно на таких же колечках, таком же прутике, как в «Сикстинской мадонне» Рафаэля. Только девушку озаряет не таинственное райское сияние, а земной мерцающий свет. Так мы можем мысленно сравнить эти два чуда. Небесное и земное. Две философии. Два произведения. Разные по формату. Но еще раз обратим внимание на одно очень мизерное, незначительное сходство — зеленая драпировка, укрепленная на похожих колечках, и тонкий прут, поддерживающий занавес. Случайно ли это сходство детали? Думается, что нет. Голландец Вермеер наверняка видел гравюры либо копии со знаменитой «Сикстины», и ему, молодому художнику, влюбленному в жизнь, захотелось утвердить себя. Он пишет картину-манифест, возвеличивающую чудо земного бытия, и этим небольшим полотном мастер из Дельфта заявляет о значительности цели всей своей жизни — воспеть бессмертную красоту человека.

Каким же все-таки был этот таинственный мастер из Дельфта? Что оставило неумолимое время от целой жизни человека, кроме бесценного наследства его холстов? Почти ничего. Ведь все архивные документы, связанные с судьбою Вермеера Дельфтского, можно уложить в небольшой портфель. Но и в них мы не найдем ни дневников художника, ни его переписки, ни достоверных мемуаров друзей. Обрывки несвязных сведений, случайных оценок, векселя... Вот и все. Однако, несмотря на отсутствие хоть какого-либо портрета Яна (Иоаннеса) Вермеера, не глядя на ненаписанную биографию живописца, невзирая на отсутствие каких-либо следов записей его высказываний, все же мы можем представить себе образ художника, догадаться о его мыслях, представить себе мир, в котором он жил. Единственным, самым сокровенным рассказчиком и свидетелем всех его печалей, горестей и удач стали его картины. И именно они помогли людям понять все величие подвига этого творца. Полотна, созданные большими живописцами, могут много поведать о времени, в котором творили авторы, и не меньше о них самих. Надо только научиться расспрашивать, а это значит — вглядываться в картины, созданные мастерами. Так, «Джоконда» без всякого на то желания Леонардо раскрыла многие тайны художника. «Камеристка» Рубенса молчаливо показала нам будни двора инфанты Изабеллы и намекнула, не спросся Пауля, о его бедах и заботах. Думается, что маленький портрет Вермеера Дельфтского «Головка девочки» из гаагского музея сможет помочь нам познакомиться с таинственным Иоаннесом из Дельфта.

Безымянная «Девочка» Вермеера. Младшая сестра Чечилии Галлерани — «Дамы с горностаем» Леонардо да Винчи и «Камеристки» Рубенса, похожая на них редкостным, чарующим сочетанием хрупкости, молодости и мудрого скепсиса, присущего зрелости. Из трехсотлетнего бархатного мрака глядит на нас, озаренная призрачным жемчужным светом, прелестная своей опасной беззащитностью девушка из Дельфта. Ее милая головка, обернутая голубым тюрбаном с желтой оторочкой, словно диковинный цветок вырастает на тоненьком стебельке шеи. Белый воротничок мягко подчеркивает перламутровую нежность кожи, золотистую ткань одежды. Она удивлена и почти насмешлива. Одновременно смущаясь своей откровенностью, еле заметно подняв бесцветные бровки, пристально, всепонимающе, внимательно, скрупулезно рассматривает нас полупечальными, полулукавыми, чуть раскосыми глазами это совсем юное существо. Сколько она уже повидала, сколько могла бы рассказать. Но она молчит. Только влажные маленькие губы полуоткрыты и чуть видны зубки. Но это отнюдь не улыбка, скорее гримаска разочарования. Чувство скрытой досады таится в брезгливо трепетных ноздрях, в размытых искорках скуки и томления, запрятанных в топазовых глазах, агатовых точках острых зрачков. Нежные щеки словно впитали в себя всю влажность воздуха Голландии. Как символ красы этой морской державы дрожит тяжелая капля жемчуга в маленьком ушке. Что-то неуловимо властное видится в утонченности, осанке девочки, похожей на бедового мальчишку, покоряющей нас своей неуловимой юной испытанностью, свежестью и недоступной доступностью... Мастер Ян Вермеер любил и понимал эту единственную, данную нам однажды и только раз жизнь. Он ощущал ее каждодневно, каждоминутно, как бесчисленное количество ласковых «да» и столь же немалое число жестоких «нет». Художник видел диалектику творчества живописца не в локально окрашенных в ту или иную кричащую краску характерах рисуемых им людей, а в раскрытии нюансов сложной гаммы чувств, заложенных в каждой личности. Он отдал свою музу созданию негромких, таинственных созвучий, составляющих гармонию бытия людского. Потому его девочка сродни образам Леонардо и Рубенса. В ней искрится, мерцает, манит та же колдовская и единственная женственность, которая существует вечно, как грация цветка, свежесть ветра, как песни птиц. О чем рассказывает нам портрет девочки? Взгляните на него попристальнее. Вы увидите самого Вермеера, молодого, но уже умудренного опытом, почувствуете невероятную трепетность его души, нежной и ранимой. Ощутите силу живописца в эмалевой поверхности холста, где краски словно сплавлены огнем сердца. Всмотритесь и заметите, как по бледному лицу девочки словно бегут, бегут прозрачные, как дымка, тени, они на миг задерживаются в округлых миндалевидных глазницах, касаются тонкого, чуть вздернутого носика и ласково очерчивают мягкий подбородок. В почти неуловимых валерах сама душа художника, мечтательного и нежного. Пластика античной культуры, роскошь венецианского Ренессанса, многовековой опыт искусства собраны на клочке полотна. Как в зеркале, в этом маленьком холсте — время, страна, город, Человек, и, что самое таинственное, в изображении неизвестной девочки ощущается сам «сфинкс» Вермеер, один из немногих великих, лика которого мы не знаем. Как Леонардо, мастер из Дельфта не оставил ни одного живописного автопортрета. Хотя да Винчи в глубокой старости все же решил запечатлеть свои черты в рисунке. Подумайте об этой на первый взгляд незначительной детали творчества Вермеера. Это по меньшей мере странно, если учесть, что для Яна (Иоаннеса) не было живописных задач, которые бы он не мог решить. Более того, любовь к изображению тончайших движений души своих героев могла натолкнуть мастера на мысль порассуждать с кистью в руке, глядя на себя. А проще говоря, создать автопортрет. И, однако, в единственной картине «Мастерская художника» он изобразил себя сидящим спиной. Значит, Вермеер был предельно замкнут и осторожен. Его окружал иронический и прагматичный мир дельфтского бюргерства. Ян сам был сын бюргера, плоть от плоти этих закоснелых в погоне за золотым тельцом людей. Он задумал в страшный день гибели своего учителя Фабрициуса победить смерть. И он достиг этой задачи. Десятки вечно живых людей родила его кисть. Но он не хотел раскрываться перед этой ернической, любящей скабрезные анекдоты, хохочущей, горланящей компанией. Возможно, многие из них были добрые парни, хорошие семьянины, честные, порядочные люди. Но они не могли понять грёз Вермеера. Его стремления к созданию мира тишины, гармонии. Наконец, они наверняка не осознали бы его бесконечной любви к Человеку, ко всем людям, которым рано или поздно грозит эта страшная старуха — смерть. И Вермеер тщательно скрывал от всех свою прекрасную, но слишком беззащитную тайну. Может быть, мы никогда не узнали бы о ней, если бы не милые лица героинь его полотен, молчаливые, задумчивые, порою грустные, реже веселые и ласковые. Это они рассказали нам о художнике. Немало очень важного нам поведала и юная «Девочка» из гаагского музея — эта жемчужина мировой живописи.

Вермеер вышел из мастерской. Скрипнули старые дверные петли, лязгнул замок. Влажное молчание летней ночи окутало художника. Странный лазоревый свет мерцал на зазубринах скользящих тучек. Они бесшумно задевали острые шпили Старой и Новой церкви и, толкнувшись о копья башен Роттердамских ворот, пробежав несколько шагов, опрокидывались с неба в сонные воды реки Схи. Тяжелыми сизыми рыбинами плескались у пристани грузные лодки. Художник перешел через арочный мостик канала Старый Дельфт. Темная зелень деревьев на набережной шептала мастеру: «Отдохни, отдохни». Но ни желания спать, ни чувства покоя не было... Ощущение незавершенности, неоконченности главного дела томило душу, щемило сердце. Вдруг теплые блики соскользнули на каменные сырые плиты мостовой. Иоаннес Вермеер остановился. Черепичные островерхие крыши скребли звездное небо. Внезапно в тишине раздался лепечущий голос лютни. Как звонкие капели грибного дождика летели в непроглядную темень улички звуки серебряных струн. Негромкий женский голос мурлыкал старую как мир колыбельную. Упала звезда. Ломкий след ее сверкнул в густой ряби канала. Живописец глубоко вздохнул, остановился, послушал слова песни и зашагал в студию. Когда свечи разгорелись и нелепые тени шарахнулись по углам, Вермеер не спеша повернул мольберт к огню. Взял палитру, кисти, муштабель. Привычным жестом придвинул табуретку. Сел у холста... Почти как живая, милая молодая женщина играла на лютне. «Как медленно идет работа»,— подумал мастер. Он знал, что времени остается мало и надо торопиться. Только он один из всей своей большой семьи знал эту страшную правду.

Пролетит немного лет, и тяжкая болезнь положит его в постель. Что будут тогда делать жена, восемь детей? «Ах, сколько не окончено

Ян Вермеер Дельфтский. ДАМА С ЛЮТНЕЙ. Середина 1660-х годов. Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Ян Вермеер Дельфтский. У СВОДНИ. 1656. — Дрезденская картинная галерея

полотен, но еще больше не начато. Да, жизнь безумно коротка». Тишина царила в мастерской. Слышны были только шорох кисти, тиканье часов, скрип табурета. Верная рука художника наметила отблески света на ожерелье. Заставила сверкнуть массивную сережку. Потом Вермеер отошел от полотна, долго, задумчиво глядел на картину. Взял флейц и нанес легкую лессировку на весь передний план. Немедля ярче, призывнее засветилось окно. Интимней стал полутон интерьера. Еще томительней зазвучал мягкий аккорд лютни. «Дама с лютней»... Этот холст написан в середине шестидесятых годов. Не пройдет и десяти лет, как Вермеера не станет. Но значительно раньше недуг оттащит его от мольберта и отнимет палитру. Сломит мастера... Тишина. Ночные странные блики играют свою игру за окном студии. Голубые, синие рефлексы бегут по стенам, падают на холст, путаются с горячим отсветом свечей. Мешают писать. Но художник упрямо ведет работу. Он знает: время не вернуть. Утром проверит правильность взятого цвета. Вторая жизнь дышит на полотне. Миниатюрная большелобая женщина с гладкой прической неустанно глядит в окно. Пристально, жадно. Неясная улыбка блуждает на ее губах. Она будто что-то вспоминает. Интимное, сокровенное. Нежные руки неспешно перебирают струны. Меланхолично звучит мелодия. Мерцающий жемчужный свет бродит по стенам ее комнаты. Он словно подчеркивает мимолетность этого мгновения, трепет ее души. Картина будто наэлектризована состоянием напряженного ожидания. Какой-то неведомой, но такой человечной тайны. Психологическая канва словно соткана из едва уловимых нюансов света, цвета, тона того неуловимого качества, которое зовется валером. Наверно, поэтому такой сложный писатель, как Марсель Пруст, преклонялся перед даром Вермеера Дельфтского останавливать редчайшие мгновения, фиксировать непередаваемые, лиричнейшие движения сердца. Бледные, первые лучи зари проникли в окно. Рассветало. Художник погасил оплывшие огарки свечей. Вытер кисти, почистил палитру. Устало лег на диван. Закрыл глаза. Он вдруг услыхал в тишине студии сухое пощелкивание конторских счетов. Шелест долговых расписок. Неясный говор людей, просящих о чем-то его отца. Язвительный скрип крышки сундука. Ломкий и прельстительный звук падающих серебряных и золотых монет. Ах, эти воспоминания юности, как неумолимы они и жестоки, как нестираемы и неуходящи они из памяти... Кто может забыть крики чаек, плеск волн канала, всю красу старого города Дельфта? Шум древних кленов и ив. Песни ветра, смех девушек, свет неярких звезд голландского неба. Сам воздух родины — влажный, несущий плодородие и радость. Разве это не главное в нашей жизни?.. Солнечный блик блеснул в стекле окна. Часы пробили пять. Пора отдохнуть. Художник повернул холст к стене. Слава богу, ночная работа не прошла даром.

Вермеер... Невозможно разглядеть касания его кисти. Картины этого художника будто сотворены волшебством. Кажется, что это не живопись масляной краской, а драгоценная эмаль, так ювелирны нюансы его валеров. Порою не верится, что мастер — всего лишь человек, так остраненно и в то же время так ослепительно реально увидел он окружающий мир. Ведь сюжеты его полотен до крайности прозаичны, обыденны, однако никто в мировом искусстве не создал такого разительного великолепия самой, казалось, будничной жизни. Триумф Вермеера несомненен. Уже век тому назад его имя вошло в сонм великих. И все же непричастные к искусству люди, взирая на маленькие, негромкие картины мастера из Дельфта, недоумевают: почему эти полотна с весьма обыденным содержанием вознесены так высоко? Ведь произведения Вермеера Дельфтского похожи на холсты голландских художников-жанристов, его соотечественников. А этих полотен тысячи. Проблема воздвигнута и требует разъяснения. Она не так наивна и невинна, ибо корнями уходит в уровень эстетических оценок искусства. Но лучше попробовать проанализировать эту дилемму и, не мудрствуя лукаво, обратиться к самой живописи, к картинам. Дело в том, что творения прекрасных жанристов Яна Стена, Метсю, Тенирса, Терборха построены зачастую на занимательном сюжете. В основе их лежит заданный мотив с мажорным либо минорным содержанием. Шедевры Вермеера не претендуют на развлекательность. Они слишком раздумчивы, внешне статичны и просты. В холстах почти нет резкого движения, жеста. В них, как правило, царит тишина. Зато в картинах мастера из Дельфта, как мало у кого, выпукло и ясно звучат время, пластика, цвет, Человек. Но для раскрытия этих качеств художника, для оценки сложной простоты Вермеера нужны духовная готовность, понимание и, главное, приверженность, если хотите, любовь к искусству. Только тогда станет перед вами все величие маленьких картин Яна Вермеера из Дельфта, сумевшего в необычайно сложных новых *созвучиях* цвета, света, образов передать гармонию бытия. Чтобы подтвердить эту мысль, обратимся к музыке. Прочтите строки, написанные популярным французским композитором Шарлем Гуно: «Когда мне было двадцать лет, я признавал только самого себя. В тридцать лет я говорил уже: «Я и Моцарт», в сорок: «Моцарт и я», а теперь я восклицаю только: «Моцарт».

Кроме любопытного познания психологии творца, эта цитата помогает разобраться не только в переходе Гуно от эгоцентризма к ощущению вечности непреходящих ценностей, но весьма ясно дает понять масштабность каждого конкретного дарования, его место в развитии мировой культуры. Гуно, как и Моцарт, писал оперы. Но Моцарт, как Бах, Гайдн, Бетховен и другие великие композиторы, сочинял еще иную музыку; они были властелины *гармонии*, способные в первичных созвучиях раскрыть весь смысл земного бытия в форме совершенной, метафорической, таинственной и простой.

Теперь, возможно, очевидней, почему ранее малоизвестный Вермеер Дельфтский стоит ныне в одном ряду с Леонардо, Боттичелли, Эль Греко, Рембрандтом. Так проясняются проблемы популярности, доступности и задачи высокого искусства, способного отражать саму жизнь человечества в произведениях музыки, поэзии, прозы, живописи, разных по объему и формату, но великих по *духовности*, по ощущению значительности земного бытия, весомости личности Человека.

250-е

О. ПЕТРИЧЕНКО

Фото Ю. Щенникова

Среди многих достопримечательностей города на Неве есть одна, от которой ленинградцы с удовольствием бы избавились. Это печально знаменитые наводнения, мрачная сила одного из которых была с документальной точностью описана еще А. С. Пушкиным. Помните, в «Медном всаднике»:

Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась...

Так начиналось самое грозное в городской истории стихийное бедствие, случившееся 7 ноября 1824 года. Вода в тот день поднялась на четыре с лишним метра выше ординара, затопив половину территории столицы.

«Все изломанное в щепки неслось, влеклось неудержимым, неотразимым стремлением... Невский проспект превращен был в бурный пролив»,— вспоминал очевидец происшествия А. С. Грибоедов.

В память об этом и других крупнейших наводнениях на Мойке возле Исаакиевской площади установлен четырехгранный обелиск.

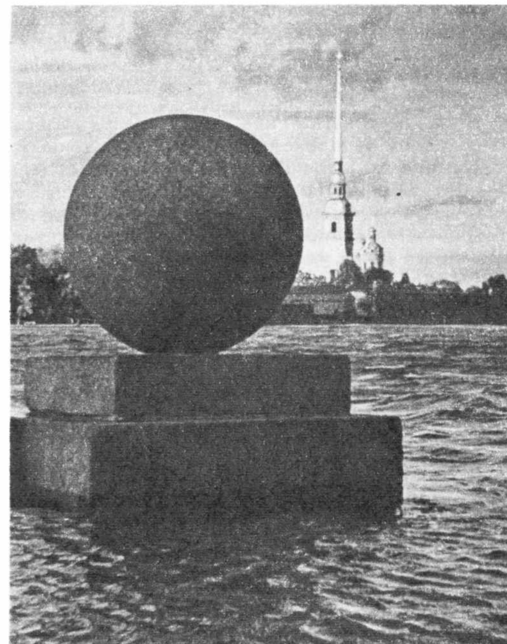
Каждое из них — это еще и напоминание о мужестве горожан, всегда готовых к отражению очередного натиска стихии. Силу его невозможно предугадать заранее. А вот время «нападения» сейчас научились определять с точностью, позволяющей заблаговременно принять необходимые меры предосторожности. Отметим, кстати, что Нева, вопреки распространенному мнению, отнюдь не является причиной бедствий. Причину следует искать за многие сотни, а то и тысячи миль — в просторах Северной Атлантики, где зарождаются мощные циклоны. Их «путешествие» по Балтике приводит иногда к образованию так называемой длинной, или нагонной, волны. Двигаясь по мелководью Финского залива, она набирает высоту и силу и, наконец, добравшись до Невской губы, поворачивает вспять течение реки.

Специалисты метеослужбы внимательно следят за поведением циклонов, движением нагонной волны. И потому еще за несколько часов до визита непрошеной гостьи предупреждают о грозящей опасности городскую комиссию по борьбе со стихийными бедствиями. А далее вступает в действие хорошо отлаженный механизм: немедленно мобилизуются подразделения гражданской обороны, милиции, воинских частей, делается все возможное для обеспечения безопасности людей, сохранности материальных ценностей на предприятиях, расположенных в прибрежных районах Финского залива и Невы.

...И вот недавно море вновь атаковало город. Циклон, возникший где-то около Англии, со скоростью курьерского поезда ринулся в направлении Финляндии; резко усилился ветер, порывы которого в Ленинграде достигали 25 метров в секунду. Тревога была объявлена ночью; к 10 утра вода поднялась на 130 сантиметров и продолжала прибывать. К часу дня достигла максимума — 207 сантиметров. Затопленными оказались некоторые улицы, набережные, территории ряда предприятий, садов и парков. Были приостановлены работы в порту, на стройплощадках, отменено движение на двенадцати транспортных маршрутах...

Понадобились напряженные усилия тысяч добровольцев, соответствующих служб, чтобы свести к минимуму возможный ущерб. И все же определенных убытков избежать не удалось — нынешнее наводнение относилось к числу довольно серьезных. Но жертв, пострадавших нет.

К вечеру Нева вернулась в свои привычные гранитные берега. И лишь редкие порывы постепенно слабевшего ветра напоминали о происшедшем. В городе восстановилась нормальная жизнь, и сейчас ленинградцы успешно ликвидируют последствия «юбилейного» — 250-го по счету натиска стихии.

Нева... на город кинулась...

Сад имени Ф. Э. Дзержинского: Малая Невка стала большой.

НЕ ВЕТЕР, ВЕ

Наталья КАЛИНИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Ольга взошла на крыльцо и потянулась к двери, но та вдруг широко и с треском распахнулась, и перед ней предстал Алеша в рубашке и простоволосый. Увидев ее, замер на мгновение, потом осторожно прикрыл дверь. Ольга почувствовала, что от него пахнет водкой.

— Явление инопланетянки народу,— торжественно провозгласил он.— Дитя мое, а я пьян и очень невыдержан. Ты снова подставляла свои губы Кольке? Теперь подставь их мне.— Он схватил ее за плечи и попытался поцеловать. Она вывернулась и хотела войти в дом, но Алеша заслонил дверь.

— Не хочешь — не буду. Силой я не умею. Значит, ты меня не хочешь, а я-то думал... О господи!— Он картинно хлопнул себя рукой по лбу.— Прости, не признал тебя, дитя мое.— Он взял ее руку в свою и стал внимательно изучать, лаская своими мягкими ладонями, а она почему-то ее не отнимала, стояла как вкопанная и смотрела на его склоненную кудрявую голову.

— У тебя сильная рука, значит, характер тоже. А я...— Он долго и внимательно смотрел ей в глаза.— А я вовсе не так уж и пьян, только не выдавай меня жене. Ну, иди в дом.

Он раскрыл перед ней дверь, а сам зажег сигарету и спустился по ступенькам в палисадник.

Ольга обратила внимание, что фарфоровое личико Тамары вдруг осунулось и постарело. Она лишь слабо улыбнулась, увидев Ольгу. Анастасия Никитична, убиравшая со стола остатки ужина, спросила:

— Алешу не встретила на дворе?

— Он... курит на крыльце,— ответила Ольга, вешая куртку. У нее вдруг закружилась голова: день был такой длинный, насыщенный, теперь еще эта странная встреча на крыльце...

— Вот видишь, никуда он не денется. Чего переживать?— говорила Анастасия Никитична дочери.— Ну, выпил, с кем не бывает, так ведь он же реже, чем другие.

— Мама, но раньше он никогда не пил,— всхлипнула от печки Тамара.— А после лета уже в пятый раз напивается. И кричать на меня стал.

— А ты не цепляйся к пьяному человеку. Он такой тихий и ласковый, как выпьет, а ты начинаешь его стыдить.

Ольга, почувствовав себя лишней, хотела было уйти в свою комнатку, но Тамара, разгадав ее намерения, попросила:

— Ольгуша, не уходи, мне так тяжело. Иди, иди сюда.— Она прижалась к ней и зарыдала.— Конечно, разве ему нужна такая жена, как я?— всхлипывала она.— Мечтает втайне о молодой, здоровой и чувственной. Как ты, Ольгушка, милая...

— Ты, дочка, ерунду городишь.— Анастасия Никитична даже остановилась на полпути от стола к буфету.— Зачем же ты Оле такие вещи говоришь? Она же еще совсем ребенок. Тише, он идет.

Мягко хлопнула обитая старой кожей входная дверь, и в сенях зашаркали шаги. Алеша ввалился в комнату, постоял, прислонившись к дверному косяку, и, с трудом закрыв за собой дверь, направился в сторону стоявших в обнимку Тамары и Ольги.

«Господи, его совсем развезло»,— подумала Ольга и тут же встретилась с его ясными, незатуманенными глазами, которые в упор смотрели на нее. Алеша обнял их обеих, попеременно кладя голову то на Тамарино, то на Ольгино плечо.

— Ну, ну, девочки, только не серчайте на меня. Я ваш, ваш, ваш...

Он кружил их по комнате, целовал в щеки и все крепче прижимал к себе.

— Томочка, девочка, сыграй-ка вальс Шопена, тот самый, помнишь? Иди, иди, мы с Олей потанцуем.

Он подтолкнул ее к роялю, а сам повис на Ольге, качаясь вместе с нею из стороны в сторону.

Тамара как будто развеселилась, даже игриво крикнула Ольге: «Не урони, подружка, моего драгоценного дружка!» Села за рояль и заиграла Шопена, а Алеша подхватил Ольгу и закружил по комнате, лихо передвигая обутыми в мягкие шерстяные носки ногами. «Будто ни в одном глазу»,— подумала Ольга. Словно прочитав ее мысли, Алеша увлек ее к дивану и вдруг, потеряв равновесие, толкнул на сиденье, а сам рухнул на колени и уткнулся головой в ее живот.

Анастасия Никитична неодобрительно покачала головой и скрылась в своей комнате. Ольга стала поспешно одергивать свитер и вдруг наткнулась рукой на горячую ладонь Алеши, сомкнувшуюся на короткое мгновение на ее тонком запястье.

— Оля, Ольгуша, прости уж его!— хохотала Тамара.— Ну, и кавалер — чуть не убил барышню. А у вас красиво получается, как в «Большом вальсе». Изобразим на ноябрьские, а? Надо ведь людям и подурачиться когда-нибудь...

Проснувшись, Ольга сразу же села за свою пишущую машинку, которую привезла из Москвы. В окно бывшей Колиной, а теперь ее комнаты заглядывали унизанные крупными коралловыми бусинами ягод ветки большого куста шиповника, из столовой доносились негромкие звуки рояля — Тамара занималась с учениками. «Здесь пишется по-другому и вроде бы, тьфу-тьфу, слова находятся искренние»,— думала она, пробежав глазами только что вынутую из машинки страницу. Главное, писать живо и в то же время так, чтобы в каждой строке, в каждом абзаце присутствовала личность автора,— так их учили в университете. К обеду очерк был вчерне готов, она билась над заголовком, но на ум приходили все шаблонные: «Вырос на селе клуб», «Новый облик старой деревни» или «В село приедут артисты». После обеда она накинула куртку и вышла в сени выкурить сигарету на старом, обитом дерматином диване. Но думала она уже не о заголовке, а о том, что Алеша, уходя на работу, нежно расцеловал Тамару в обе щеки, потом на секунду прижался головой к ее груди и что-то прошептал. Тамара стояла взъерошенная, с блестевшими от счастья глазами, и ее плоская грудь вздымалась от волнения. Ольга постаралась стряхнуть с себя посторонние мысли. «Надо думать о заголовке, только о заголовке»,— пыталась она внушить себе, но почему-то вместо этого видела перед собой серьезное и виноватое Алешино лицо, его робкий, будто умоляющий взгляд, как бы невзначай брошенный в ее сторону, и полные радостных слез огромные Тамарины глаза.

В пыльное, с дребезжащими от малейшего движения стеклами окно ожесточенно билась случайно вылетевшая из комнатного тепла большая муха, ошалело кидалась о стены, пока наконец не затихла в каком-то углу. Сквозь мутные стекла в сени падали косые лучи закатного солнца, высвечивая бурые пятна на беленой стене, трещины в дощатом крашеном полу. И Ольга вдруг затосковала по Москве. Окунуться бы сейчас в ее толпу, пройтись бульваром, осененным светом пушкинских фонарей, спуститься в шумное тепло метро... Витька Самохин теперь наверняка собирается на какую-нибудь предпраздничную премьеру, Леонид Васильевич пьет десятый стакан чая и дает ценные указания секретарше отдела Маше, в репортерской комнате беспрестанно звонит телефон, и Миша Полупанов, прежде чем снять трубку, вынимает изо рта свой почерневший от никотина мундштук... Она погасила сигарету о ножку дивана и встала. Ее очерк будет называться «Поэзия и проза жизни одного села». Броско, цепко и правильно отражает суть. Ведь, помимо клуба, она затронула в нем и проблемы быта колхозников. А сантименты побоку. Она еще докажет всем, в том числе и Леониду Васильевичу, что журналистика — ее настоящее призвание.

Коля позвонил около семи, сказал, что из-за дежурства не может провести сегодняшний вечер с ней, что́ почему-то очень удивило Тамару. Потом поинтересовался, как идет очерк.

— Ну, молодец, молодец,— похвалил он, услышав ее отчет.— Ты только не слушай Алешку с Тамаркой, если начнут вносить свои ремарки,— у обоих довольно однобокое представление о деревенской жизни. Даже лучше не читай им...

Но она все-таки прочитала — за чаем, за которым в этом доме обычно засиживались долго. Ей не часто доводилось читать вслух написанное ею самой, и теперь отдельные слова и фразы казались либо неточными, либо неуклюжими. Когда она кончила читать и от неловкости принялась ровнять лежащие на краешке стола уже отпечатанные начисто страницы, Алеша вдруг вскочил со своего места и, засунув руки в карманы брюк, заходил из угла в угол суетливой, подпрыгивающей походкой.

— Понимаешь, ты правду сказала,— вдруг изменившимся до неузнаваемости голосом сказал он.— Причем талантливо сказала. Одним словом, написала честный и увлекательный очерк. Но это непроходимо в нашей газете, поскольку Прокопенко — герой областного масштаба, а ты сделала из него чуть ли не делягу какого-то. Я-то знаю, он такой и есть на самом деле, но у твоего Николая перед глазами вполне определенный стереотип. Ладно, не буду предвосхищать события — сама завтра все узнаешь. Но ты умница.— Он подошел к самой спинке ее стула, вынул руки из карманов, и ей показалось, что он сейчас обнимет ее за плечи. Но он лишь пошевелил пальцами и как-то медленно и неохотно спрятал их в карманы.— Ты умница,— повторил он задумчиво и тихо сел на свое место.

Как и предсказывал Алеша, очерк к праздникам не напечатали. Вместо него в газете появилась короткая заметка без подписи об открытии в поселке Октябрьский нового Дома культуры. В тот день, подвозя Ольгу домой на Бездорожную, Коля сказал, что она в этом не виновата. Как он выразился, торжество по случаю открытия клуба было испорчено благодаря усилиям отдельных дремучих колхозников, ей же, как человеку новому, это спутало общую расстановку сил.

Для Ольги потянулись редакционные будни, монотонность которых не нарушали короткие поездки в близлежащие хозяйства на предпраздничные концерты самодеятельности и читательские конференции, организованные местным отделением Союза писателей. Один раз она побывала на камерном концерте в филармонии, куда ее затащила неугомонная Тамара, и едва досидела до конца.

— Конечно, это тебе не Москва,— говорила ей Тамара, когда они возвращались домой в холодном темном автобусе.— Там собира-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 47, 48.

Я С ВЫСОТЫ...

ется все самое лучшее. Со всей страны и даже со всего мира. Но ведь и нам надо как-то жить. Мне, к примеру, мало пластинок и телевизора — не могу без живого звучания.

Тамара отвернула к окну свое фарфоровое личико, пристально вглядываясь в густую черноту осенней ночи, а Ольга почему-то подумала о том, как, должно быть, нелегко живется Алеше с этой полуженщиной-полудевочкой, нервной, хрупкой, любящей его с какой-то болезненной страстностью. «Какое мне дело до чужих взаимоотношений?! — мысленно обругала себя Ольга.— Тут в своих не разберешься...»

У них с Колей наступила полоса неясности, недосказанности. То ли потому, что она все никак не решится, а он вроде бы считает, что она сводит с ним счеты за неопубликованный очерк. Если она правильно поняла его намек...

В тот вечер они сидели в его двухкомнатной квартире, сидели после работы за бутылкой невкусного сухого вина, и Ольга почему-то думала о том, что вот сейчас Алеша устроился на потертом плюшевом диване у теплой печной стены и, закрыв глаза, слушает, как Тамара играет ему Шопена или Скрябина. Потом он поднимется в свой кабинет в мансарде, где засидится допоздна, готовясь к очередной лекции или работая над статьей, а Тамара будет ждать его внизу, зевая над непременным вязанием и лениво перебрасываясь фразами с Анастасией Никитичной.

— Оля, может, ты сегодня останешься у меня?— прервал ее мысли Коля и накрыл своей горячей ладонью ее руку, лежащую на стеклянной поверхности журнального столика.— Там дождик припустил, к тому же мы с тобой вполне современные люди. Поверь мне, я страдаю. Неужели ты этого не понимаешь?

Если честно, то она не понимала. Мужчины, наверно, устроены иначе. В тот вечер она почему-то никак не могла сосредоточить свои мысли на Коле, на их отношениях. И вообще в тот вечер он ей казался чересчур серьезным, даже чем-то озабоченным.

— Коленька, прости, но мне пора домой.— Она убрала свою руку со столика.— Я зверски не высыпаюсь в последнее время, и все остальные ощущения во мне притупились.

Он молча подал ей куртку, распахнул перед ней входную дверь. Когда они вышли в сырую и ветреную темень рано спустившейся ночи, сказал, запахивая плащ:

— Ты правильно определила мое слабое место. Только это нечестно — наносить удары в слабые места.

Тогда до нее не дошел смысл его слов, теперь же, трясясь на заднем сиденье старенького, провонявшего бензином автобуса, она вдруг почувствовала, что Коля ее совсем не понимает.

Тамара, смотревшая все это время в подпрыгивающую темноту окна, вдруг повернула к ней свое бледное личико и сказала:

— Счастливая. У вас с Колей все только начинается. Вы сейчас познаете друг друга. А у нас с Алешей уже все в прошлом...

Праздники решили отметить в старом максимовском доме.

— С моей работы придут двое педагогов: скрипач и виолончелистка,— докладывала Тамара, когда они готовили в закутке возле печки разные праздничные закуски.— Между прочим, отличные ребята, вовсе не провинциальные и по возрасту ближе к тебе — обоим еще по тридцати нет. Из Алешкиного педа одна солидная доцентская пара. Те ко мне годами ближе. Тоже свои в доску. Колька к нам сослуживцев не зовет, зато уж на его холостяцкой квартире кого только не бывает! И девки разные сомнительного качества и парни...— Она вдруг прикрыла рот измазанной свекольным соком ладошкой и округлила глаза.— Фу, распустила свой язык. Не слушай меня, Ольгушка. Это я напробовалась всяких наливок, вот и несу бог знает что.

Ольга ее и не слушала. Почему-то упоминание о Колиных знакомых девушках ее ничуть не укололо. Она все думала об их разговоре с Алешей на диване в сенях, куда оба вышли покурить, странном, из сплошных недомолвок. С недавних пор у Алеши вошло в привычку при разговоре смотреть Ольге в глаза, будто он хотел прочитать в них то, чего она не договорила словами. Вот и сейчас он поднес спичку к ее сигарете, после прикурил свою и, как это делала и она, опустил обгоревший черенок в горлышко какого-то пыльного пузырька. В окно уже заглядывали ранние сумерки, и в их неясном свете Алешино лицо казалось серьезным и сосредоточенным.

— Ты у нас уже десять дней,— сказал он и посмотрел на нее сквозь синеватый сигаретный дым.

Они сидели в разных углах большого старинного дивана, на двух его полюсах, как сказала бы Тамара.

— Уже надоела вам?

— Не в том дело. Я часто спрашиваю себя, что было бы со всеми нами, если бы Коля не выудил тебя на анапском автовокзале. Неужели так бы и продолжали глотать свой жиденький пресный бульон? Ты внесла в нашу жизнь какую-то остроту, как заморская приправа. Жизнь наша стала вкусней и... опасней.

— Интересно, кому же это я угрожаю своим присутствием?— удивилась Ольга.

— Всем. Коле, Тамарке, мне. Может, кому-то еще. Но пока наша внешняя скорлупа еще держится, подчиняясь многолетней инерции, а там...

— Так что, мне, может, лучше уехать?

— Скажи мне, а что такое лучше?— вопросом на ее вопрос ответил Алеша.— Лучше вообще не рождаться на свет божий, тогда и соблазнов его не узнаешь. Пойми, невинными остаются только те, кому не довелось столкнуться с соблазнами, потому что устоять перед ними невозможно.

— Ты говоришь, как по библии, и в то же время против нее.

Алеша усмехнулся.

— В один прекрасный день ты будешь той самой Саломеей, которой преподнесут на блюде голову Иоанна Крестителя. А сегодня мы устроим небольшую репетицию той вакханалии. Идет?

— Эй вы, помощнички, скоро дымом надышитесь?— приоткрыв дверь, спросила Тамара.— Алеша, иди чисть орехи, а то я уже палец прибила. Ольгушка, мне скучно без тебя...

«Выходит, я соблазн,— размышляла Ольга, вынимая из черносливов косточки и вставляя на их места ядра грецких орехов.— Греховный плотский соблазн. Что, и для Алеши тоже?» Она посмотрела на свои стройные, обтянутые толстыми колготками ноги, выглядывающие из-под короткой домашней юбки, на тонкие длинные руки. Да, она красива, но разве она в этом виновата? И что ей — смеяться от этого или же плакать? Только пусть все головы остаются на своих плечах.

— Ольгушка, лук-то какой злой,— всхлипнула Тамара, раздевавшая огромную сиреневую луковицу.— Глянь-ка, тушь не потекла с моих очей? И как это актрисы ухитряются плакать в кино, не размазывая тушь?— стрекотала она, вытирая перед зеркалом скулы.— Мама, мама, ты погладила мою шифоновую кофточку? Через полчаса гости придут, а я еще растрепанная, как прошлогодняя капуста...

Ольге было грустно. Именно грустно, а не тоскливо, потому что гости Максимовых были на самом деле очень хорошие, что называется, «свои ребята». Они не пускались в длинные разговоры о работе не рассказывали нудных историй, от которых у Ольги обычно начинало зудеть все тело, а просто смеялись, шутили, забавно острили. Сперва Ольга боялась, что не найдет с ними общего языка — все-таки разница в возрасте, что бы там ни говорили, значение имеет. Но что касается этого, то уже через несколько минут все было в полном порядке. Тамарина подруга Вера Ржанова училась в Москве, в Гнесинском институте, и с удовольствием вспоминала студенческие денечки, концерты в Большом зале консерватории. К ней Ольга мгновенно прониклась симпатией, к остальным, между прочим, тоже, но все равно ее не покидало ощущение, будто между нею и ними натянули прозрачную пленку. Конечно, всему виной было ее внутреннее состояние.

Расправившись с угощением, они задвинули стол в угол, погасили свет, и Тамара зажгла свечи.

— Сейчас будут танцы при свечах. Только, чур, не образовывать семейных пар,— провозгласила она и заковыляла к радиоле, путаясь в длинной бархатной юбке.

Ольга отошла к окну, синеющему длинным мерцающим прямоугольником. Где-то в недосягаемой вышине переливались холодные россыпи звезд, поднявшийся к вечеру ветер теребил сухие, точно мертвые, ветки старой акации под окном, и те колюче звенели по стеклу. Утром она видела по телевизору, что в Москве уже выпал снег. «Наша группа, небось, сегодня празднует либо у Таськи, либо у Борьки Кулакова,— подумала Ольга.— Веселятся, как дети, шумят, спорят, орут блатные песни... Хотя, может, на этот раз и не собрались. Ведь мы теперь каждый сам по себе...»

Она видела в синее оконное стекло, как Алеша бродит по комнате с бокалом в руке, каждый раз на несколько сантиметров приближаясь к ней. «Зачем? Не надо...»— пронеслось в ее голове. Она закрыла глаза и вдруг ощутила на своем плече горячую ладонь.

Ольга стремительно обернулась.

— Испугал я тебя?— с улыбкой спросил Коля.— Все и было рассчитано на неожиданность.

Она смотрела ему в глаза, а сама видела, как Алеша, задрав кверху свой острый подбородок, пьет большими глотками темное вино.

— Мне вдруг взгрустнулось, Коля.

— Мне тоже. Оттого, что мы с тобой стали отдаляться друг от друга. И это, поверь мне, неизбежно, раз ты...

— Ты снова об этом. Неужели это главное?

— Не надо притворяться. Мы же с тобой нормальные люди. И знаем друг друга, слава богу, не один день.

— Мы совсем почти не знаем друг друга. Понимаешь, меня очень обижает, что ты прежде всего видишь во мне женщину, с которой хочешь переспать.

— Ну и глупенькая же ты девочка,— рассмеялся Коля.— Вот уж не ожидал от тебя. Неужели и тебе для этого нужна печать в паспорте? Я, между прочим, пожалуйста, только вот моя первая жена — тебе еще не донесли про нее в этом доме?— она не хочет давать мне развод. Ну, ее якобы очень устраивает статус замужней женщины и всякая такая ерунда. А я сейчас, как тебе известно, оформляюсь в командировку в Венгрию, и все эти бракоразводные дела могут мне здорово навредить. Не думал, что для тебя так важно...

— Ты меня не понял, Коля. Замуж, представь себе, я не хочу, но и ложиться в постель с... малознакомым человеком тоже не испытываю желания. И вообще оставьте меня в покое.— Она поискала глазами Алешу — он танцевал танго с Верой.— Все, все,— твердила она, обращаясь и к нему тоже.

Она проскользнула мимо Коли, схватила со стола чей-то полный бокал и залпом выпила до дна. Она видела, как Тамара показывает на нее пальцем и, смеясь, что-то рассказывает

своему высокому партнеру Сереже, видела, что и Вера с Алешей смотрят в ее сторону — наплевать, на все наплевать. Пусть все, все оставят ее в покое. Какое им всем до нее дело?..

Длинная шелковая юбка Ольги вздымалась большим синим колоколом, ноги легко выделывали какие-то замысловатые па, руки болтались сами по себе, извивались, изгибались в теплом, пахнущем свечным воском воздухе.

— Вот это танец — настоящий балет!— восторгался дергающийся возле Ольги в такт музыке Тамарин сослуживец Миша.— Такие танцы можно за большие деньги показывать.

— Ты у нас, Ольгушка, разносторонняя.— Тамара громче и отчаянней всех хлопала в ладоши.— Отдохни, отдохни.— Она усадила Ольгу на диван, заботливо поправила растрепавшиеся волосы.— С Алешей у них еще лучше выходит. Я сейчас «Голубой Дунай» сыграю. Ты только держи как следует свою Карлу Доннер,— садясь за рояль, наказывала она Алеше.

«Как мне легко, как хорошо»,— думала Ольга, кружась в вальсе с Алешей.

— Я очень пьяная?— спросила она, наклонившись к его плечу.

— Ты замечательно трезвая, Саломея,— шепнул он, обжигая ее лоб своим дыханием. Вдруг он схватил ее на руки, закружил по комнате. Вальс внезапно оборвался, и она так и осталась у него на руках.

— Браво, браво!— раздалось из темноты.

— Что я вам говорила?— возбужденно и, как показалось Ольге, хрипло вопрошала Тамара.— Настоящее валютное кабаре. А сейчас я хочу современный танец.

Она метнулась к радиоле.

— Ты ведешь себя неприлично,— сказал Ольге Коля, когда она поправляла у зеркала прическу.— Это тебе не московская вечеринка в общежитии, где все свободны и так и жаждут плотских удовольствий.

— А каких, интересно, жаждешь ты?— не оборачиваясь от зеркала, спросила она.— Духовных?

— Ты ведь знаешь, Тамара — больной человек, а ты напилась и трясешь подолом перед Алешей.

— Хочешь, я потрясу им перед тобой?

Она изогнулась всем телом и повисла на Коле, сцепив на его шее руки.

— Алеша, ты так и не поблагодарил свою даму за чудесный вальс,— раздался срывающийся голос Тамары.— Поди же, исправь свою ошибку. Да смелей, иначе тебя другой опередит.

Коля грубо разжал ее руки и отошел в сторону. Она закачалась, теряя равновесие, но ее подхватил подошедший Алеша и крепко и понастоящему поцеловал в губы.

— Пускай теперь катится с плеч моя голова,— тихо сказал он, почти не отрывая губ.

— Настоящий Голливуд!— кричала Тамара, громко и как-то неестественно смеясь.— Сережа, Сережа, поцелуй и ты меня так же страстно и красиво,— теребила она высокого парня в очках.

— Какие же вы все... ущербные!— зло бросил Коля и изо всех сил хлопнул дверью.

Время перевалило за полдень, и красноватое ноябрьское солнце, оставив комнату, переместилось на другую половину дома, откуда уже доносились шаги и голоса, а Ольга все никак не могла заставить себя встать с постели. Повадившийся спать в ее ногах большой серый кот Прошка уже выходил на улицу в открытую форточку, а потом вернулся, мягко ступая ногами по крашеному полу, и теперь тщательно вылизывал свою и без того лоснящуюся шерсть.

У нее трещала голова, во рту было сухо и горько. Еще горше было на душе. Теперь, вспоминая все свои слова и поступки, Ольга больше всего ругала себя не за Колю, а, как ни странно, за Алешу. «Но ведь это же невинные шалости, причем на глазах у всех, у Тамары. Даже с ее благословения,— пыталась она убедить самое себя.— И нет у нас с ним никаких секретов, кроме этой глупой болтовни про Саломею и отрубленную голову. Все это такое дремучее детство... А вот с Колей чем дальше, тем хуже. Он даже стал меня раздражать, как старый муж».

Она потянулась, чем вызвала недовольство уютно свернувшегося на ее ногах Прошки.

«Хорошо тебе, серая шкура,— мысленно разговаривала она с Прошкой.— Все в твоем мире просто, ясно, однозначно. Сыт — песню поешь, голодный — идешь к миске с молоком или в подвал за мышами. А нам еще нужна душевная гармония, согласие с окружающим миром. Мы так зависим от его мнения...»

Шаги в доме приутихли, и Ольга решила встать. Кот последовал ее примеру, спрыгнул с мяуканьем с кровати и теперь ждал у двери, пока она оденется.

Анастасия Никитична возилась с грязной посудой, которую они вчера вечером так и побросали на столе.

— Ну, как вчерашний праздник?— спросила она, ставя перед Ольгой тарелку с горячей картошкой и солеными помидорами.— Тамара, я гляжу, очень довольна. Они с Алешей пошли подышать свежим воздухом. Она говорит, Колю с чего-то псих накрыл.

«Вообще-то его, конечно, можно понять,— решила про себя Ольга.— И подумать надо было о его чувствах, прежде чем...»

Она вдруг вспомнила, какие у Алеши горячие и сухие губы, почти колючие.

— А я вот забрала от Маши Полю. Тебе Тамара рассказывала про нашу Полю, мою младшую сестру?— говорила Анастасия Никитична, вытирая тарелки и рюмки и ставя их в огромный старинный буфет.— Она по очереди живет у нас с Машей. Так уж повелось. Странная она, не любит, когда при ней про смерть говорят или про кровь. А так добрая. Ты ее не бойся, Оля, она мухи не обидит.

Ольга только сейчас обратила внимание, что у дальнего окна прямо сидит на стуле сухонькая маленькая женщина и, не отрываясь, глядит во двор.

— Поля, поди сюда, познакомься с Олей,— окликнула ее Анастасия Никитична.

Та послушно встала и, припадая на одну ногу, подошла к столу, за которым завтракала Ольга.

— Оля — невеста нашего Коленьки,— не без гордости пояснила Анастасия Никитична.— Родители у нее в Москве живут, а она приехала к Коле и работает в его газете.

Поля закивала своей маленькой головкой.

«У нее глаза точно как у Тамары,— вдруг подумала Ольга.— И ходит, как она, припадая на левую ногу. Когда-то, наверно, тоже была красива, да и сейчас еще ничего. Вот только раскрытый рот придает лицу глупое выражение...»

— Американский президент войну новую готовит. Только мы обязательно отстоим мир,— неожиданно низким и густым для такого тщедушного тела голосом сказала Поля.

— Отстоим, отстоим,— поспешила успокоить ее Анастасия Никитична.— Иди, Поля, посиди у окошка.— И когда та вернулась на свое место, пояснила Ольге: — У нее жениха в самую первую неделю войны убили. Ей тогда двадцати не было. С тех пор она... вот такая стала. У нас в роду все чересчур верные и преданные...

Сразу после праздников Ольга уезжала с агитбригадой местного отделения Союза писателей в дальний Самаринский район. Она с удовольствием собиралась в эту недельную поездку по колхозам и совхозам района, отдаленного на две с лишним сотни километров от областного центра. В отделе ей заказали большой материал о культурно-массовой работе в районе, сельхозотдел попутно попросил сделать подвал о молодых доярках колхоза «Россия».

«Только ради бога, Ольга Васильевна, не скупитесь на светлые краски,— напутствовал ее Максимов.— Нашим читателям, смею полагать, уже изрядно наскучили мрачные тона».

Он наставлял ее в присутствии зама главного редактора, который в это время внимательно разглядывал Ольгу сквозь свои массивные с толстыми линзами очки. И Ольга почувствовала себя школьницей у доски, а Коля был учителем, грозящим переэкзаменовкой. Она злилась, что он говорил ей обидные слова в присутствии постороннего человека, понимала, что тем самым он сводит с ней счеты, но в то же время в глубине души жалела его. Может, правда, ей показалось, а может, и на самом деле было в его глазах страдание...

Укладываясь в дорогу, Ольга обнаружила в боковом кармане сумки толстые носки из серой овечьей шерсти, и на душе у нее вдруг сделалось тепло и неизвестно почему тревожно от этой ненавязчивой Тамариной заботы. Теперь, откинувшись на спинку сиденья небольшого автобуса, выделенного агитбригаде городским автохозяйством, она уже без прежней горечи вспоминала недавнюю вечеринку. Ну и что: отключились на короткое время от всех забот, повеселились, как в студенческие годы. А вот теперь надо работать, впитывать в себя увиденное, услышанное, превращая его в литые строки. Время от времени она поглядывала в окно, за которым тянулся один и тот же голый пейзаж. Когда-нибудь, быть может, и она сумеет полюбить степь так, как любит ее выросший среди этих просторов Алеша. Но для этого нужно походить босиком по ее травам, встречая рассветы и закаты, или, еще лучше, потрудиться на ней до седьмого пота, выращивая хлеба или виноградные сады. А пока ее не связывают с этой однообразной вылинявшей желтизной, залатанной бурыми прямоугольниками пашен, никакие кровные узы, и кажется она неприветливой, по-азиатски чуждой, еще полной диких кочевых запахов. Но уже хочется породниться с нею, манит сокрытая в ней тайна, намертво привязывающая души людей к безбрежному раздолью.

В клубах, где выступала агитбригада, как правило, было многолюдно и шумно. Из зала летели на сцену вопросы, на которые выступавшие далеко не всегда могли дать исчерпывающие ответы, и Ольга постепенно начинала понимать, что облик деревни зависит не столько от того, какие там строят дома, хотя, конечно, и это имеет значение. «А мы порой думаем о них как о какой-то однородной массе, способной проглотить все так называемые духовные ценности, производимые городом,— размышляла Ольга.— У большинства из них есть своя жизненная философия, почерпнутая вовсе не из книг и не с экрана, а из неведомых нам чистых источников...»

Особенно ей понравилось у доярок колхоза «Россия». Девчонки приняли ее как свою, не подтрунивали над ее полным невежеством в сельскохозяйственных вопросах, на полном серьезе объяснили разницу между сеном и силосной массой и от души поили жирным парным молоком. Одна из доярок, собиравшаяся зимой замуж, откровенно делилась с подругами, что хочет иметь пятерых детей.

— Дом у нас просторный, сад большой, а мой жених на своем тракторе иной раз по триста и больше в месяц зарабатывает. Почему же не родить пятерых?— улыбалась она.— И земли у нас много в колхозе — стройся себе на здоровье. Вот сейчас многие в город потянулись и землю на пришлых побросали.

— А тебе не хочется в город?— спросила Ольга у девчонки.

— Каждый к своей жизни привык. Я так думаю: кто где родился, там ему и жить,— не задумываясь, ответила та.— Вот ты, к примеру, ни за какие деньги не согласишься с коровами управляться, а я с твоим делом не справлюсь. Разве не так оно?..

В городе сеял противный мелкий дождь, малюя все без разбора скупой серой краской поздней осени. Ольга вышла из автобуса возле вокзала и, купив в киоске свежую газету, по привычке тут же развернула ее.

Ей бросился в глаза набранный крупным жирным шрифтом заголовок «Проза жизни колхоза «Октябрьский», красовавшийся сверху третьей полосы.

Она погрузилась в чтение и с каждой строчкой все меньше и меньше узнавала свой очерк. Откуда-то появились грубые, даже бранные слова по адресу председателя-дельца, прикрывающегося личиной заботливого хозяина. И вообще вся тональность очерка, написанного Ольгой в форме путешествия по степи, куда вкраплививались раздумья автора, была бестактно нарушена чьей-то чужой рукой. Получился заурядный материал о председателе колхоза, торгующем колхозной землей. И под всем этим стояла ее подпись.

Ольга взглянула на часы. Половина пятого. Значит, Коля еще на месте. Она потребует, чтобы газета дала опровержение. Как она теперь посмотрит Прокопенко в глаза? Интересно, кто позволил себе всю эту отсебятину?

У входа в редакцию она столкнулась с Сашей Березовским, спешившим в неизвестном направлении с очередным поручением от главного либо одного из замов.

— Ольга Васильевна, счастлив приложиться к

вашей ручке.— Он галантно прикоснулся губами к ее запястью.— Вы у нас сегодня герой дня. Висите на доске редакционного почета. Хорошо сработал ваш нюх. Или же, гм, знакомства.

Он еще раз поцеловал ей руку и проворно сбежал по ступенькам.

В ту минуту она, занятая своими мыслями, пропустила мимо ушей его болтовню, но, поднимаясь по крутой лестнице на третий этаж, вдруг вспомнила, что он обмолвился о каких-то знакомствах. «Так, значит, Прокопенко разжаловали из председателей,— осенило ее,— а я, выходит, занесла дубину над уже и без того побитой головой». Ей стало прямо-таки нехорошо от этой мысли, даже ноги подкосились. Она без стука ввалилась в Колин кабинет и села на стул у двери, дожидаясь, когда он закончит телефонный разговор.

Наконец Коля осторожно положил трубку и, улыбаясь, направился в ее сторону. Она встала, почему-то подняв с полу свою вдруг ставшую такой тяжелой сумку, и спросила:

— Коля, кто это сделал?

— А, ты об очерке, да? Ну, конечно же, это целиком твоя работа. Я лишь внес кое-какие свежие коррективы, которых ты не могла знать две с лишним недели тому назад. Позавчера состоялось решение обкома...

— Коля, мы должны дать опровержение. Это... отвратительно. Что подумает обо мне Прокопенко, ребята из отдела...

— Прокопенко теперь никто, так что нет проблем. Что касается мнения коллег, то твой материал заслужил одобрение главного. Ясно? Думаю, мы даже премируем тебя за оперативность. Почему ты такая бледная? Устала с дороги?

Он открыл дверцу стенного шкафа и налил себе и ей по маленькой стопке коньяка.

— Вот, за твой успех. Да простит нам господь и главный то, что мы занимаемся этим в служебное время. Ты сядь в кресло.

— Значит, это сделал ты... Но ведь Прокопенко — твой друг, вы даже на «ты» с ним были...

— Я просто не знал всей этой истории. За голову схватился, когда всплыло, что он колхозной землей торговал, как своей собственной. Хоть и не себе в карман деньги клал, а в колхозную кассу — все равно мерзость. Вот, оказывается, на какие деньги и клуб соорудил. Нет, Оля, ты у меня молодчина. Не ошибся я в тебе.

— Зато я...— Она прикусила губу, не желая начинать этот разговор в редакции.— Так мы дадим опровержение или нет?

Он обошел вокруг журнального столика и обнял ее за плечи.

— Оля, прошу тебя, не делай глупостей. Иначе напрочь закроешь себе дорогу. Тем более, что никаких опровержений газета давать не будет. Мы здесь не в игрушки играем. Сейчас я попрошу, чтобы Федя подбросил тебя домой. Ты такая бледненькая...

«Итак, я побоялась затевать конфликт,— думала Ольга, трясясь на заднем сиденье старенькой редакционной «Волги».— Правда, от того, моя ли фамилия стоит под этим отвратительным материалом или чья-то другая, Прокопенко легче не станет. И все равно я смалодушничала, вякала свое робкое «опровержение, опровержение», а сама позволила Коле запихнуть меня в машину. Завтра выходной, а послезавтра уже смешно заводить об этом разговор».

Она с тяжелой душой взялась за ручку входной двери, боясь предстать перед судом Алеши и Тамары, наверняка уже видевших сегодняшнюю газету, разулась в холодных сенях, с удовольствием освобождаясь от жаркой тесноты узких резиновых сапог, и, собравшись с силами, переступила порог столовой.

— Ольгушка, наконец ты приехала, а я думала...— Что она думала, Ольга так никогда и не узнала, потому что Тамара крепко прижалась к ее шуршащей нейлоновой куртке, всхлипнула.— Не смотри на меня — я вся зареванная,— сказала она, отнимая лицо.

Ольга медленно повесила куртку на вешалку, стащила провонявший бензином мохеровый свитер и пошла помыть руки. Тамара, полоскавшая под ледяной водой свое красное лицо, вдруг выпрямилась и прошептала громким свистящим шепотом:

— Ненавижу! Господи, как я ее ненавижу!

— Кого?— опешила Ольга.

— Вон ее!

Ольга проследила глазами за взглядом Тамары и увидела на стуле у окна тетю Полю, застывшую все в той же неестественной прямой позе.

— Она буянит?

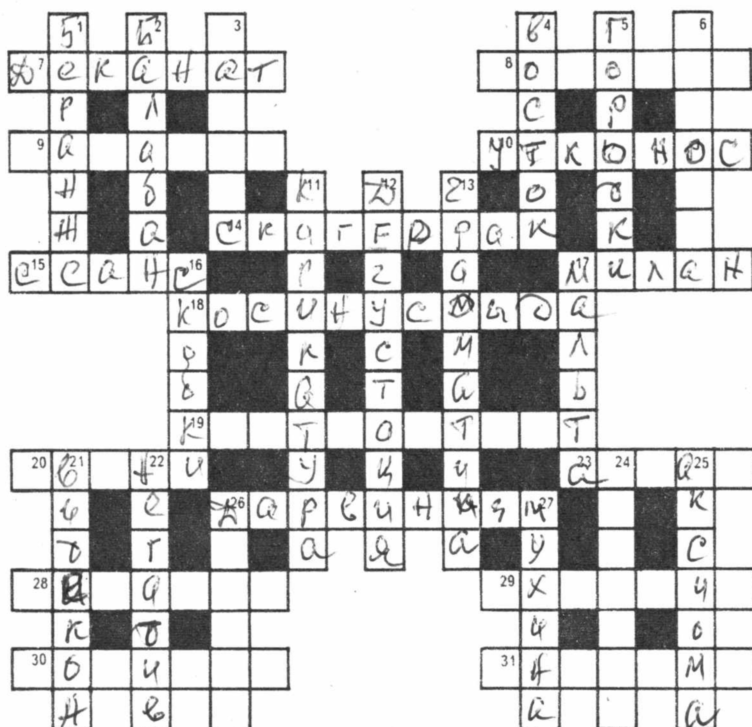
— Нет, еще хуже. Она молчит и исподтишка всех нас изучает. Господи, какая же я злая,— вдруг опомнилась Тамара.— Не слушай меня, это все из-за Алешки... Ольгушка, родненькая, пошли в мою комнату, пошли же.— Она тянула Ольгу за рукав рубашки.— Смоемся подальше от них. А то мать глядит своими жалостливыми глазами, и голова у нее дергается. Не могу, не могу больше...

В мансарде было уж слишком тепло, даже жарко, и Ольга стащила надоевшие за поездку джинсы и с удовольствием растянулась на покрытой мягким ворсистым покрывалом широкой кровати. Тамара не стала зажигать света, ее маленькая подпрыгивающая фигурка мельтешила на фоне широкого, во всю стену, незашторенного окна, в которое, казалось, смотрело ползвездного неба.

— Представляешь, Алешка уехал. Ой, нет, Ольгушка, я не переживу эти две ночи. Прошу тебя, спи со мной, я не буду мучить тебя разговорами, не бойся. И плакать ночью не буду, только спи здесь, со мной...

Она вдруг рухнула на колени, уперлась лбом в подоконник и зарыдала. Ольга молча гладила ее хрупкие вздрагивающие плечи, обтянутые взмокшей от пота кофточкой, зная, что любые слова в подобной ситуации бессмысленны.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Руководство факультета. 8. Драматург, лауреат Ленинской премии. 9. Композитор, народный артист СССР. 10. Животное, обитающее в Австралии. 14. Один из проливов, соединяющих Балтийское и Северное моря. 15. Демонстрация кинофильма без перерыва. 17. Город в Северной Италии. 18. Кривая — график тригонометрической функции. 19. Разновидность оркестрового духового инструмента. 20. Картина Н. К. Рериха. 23. Лекарственная трава. 26. Материалистическая теория эволюции органического мира Земли. 28. Советский военачальник, Главный маршал авиации. 29. Роман Д. Олдриджа. 30. Высокомолекулярное соединение. 31. Рассказ М. Горького.

По вертикали: 1. Французский поэт-песенник. 2. Птица семейства соколиных. 3. Пресноводная рыба. 4. Серия советских космических кораблей. 5. Русская спортивная игра. 6. Сорт яблок. 11. Жанр графики, сатирическое изображение. 12. Определение качества пищи, продуктов. 13. Правописание. 16. Парный знак препинания. 17. Остров в Средиземном море. 21. Передающая телевизионная трубка. 22. Изображение на фотографической пластинке, пленке. 24. Приспособление для регулирования подачи жидкости, газа по трубопроводу. 25. Положение, принимаемое без доказательства. 26. Антилопа, обитающая в степях Центральной Азии. 27. Скульптор, народный художник СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 1. Дюкер. 4. Баскетбол. 7. Микаэла. 9. Ашхабад. 12. Кибальников. 17. Полиэдр. 18. Люцерна. 19. Апофема. 20. Почтамт. 21. Домрист. 22. Перекладина. 25. Фюзеляж. 27. «Тачанка». 28. Вербункош. 29. Ситар.

По вертикали: 1. Дисна. 2. Кремень. 3. Рубка. 5. «Раёк». 6. Баев. 7. Метеорограф. 8. Лаборатория. 10. «Шоколадница». 11. Диагностика. 13. Луговик. 14. Норейка. 15. Шихта. 16. Зебра. 22. Плед. 23. Лангуст. 24. Арат. 26. «Жорес». 27. Такыр.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В Киеве открыт монумент в ознаменование воссоединения Украины с Россией.
Фото Н. Козловского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На промысел * Бухта Безымянная. (См. в номере материал «В заливе Касатка».)
Фото И. Гаврилова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 15.11.82. Подписано к печати 30.11.82. А 00439. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2995. Заказ № 3377.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КУБОК У РИНАТА ДАСАЕВА

Итак, перед вами 21-й лауреат «Огонька» — Ринат Дасаев. Каждую осень, когда завершается очередное первенство СССР, редакция журнала «Огонек» вручает Кубок лучшему вратарю сезона. В этом году им признан страж ворот «Спартака» и сборной команды СССР.

По праву уже второй раз (первый раз в 1980 году) занимает Ринат Дасаев место в строю лучших вратарей страны последнего двадцатилетия. За эти годы Кубок «Огонька» получали Л. Яшин (трижды), В. Маслаченко, Е. Рудаков (трижды), В. Банников, А. Кавазашвили (дважды), А. Прохоров (дважды), Е. Котрикадзе, Ю. Пшеничников, В. Пильгуй, В. Астаповский, Ю. Дегтярев, О. Габелия, В. Чанов.

Ринат Дасаев появился в большом футболе совсем недавно — шесть лет назад. В том 1977 году, когда «Спартак», выступая в 1-й лиге, доказывал свое право на возвращение в высшую лигу, Дасаев появился в списке команды, перейдя в «Спартак» из астраханской команды «Волгарь», но почти весь сезон он просидел на скамейке запасных и лишь со следующего года занял место в воротах. В 1979 году Дасаев был включен в состав сборной команды СССР, и, конечно же, вершиной его успехов стал чемпионат мира, в котором он действовал безупречно, заслужив по праву самые высокие оценки.

В ЗАЛИВЕ КАСАТКА

Сергей МАРКОВ, фото И. ГАВРИЛОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

...Вторые сутки идем на СРТМ «Реутово» с поиском. Гидролокатор прозвонил уже миль сто двадцать — сайры нет. Как сквозь дно провалилась. Мы успели поверить в свою курильскую звезду, но океану дела нет ни до каких звезд и до того, что у бухгалтерии каждый день на учете. Он не штормит и не лежит спокойно. Он гонит холодные тяжелые волны на северо-запад, к материку, он живет своей вечной жизнью и плевать ему на самую современную гидролокационную аппаратуру.

Вторые сутки держится густой туман. Идем, покрытые влажной дымовой завесой. Вращается тонкий зеленый луч локатора, высвечивает на экране береговую линию, точки, обозначающие соседние суда, которые также в унылом поиске.

Поднадоело уже играть с океаном в жмурки, выхаживать, широко расставляя ноги, по склизкой палубе и дремать, вертеться на койке в каюте стармеха.

Идем курсом тридцать пять градусов к острову Итуруп, в залив Касатка. Делаем около одиннадцати узлов. К темноте будем в районе лова. Вопрос в том, будет ли лов. Капитан, старпом, стармех, боцман — все спят. Шипит мыльная вода под бортом, постукивает незадраенный люк, скулят на палубе кудлатые дворняжки Дарья с Марьей.

Сидим и пьем чай в каюте Арнольда Петровича Шера. Он научный сотрудник лаборатории диагностики природных ресурсов Института автоматики и процессов управления Дальневосточного научного центра. Здесь он в длительной командировке, и команда по-морскому доверительно зовет его Петровичем.

Петрович рассказывает нам, что кибернетики ДВНЦ уже около десяти лет работают на Курилах. Океан дает огромное количество информации — метеорологической, гидрологической, промысловой... Дело ученых — брать и обрабатывать ее с помощью ЭВМ. На основе многолетних наблюдений за океанскими ветрами, течениями, температурами воды и воздуха помогать рыбакам, советовать, где можно взять больше рыбы.

— Не все, конечно, пока нас слушают,— неторопливо говорит Петрович, поглаживая черную, коротко стриженную бороду.— Рыбаки — народ горячий. Иногда и острое словцо по рации в ответ услышишь. Трудное дело. Мы ведь не даем примерных, расплывчатых рекомендаций, районы промыслов указываем конкретно. Бывают и ошибки. Но многие уже капитаны убедились в пользе, которую приносит наука. Наш Михалыч — один из них.

— И в Касатку сейчас мы идем по научной рекомендации?

— Как вам сказать... Позавчера сайра там была. А этой ночью не знаю — как повезет. Михалыч, он на науку надеется, но и сам не плошает. В этом году «Реутово» намного опередило все суда экспедиции.

Капитану Валерию Михайловичу Туркину едва за тридцать. С пер-

вого плавания, в которое он вышел капитаном СРТМ (не было и двадцати восьми), команда зовет его отцом. Так зовут капитанов, которых уважают.

Родился в Забайкалье в семье слесаря и воспитательницы детского сада. После Невельской мореходки ходил на глубоководный лов к берегам Чукотки, в Берингово, Охотское моря... Ходил матросом, третьим штурманом, вторым, старпомом... Жену, с которой познакомились в Невельске, зовут Валя. Две дочки — Лена и Таня. Фотография девчонок висит на стене, напротив полки с картами, книгами по навигации и приключенческими.

Небольшого роста, черноволосый и черноусый, по-боксерски пружинистый (шесть лет занимался боксом). Волевой рот, крепкие, сухие скулы. Красивые, крутые, вразлет брови, уверенный, спокойный взгляд. Стармех Анатолич считает, что взгляд этот и голос, манера говорить — немногословно, веско — достались их капитану от деда, забайкальского казака.

Михалыч из тех людей, у которых хватает силы и выдержки быть ни на кого не похожими; в любой ситуации остающиеся сами собой, способные ответить за каждое свое слово, они будто рождены всегда и во всем быть первыми.

Позевывая, пожимая широкими плечами, Михалыч выходит на рубку. Смотрит на датчик, показывающий отклонение истинного курса от заданного.

— Давай пятнадцать на норд,— непослушным, с трещиной после сна голосом говорит вахтенному. Разминает и вкусно закуривает беломорину, перекидывает ее в угол рта.— Самый полный.

Туман мутнеет, делается какого-то болотного цвета, потом мглисто-сиреневым. Светила (электромеханик) с двумя матросами выдвигают и закрепляют по обоим бортам «люстры» — шесты с накрытыми козырьком синими сайровыми лампами по пятьсот ватт. Траулер становится похожим на римскую трирему с копьями к бою или на огромного, ощетинившегося семнадцатью четырехметровыми иглами ежа. Белые «люстры» упруго покачиваются над свинцовыми волнами, и от вида их сердце бьется веселей.

...Еще каких-нибудь четыре мили, и мы будем в заливе Касатка. Стемнеет, вспыхнут прожектор на баке, «люстры» и мощные ксеноновые лампы наверху, так называемые сириусы. Не может быть, чтобы снова пролет. Так впечатляющи графики, расчеты, записи, сделанные мелким каллиграфическим почерком Петровича, так переживала за нас вся команда прошлой ночью: «Вот же невезуха, третьего дня под жвак залились рыбой, а тут!..»

Пролет — не значит, что в трюме пусто. Четыре тонны есть. Но что такое четыре тонны! Несерьезно... Помню, ходили в море на Камчатке. Ребята поднимали один снюрревод за другим, но были недовольны, хотели, чтобы сфотографировали их для журнала с настоящим уловом. Целый день качались мы на старой мэрээске в Кроноцком заливе, еще по-зимнему продуваемом ледяными ветрами, окруженном снежными сопками и вулканами. И в сумерках, наконец, выплеснулось на палубу — такого не увидишь и в программе «Время»! Все было перемешано — палтус, треска, камбала, минтай, раковины, звезды... Мы расхаживали по колено и выше в рыбе, шелестящей, трепещущей, раздутой из-за разницы давлений, сгребали ее ногами в трюм...

Подходим. Машина уменьшает обороты, Михалыч вытаскивает из кармана и надевает шапочку с длинным пластмассовым козырьком. За три года шапочка стала талисманом, приносящим удачу.

— Ефимыч, десять на зюйд, поворот правый,— говорит он вахтенному.— И прямо руля.

Минут через двадцать луч гидролокатора наталкивается на стадо,— разбухает на конце, словно удав, проглотивший поросенка. Включаются сириусы, «люстры», средний, малый ход... Вокруг встает зеленовато-белесый дым, вода кажется темно-зеленой и теплой. Поднявшись на невысокую скамейку, Михалыч внимательно смотрит через открытое окно на воду. Прикуривает потухшую беломорину, затягивается. Где-то в глубине блестит и тут же скрывается стальная иголочка. Другая, пятая, восьмая... Вот уже серебрятся десятки, сотни иголок, лезвий разной величины, поднимаются на свет, как мотыльки на свечу.

— Сейчас капитану предстоит решить задачу с несколькими неизвестными,— шепчет мне Петрович.— Остановиться, взять эту сайру, довольно мелкую, и потерять время, или идти дальше с поиском. ЭВМ здесь бессильна.

Между поскрипывающими «люстрами» парят в зеленом дыму чайки, непонятно откуда взявшиеся так далеко от берега ночью. Клювами они выхватывают из воды рыбешек, но роняют, будто обжигаясь или не веря своему счастью, и снова цапают вместе с прозрачными брызгами.

— Ну что, Михалыч?— выжидательно смотрит на капитана чиф (старпом).

— Полный вперед,— отвечает капитан минуты две спустя.

— Что я говорил? Без риска он не признает рыбалки,— шепчет Петрович.

В пределах досягаемости локатора около двадцати траулеров — маленьких зеленых точек. Ловят сайру и западней, к материку, и в открытом океане, и в проливе Фриза... Часов в двенадцать начинается нечто вроде радиоигры. Капитаны неспешно, спокойно переговариваются о погоде, о температуре воды, о делах в управлении... Сонно скользит по их голосам далекая морзянка. И вдруг: «...девять, там же, где вчера на ост правей семнадцать». Или что-нибудь в этом роде. Значит, капитан напал на рыбу, сообщает товарищу координаты, но так, чтобы никто другой не догадался.

— Вот и работай с ними,— жалуется Петрович, похлопывая по ладони ребром логарифмической линейки.— Тут и Штирлиц ногу сломит, все законспирировано. А нам данные нужны...

Со стармехом Анатоличем (Сашу Водопьянова зовут по-морскому дедом, хотя и двадцати шести еще нет; у него под началом вся механическая служба траулера, механики чуть не вдвое старше его) спускаемся в машинное отделение. Там светло от сильных ламп и свежей желтой краски. Там грохот, стук, лязг, рев, гуд, вой. Анатолич с дежурным дизельным механиком объясняют что-то, размахивая руками, показывают,— но полное ощущение немого фильма. Мы ходим между трубами, генераторами, валами, фланцами и понятливо киваем, улыбаемся или внимательно хмурим брови.

Все горячо металлически пахнет, блестят от масла железные пузырчатые настилы под ногами, трепещут стрелки манометров.

Потом мы идем в рефрижераторное отделение. В морозильное отделение, в трюм под палубу... Потом мы обнимаем могучего стриженного под нулевку Анатолича и выскакиваем наверх.

Я поднимаюсь по лестнице на верхний мостик. Там тихо, влажный туманный воздух плывет навстречу, покрывает. На веревках проветривается рыба. Я заворачиваюсь в пахнущий соляркой брезент, сажусь, смотрю вниз, на длинные черные волны, на шипящую пену... Воображаю пространство океана, корабли, которые в этот час ходят с поиском, капитанов — наших, японских, австралийских, аргентинских... У каждого воспоминания, желания, мечты, каждого на берегу ждут и, может быть, тоже не спят. Где-то плещутся о борт теплые экваториальные волны, мягкие, фосфоресцирующие, висит в душном черном небе Южный крест, и спасение от жары лишь на баке, на липкой, прокаленной зноем палубе. Где-то седьмые сутки ревет, рвет ветер, сшибает с палубы за борт бочки, лебедки, швыряет судно, как игрок трясет в ладонях кости.

Океан, занимающий больше трети всей площади земного шара. 723 699 тысяч кубических километров воды. Океан, по которому в 1520 году шел Магеллан и стояла чудесная, солнечная погода,— он назвал его Тихим. А Фрэнсис Дрейк, английский пират, совершивший вслед за Магелланом кругосветное плавание, писал: «Не успели мы выйти в это море (иные называют его Тихим, а для нас оно оказалось Бешеным), как началась такая неистовая буря, какой мы еще не испытывали!..»

Вспоминаю разговор с начальником сейсмостанции Сахалинского комплексного научно-исследовательского института Александром Алексеевичем Шишкиным.

Курилы — район, в котором самый большой на планете континент Евразия стыкуется с самым большим океаном; самый сейсмически активный район в стране — около семи тысяч землетрясений в год. Большинство из них — подводные. Во время некоторых извержений вулканов и землетрясений в результате быстрого поднятия или опускания дна океана происходит быстрое изменение объема водного бассейна, и в движение приходят огромные массы воды, образующие волны цунами. В открытом океане скорость цунами — семьсот километров в час, длина — до трехсот километров, и пройти волны способны больше десяти тысяч километров, от Чили до Курил. Вторая и третья волны достигают у берега высоты двадцати метров. Так было в 1952 году...

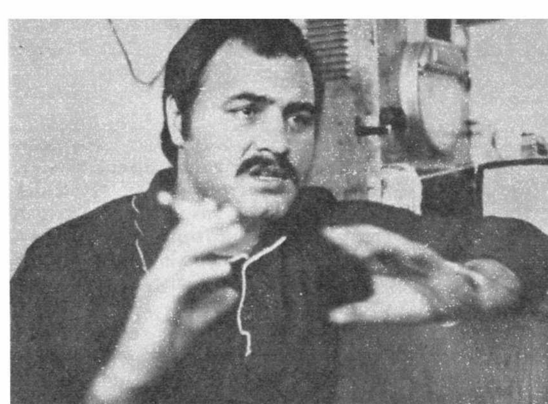
— За два века на побережье Камчатки и Курильских островов произошло всего четыре катастрофических цунами,— говорил Шишкин.— И все же, все же... Ученые еще не научились предсказывать подводные землетрясения и извержения вулканов, которые предшествуют образованию цунами. Мы регистрируем их, оцениваем энергию, устанавливаем координаты и, если возможна волна цунами, предупреждаем население. Много лет уже мы работаем над тем, чтобы не было ложных тревог, чтобы не тревожить людей напрасно, а распознавать цунами. Для этого, например, в десяти километрах от берега на дне океана установлены датчики, с большой точностью показывающие изменение глубины океана... В феврале 1980 года мы впервые в мире, насколько нам известно, зарегистрировали цунами в открытом океане.

Наука пока бессильна... Ученые еще не решили задачи... В 1980 году впервые в мире...

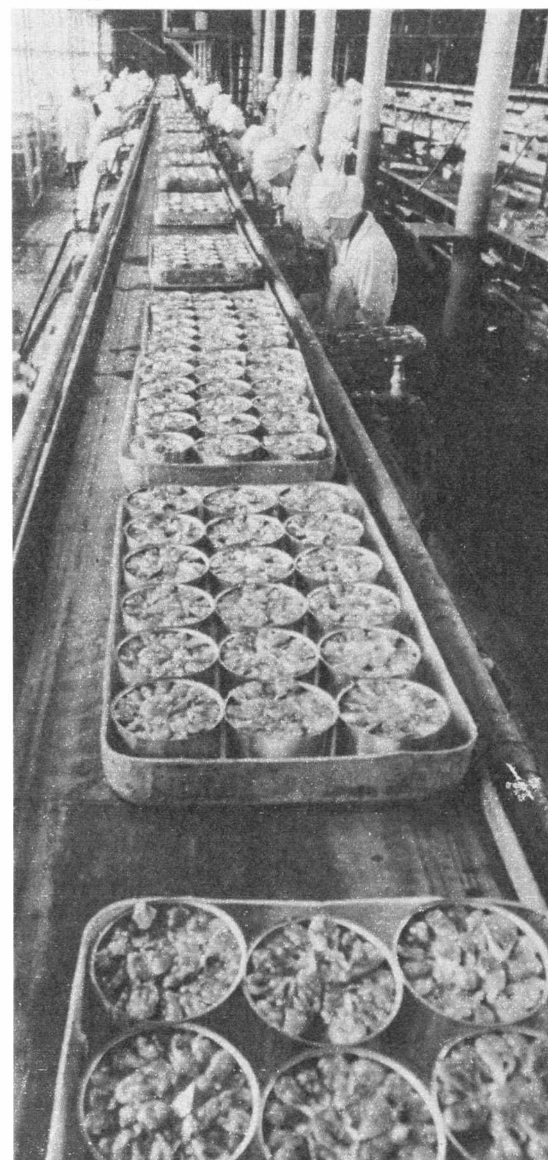
И в то же время человек уютно чувствует себя в космосе, живет там по многу месяцев, даже выращивает цветы... Наивная, должно быть, мысль, но она не оставляет меня здесь, на верхнем мостике СРТМ «Реутово», в ночном океане.

Мы почти уже укладываем чемоданы, чтобы лететь на Марс, и не можем понять, например, почему и как лососи из года в год, из века в век уходят на морские пастбища за многие тысячи километров, но непременно возвращаются, отыскивают путь к родной реке, откуда мальками ушли в море, чтобы оставить там потомство и погибнуть.

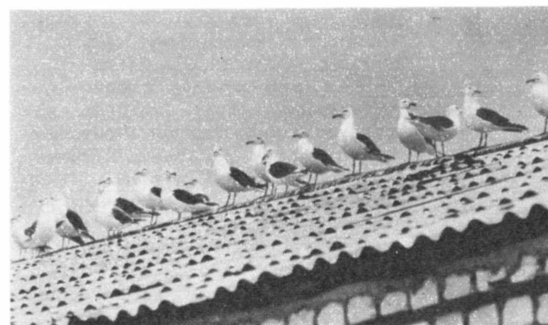
И еще приходит на ум сравнение: люди в жизни как корабли в открытом океане. Так же идут всю жизнь с поиском счастья, оставляя после себя след. И чем крупнее корабль, чем сильнее машина, тем дольше держится на воде пена, но и ее в конце концов поглощают ненасытные вечные волны.

Капитан СРТМ «Реутово» В. М. Туркин.

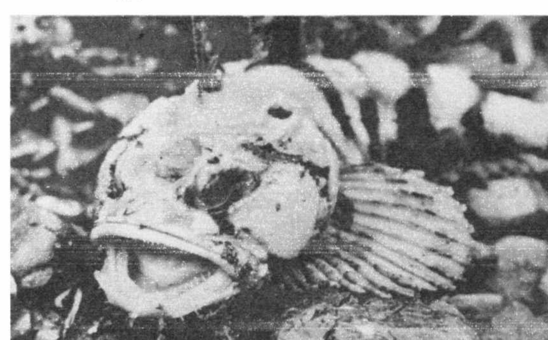

Укладка «розочкой».

Курильские «метеорологи».

Рыба, название которой нам так и не удалось выяснить.

...Пошел холодный крупный дождь. Накрываюсь брезентом с головой. Чувствую, как машина сбавляет ход, замирает прожектор на баке, который внимательно ощупывал лучом воду перед траулером — не блеснет ли где сайра?

Сбегаю вниз, в рубку.

— По рыбе идем,— говорит Михалыч, перекидывая беломорину из одного угла рта в другой.

В каюте стармеха натягиваю прорезиненные штаны, куртку, сапоги, выхожу на палубу. Выключаются и вспыхивают «люстры», прожектор и сириусы бьют по воде под правый, рабочий борт. Постепенно там скапливается все стадо сайры — тысячи узких черных стрелок. Снова появляются невесть откуда чайки и шарахаются в дожде, в ослепительно белом свете.

— По местам! — грохочет команда чифа.

Лебедки со скрежетом поднимают над палубой раму, связку полиэтиленовых труб, на которой крепится сеть. Отпорными шестами мы выталкиваем раму метров на пятнадцать от борта. Дождь все сильней. С тугим коротким треском лопается лампа за спиной. Не успеваю оглянуться — такой же пистолетный выстрел из второй «люстры» на правой скуле. Тяжелые острые струи дождя секут лицо, застят глаза.

Тридцатиметровая сеть до конца окунается в воду — над ней уже тысячи блесток. Включается красный локальный свет. Он будто гипнотизирует сайру на какое-то время, не отпускает. Мы закольцовываем сеть и быстро подтягиваем к борту, выбираем руками на палубу. Раз-два, взяли! Еще раз — взяли! Веселей! Сеть под третьей «люстрой» путается, сцепляется, кто-то из матросов ударами ног расцепляет ее, повиснув над бортом. Траулер разворачивается поперек волне, и трудно устоять на скользкой палубе между звенящими тросами. «Майнай! Вирай!»

Опускается коплёр, забирает из ловушки рыбу и выплескивает в лоток — большой ящик из досок, стоящий посреди палубы. Сайра блестит, искрится, как гора металлической стружки под солнцем.

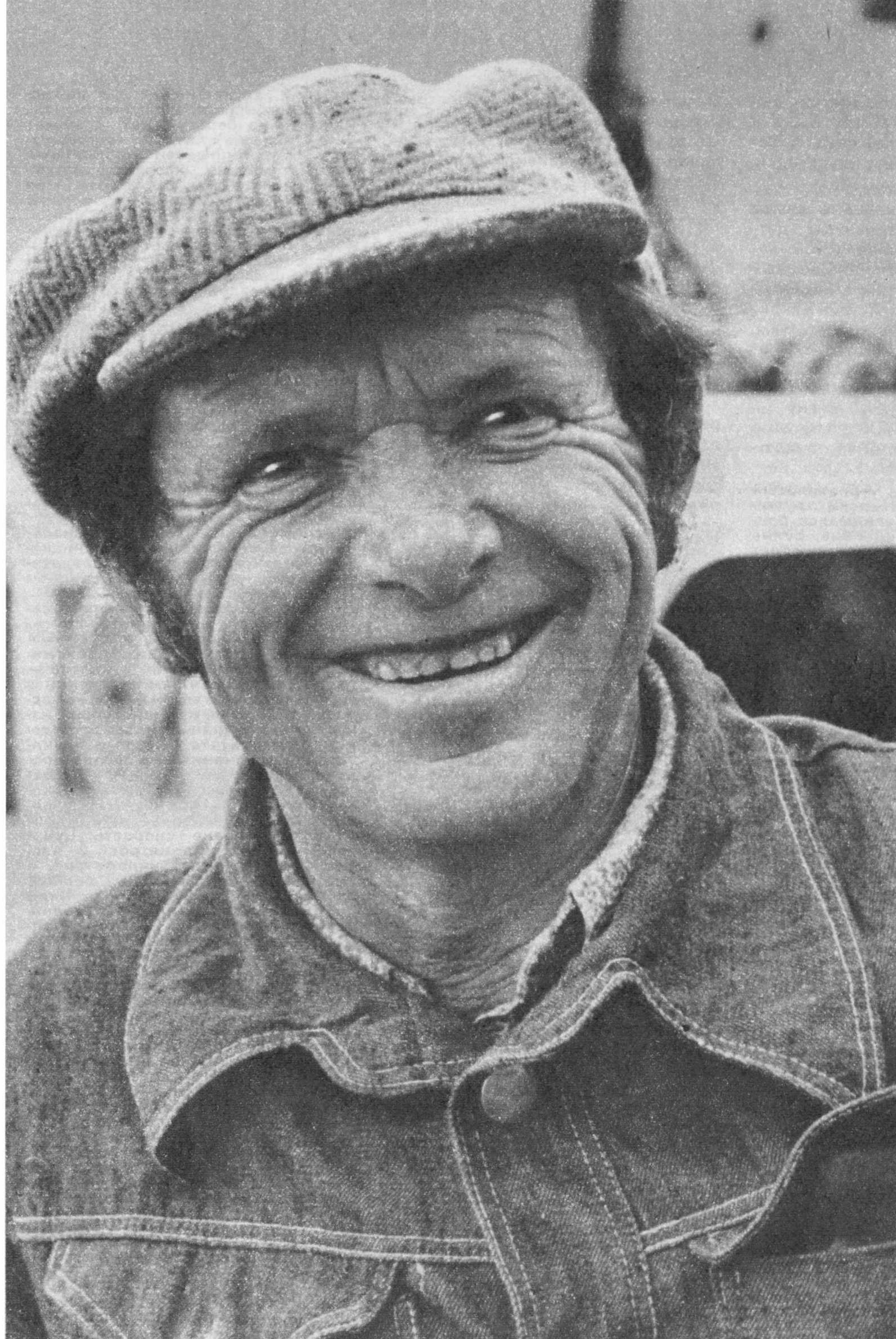
— Солома,— говорит Михалыч из окна рубки.— Дальше пошли.

Мы бросаем рыбу в трюм, где соленый (рыбмастер) сортирует ее по ящикам, пересыпает льдом, штабелюет. Мы с Анатоличем выбираем трех больших горбуш, угодивших в ловушку вместе с сайрой, идем сквозь весь траулер на камбуз, чтобы полакомиться свежей икрой; промыть как следует в кипятке, процедить, наложить горку прозрачной, темно-красной на густо помазанный маслом кусок хлеба — и с чаем...

— По местам! — командует по спикеру пиратским своим голосиной старпом.

...Курсом двести десять идем на юго-запад, чтобы сдать свои семь тонн. Пролет. Значит, не судьба. Дождь прибил туман, загнал его в воду. Утро ясное, траулер рассекает носом волны, взмывают солнечные брызги. Наперерез спешат дельфины. Мощные темно-серые спины, выгибаясь, блестят на солнце. Впереди, как на фотобумаге, проступают золотисто-голубые сопки Шикотана.

Южные Курилы.

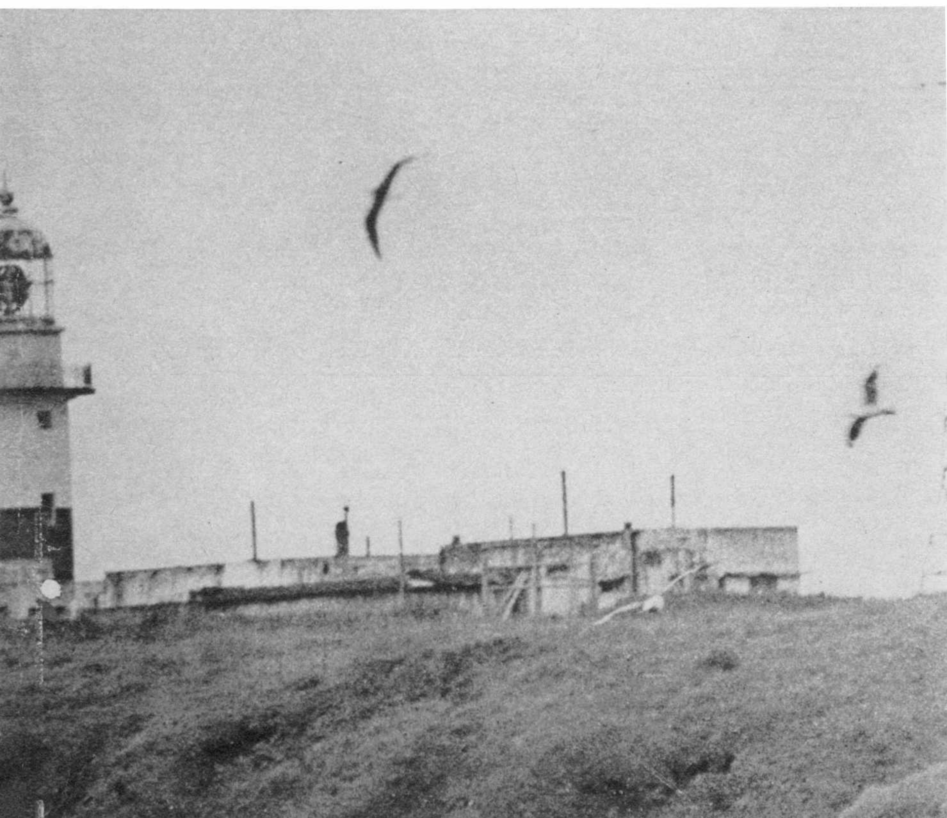

Судовой механик В. М. Журавлев.

Маяк у мыса Край света.

«Корабли постоят и ложатся на курс...»

Техник маяка Лена Игнатова.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663